

ISSN 2221-2698

электронный научный журнал
«Арктика и Север»

А И С

ФГАОУ ВО «Северный (Арктический)
федеральный университет имени М.В. Ломоносова»

**№ 34
2019**

Архангельск

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.34

ISSN 2221-2698

Арктика и Север / Arctic and North. 2019. № 34

© Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, 2019

© Редакция электронного научного журнала «Арктика и Север», 2019

Журнал «Арктика и Север» зарегистрирован в Роскомнадзоре как электронное периодическое издание на русском и английском языках, свидетельство Эл № ФС77-42809 от 26 ноября 2010 г.; в Научной электронной библиотеке eLIBRARY, РИНЦ, лицензионный договор № 96-04/2011R от 12 апреля 2011 г.; научной электронной библиотеке «КиберЛенинка» (2016); в базах данных: Directory of Open Access Journals — DOAJ (2013); Global Serials Directory Ulrichsweb, США (2013); NSD, Норвегия (2015); InfoBase Index, Индия (2015); ERIH PLUS, Норвегия (2016); MIAR, Испания (2016); OAJI (2017); RSCI на платформе Web of Science (2018). Выходит в свет не менее 4 выпусков в год.

Учредитель — ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова», г. Архангельск. Главный редактор — Кудряшова Елена Владимировна, доктор философских наук, профессор, ректор Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Все номера журнала находятся в свободном доступе (CC BY-SA) в Интернете на русском и английском языках. Правила направления, рецензирования и опубликования научных статей, декларация об этике опубликованы на сайте: <http://www.arcticandnorth.ru/rules/>

Журнал публикует статьи, в которых объектом исследования являются Арктика и Север, по следующим группам специальностей: 08.00.00 Экономические науки; 22.00.00 Социологические науки; 23.00.00 Политология.

Плата с авторов, в том числе с аспирантов и студентов, за публикацию статей не взимается. Гонорары не выплачиваются.

Все рукописи подвергаются двойному слепому рецензированию. Редакция рассматривает факт направления и получения авторских рукописей как передачу авторами своих прав на публикацию в журнале «Арктика и Север» и размещение в базах данных, включая РИНЦ, DOAJ и другие, что способствует продвижению публикационной активности авторов и отвечает их интересам.

The journal "Arctic and North" (also known as "Arktika i Sever") is registered at Roskomnadzor as an internet periodical issued in Russian and English, Registration certificate El no. FS77-42809, November 26, 2010; at the system of Elibrary, license contract no. 96-04/2011R, April 12, 2011; Scientific Electronic Library "Cyberleninka" (2016). Also in the catalogs of international databases: Directory of Open Access Journals — DOAJ (2013); Global Serials Directory Ulrichsweb, USA (2013); NSD, Norway (2015); InfoBase Index, India (2015); ERIH PLUS, Norway (2016); MIAR, Spain (2016); OAJI (2017); RSCI based on Web of Science (2018). The journal is issued not less than 4 times per year.

The Founder is Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia. Editor-in-Chief is Elena V. Kudryashova, Dr. Sci. (Phil.), Professor, Rector of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov. All journal issues are available free of charge (CC BY-SA) in Russian and English at the webpage of the journal. Rules and regulations on submission, peer reviews, publication and the Declaration of Ethics are available at: <http://www.arcticandnorth.ru/en/requirements/>

The Journal is devoted to the scientific articles focused on the Arctic and the North relevant for the following professional degrees: 08.00.00 Economics; 22.00.00 Social science; 23.00.00 Political science.

No payments for publication are collected from authors, including students and post-graduate students. Honorariums are not paid.

All manuscripts are reviewed using double blind peer review system. The Editorial Board considers receiving of the manuscripts as an authors' transfer of rights to be published in "Arctic and North" and be placed in the databases, including but not limited to RSCI, DOAJ and OAJI, that assists and promote the publishing activity of the authors and is in authors' interests.

Our English webpage is located at: <http://arcticandnorth.ru/en>
We will be glad to see you among the authors of "Arctic and North"!

СОДЕРЖАНИЕ CONTENTS

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

- ЗАДОРИН М.Ю., МИТЬКО А.В., РАЗИНКОВА Е.О., РАМЗЕЙЕР Н.Ф.Л.** Состояние и перспективы развития отечественного судостроения на Севере в первой половине XIX в. глазами губернских чиновников (по данным государственного архива Архангельской области) 5
ZADORIN M.Yu., MITKO A.V., RAZINKOVA E.O., RAMSEIER N.F.L. The state and perspectives of development of the domestic shipbuilding in the North in the first half of the 19th century through the eyes of provincial officials (data of the State Archive of the Arkhangelsk region)
- КУДРЯШОВА Е.В., СОРОКИН С.Э.** «Третья миссия» в стратегиях развития арктических университетов 20
KUDRYASHOVA E.V., SOROKIN S.E. "The third mission" in the Arctic universities' development strategies
- ОЛСЕН К.** Этнотуризм и Баренцев/Евроарктический регион (БЕАР) 44
OLSEN K. Indigenous tourism and the Barents Euro-Arctic Region (BEAR)
- ПИЛЯСОВ А.Н., ЗАМЯТИНА Н.Ю.** Освоение Севера 2.0: вызовы формирования новой теории 57
PILYASOV A.N., ZAMYATINA N.Yu. Development of the North 2.0: challenges of making a new theory
- СЕРОВА Н.А., ГУТОВ С.В.** Ключевые тенденции развития инвестиционных процессов в Арктической зоне РФ в 2008–2017 гг. 77
SEROVA N.A., GUTOV S.V. Key trends of the investment development in the Arctic zone of the Russian Federation in 2008–2017

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ИНСТИТУТЫ POLITICAL PROCESSES AND INSTITUTIONS

- ТОДОРОВ А.А.** Перспективы деятельности Международного органа по морскому дну в контексте управления Арктикой 90
TODOROV A.A. Future work of the International Seabed Authority in the context of the Arctic governance

СЕВЕРНЫЕ И АРКТИЧЕСКИЕ СОЦИУМЫ NORTHERN AND ARCTIC SOCIETIES

- ВЕРЕЩАГИН И.Ф., МАКСИМОВ А.М.** Этноконфессиональные факторы комфортности городского пространства в АЗРФ 110
VERESCHAGIN I.F., MAKSIMOV A.M. Ethnic and confessional factors of comfort of the urban space in the Russian Arctic
- СОКОЛОВА Ф.Х., ЗОЛОТАРЕВ О.В., МАКСИМОВА Л.А., СИБИРЯКОВ И.В.** Стратегические приоритеты и практические формы реализации этнополитики в арктических субъектах Российской Федерации 133
SOKOLOVA F.Kh., ZOLOTAREV O.V., MAKSIMOVA L.A., SIBIRYAKOV I.V. Strategic priorities and forms of the applying ethnopoltics in the Arctic areas of the Russian Federation

ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ
REVIEWS AND REPORTS

- АВДОНИНА Н.С., ВОДЯНИКОВА О.И., ЖУКОВА А.А.** Освещение проблем Арктического региона в современной международной журналистике: примеры и особенности 159
AVDONINA N.S., VODYANNIKOVA O.I., ZHUKOVA A.A. The problems of the Arctic region in modern international journalism: examples and features
- ДЖАНЕЗИН Э.** Искусство объединяет: Третий международный фестиваль снежных скульптур в г. Тромсё 165
GIANESIN E. Arts unite: The Third International Snow Festival in Tromsø

РЕЗЮМЕ
SUMMARY

- Авторы, названия, аннотации, ключевые слова 171
Authors, titles, abstracts, and keywords
- Редакционный совет журнала «Арктика и Север» 179
Editorial board of the "Arctic and North" journal
- Выходные данные 181
Output data

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

УДК [94(985+943.8+470.11)''18''](045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.34.5

Состояние и перспективы развития отечественного судостроения на Севере в первой половине XIX в. глазами губернских чиновников (по данным государственного архива Архангельской области)*

© **ЗАДОРИН Максим Юрьевич**, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: m.zadorin@narfu.ru

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия

© **МИТЬКО Арсений Валерьевич**, кандидат технических наук, доцент; вице-президент

E-mail: arseny73@yandex.ru, amitko@arcticas.ru

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения; Санкт-Петербург, Россия

Арктическая общественная академия наук, Санкт-Петербург, Россия

© **РАЗИНКОВА Екатерина Олеговна**, магистрант

E-mail: krazinkova@protonmail.ch

Женевский университет, Женева, Швейцария

© **РАМЗЕЙЕР Николай Франсуа Лука**, магистрант

E-mail: nicolas.ramseier@protonmail.ch

Федеральная политехническая школа Лозанны, Лозанна, Швейцария

Аннотация. На основе данных Государственного архива Архангельской области дается оценка состояния купеческого и народного поморского судостроения на Севере в XIX в. Ключевым методом исследования является метод индукции, активно используемый в исторической школе экономической науки, ставящей своей целью, в том числе анализ конкретных экономических ситуаций в конкретном государстве на определённом этапе его исторического развития. В ходе работы был проведён анализ дел и документов Архангельского общества изучения Русского Севера, а также исторических обзоров Архангельского губернского статистического комитета. Сделан вывод в целом о негативном восприятии региональных властей уровня развития товарооборота в Империи, отсутствии качественной «логистики», бюрократической волоките, юридических барьерах по поддержке кораблестроителей, а также технологических преимуществах иностранных рыболовных судов. В качестве конструктивных реформ региональных властей во второй половине XIX в. отмечен план по развитию дорожной инфраструктуры от Архангельска до г. Повенец Олонецкой губернии, развитие шкиперских курсов, создание типовой усовершенствованной модели карбаса и грузовой шхуны для обучения будущих кораблестроителей, шкиперов.

Ключевые слова: российская Арктика, Крайний Север, Архангельская губерния, островные пространства, историческая география, политическая география, пограничье, кораблестроение.

* Для цитирования:

Задорин М.Ю., Митько А.В., Разинкова Е.О., Рамзейер Н.Ф.Л. Состояние и перспективы экономического развития отечественного судостроения на Севере в первой половине XIX в. глазами губернских чиновников (по данным государственного архива Архангельской области) // Арктика и Север. 2019. № 34. С. 5–19. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.34.5

For citation:

Zadorin M.Yu., Mitko A.V., Razinkova E.O., Ramseier N.F.L. The state and perspectives of economic development of the domestic shipbuilding in the North in the first half of the 19th century through the eyes of provincial officials (data of the State Archive of the Arkhangelsk region). *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 34, pp. 5–19. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.34.5

The state and perspectives of development of the domestic shipbuilding in the North in the first half of the 19th century through the eyes of provincial officials (data of the State Archive of the Arkhangelsk region)

© **Maksim Yu. ZADORIN**, Cand. Sci. (Law), Associated Professor

E-mail: m.zadorin@narfu.ru

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

© **Arseniy V. MITKO**, Cand. Sci. (Tech.), Associated Professor; Vice-president

E-mail: arseny73@yandex.ru, amitko@arcticas.ru

Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint Petersburg, Russia

Arctic Public Academy Of Sciences, Saint Petersburg, Russia

© **Ekaterina O. RAZINKOVA**, Master student

E-mail: krazinkova@protonmail.ch

Université de Genève, Geneva, Switzerland

© **Nicolas Francois Lucas RAMSEIER**, Master student

E-mail: nicolas.ramseier@protonmail.ch

École polytechnique fédérale de Lausanne, Lausanne, Switzerland

Abstract. Based on the data from the State Archive of the Arkhangelsk Region, the article assesses the status of merchant and folk Pomor shipbuilding in the North in the XIXth century. The key method of the research is the induction method, which is actively used in the historical school of economics, which set as its goal, including the analysis of specific economic situations in a state at a certain stage of its historical development. During the process of research the analysis has being made of the certain cases and documents of the Arkhangelsk Society for the Study of the Russian North, as well as historical reviews of the Arkhangelsk Governorate Statistical Committee. The conclusion was made overall about the negative perception of regional authorities of the level of development of commodity turnover in the Empire, the absence of high-quality "logistics," bureaucratic red tape, legal barriers to support shipbuilders, as well as technological advantages of foreign fishing vessels. A constructive reform of the regional authorities in the second half of the 19th century meant the plan for the development of road infrastructure between Arkhangelsk and the town of Povenets in the Olonets Province (Governorate), the development of skipper courses, the creation of a typical improved model of a karbas and a cargo schooner for training future shipbuilders, skippers.

Keywords: *the Russian Arctic, Far North, the Arkhangelsk Province, island spaces, historical geography, political geography, borderlands, shipbuilding.*

Введение

Ещё в 2014 г. президентом России была озвучена идея о принципиальной важности развития «судостроительного кластера». Было отмечено, что развитие судостроения имеет особое значение, поскольку даёт импульс многим смежным отраслям, а также «принципиально важно, чтобы в борьбе за эти заказы на ведущие роли выходили именно отечественные верфи»¹.

Как отмечают О.В. Личутина и Т.А. Широкова, на 2013 г. судостроение входило в пятёрку ключевых секторов экономики, оказывающих наибольший вклад в формирование валового регионального продукта Архангельской области [1, Личутина О.В., Широкова Т.А.]. Однако всё же его объёмы, по сравнению с лесопромышленным комплексом, транспортом, логистикой, торговлей и строительством, непростительно малы: чуть более 4%.

¹ Путин подчеркнул важность развития отечественного судостроения, 13 ноя 2014, 07:32. Тасс. URL: <https://tass.ru/ekonomika/1568966> (дата обращения: 16.03.2019).

О важности поддержки судостроения, в том числе в контексте исторической преемственности, высказывался в середине 2018 г. и губернатор Архангельской области. Именно Соломбальская верфь была первой судостроительной верфью, созданной по приказу самого Императора Петра I еще в 1693 г., а «на заводе “Красная кузница”, наследнике первой судовой верфи, и сегодня сохранились деревянные слипы, по которым спускали на воду первые корабли»². Примечательно и то, что верфь была закрыта в 1862 г., именно в тот период, когда активизировалась деятельность иностранных промысловиков, в т.ч. в опасной близости к суверенным морским пространствам Империи.

Связано это было с тем, что лишь к концу XIX в. отечественные промышленники получили в своё распоряжение паровой флот, закупаемый из-за рубежа (например, Товариществом Архангельско-Мурманского срочного пароходства), и, как отмечает Л.Б. Красавцев, затраты на фрахт достигали колоссальных сумм:

«[...] вступив на путь индустриального развития позже других европейских стран и США, Россия в промышленном отношении резко отставала от них и не имела материальной базы для проведения активной морской политики. По тоннажу и количеству морских торговых судов в начале XX в. Россия занимала 10-е место в мире. Торгового флота для перевозок грузов внешней торговли не хватало. Поэтому фрахтовались иностранные суда, за что страна ежегодно платила 125 млн рублей. Распределение торгового флота по морским бассейнам страны было крайне неравномерным. Основное количество судов было сосредоточено на Черном, Балтийском и Каспийском морях» [2, Красавцев Л.Б.]. Более подробно об этом он пишет в своей монографии, посвящённой торговому мореплаванию на Европейском Севере России [3; Красавцев Л.Б.].

Как отмечается в большом количестве писем, циркуляров, телеграмм и иных исторических документов Архангельского общества изучения Русского Севера, касающихся морских промыслов, в конце XIX — начале XX вв. зафиксирована чрезвычайно высокая активность норвежцев в прибрежных районах Мурмана в пределах 6 морских миль, в связи с чем существенно упал лов рыбы у соотечественников³.

Порой это приводило и к дипломатическим недоразумениям, выражавшимся во враждебной риторике со стороны норвежских медийных структур. Например, в статьях авторов газеты «Афтенпостен» всячески отрицалось какое-либо усиление норвежской промысловой активности в арктических водах Российской Империи, а любые недоброжелательные политические заявления в адрес Королевства со стороны промысловиков или общественников восточного соседа воспринимались как попытка заработать политические очки и финансирование от центрального правительства в столице.

² От карбаса к ледоколу, 28.06.2018, 09:00. Российская газета. URL: <https://rg.ru/2018/06/28/reg-szfo/v-arhangelskoj-oblasti-vozdorodili-mnogovekovoe-nasledie-pomorov.html> (дата обращения: 16.03.2019).

³ Дело об экспедиции В.Ф. Држевецкого к Мурманским берегам. Список губернских архивных комиссий (2 янв. 1910 г. – 30 июня 1910 г.). ГААО. Ф. 83. Оп. 1. Д. 20. (на 336 л.). Л. 293.

Также в одном из дел Архангельского общества изучения Русского Севера присутствует фрагмент перевода статьи в упомянутой выше норвежской газеты Аftenposten № 563 от 30 сентября 1909 г., в которой автор пытается убедить читателей в обоснованности претензий российской стороны на активный промысел норвежцев на Новой Земле, отмечая, что выводы экспедиции Архангельского Губернатора об активной экспансии норвежских промышленников — недоразумение. В качестве аргументов используются доводы о том, что норвежцы заинтересованы, прежде всего, в промысле тюленя, добыча которого ведётся в Северном Ледовитом океане далеко за пределами Новой Земли, а российское сторожевое судно «Бакан» не даёт никаких возможностей для «разбойничьего промысла», в связи с чем подобные заявления русского губернатора — лишь попытка получить финансирование для освоения Новой Земли⁴.

Ещё одним примечательным фактом является сообщение о том, что «промыслу мешают северные ветры и отсутствие подвоза наживки»⁵, то есть налицо не только усиление роли иностранных промысловиков, но и отсутствие достойного снабжения для отечественных рыболовов, в т.ч. отсутствие технологических преимуществ [4, Zaikov K.S., Cherkasov A.A., Gao T., Loukacheva N.V.].

Если сравнить уровень политического напряжения в Арктике конца XIX — начала XX в. с текущей ситуацией, то, несмотря на попытку глобального международного сообщества сделать акцент на охрану окружающей среды (ст. 234 Конвенции ООН по морскому праву), ориентируя приарктические государства на более сдержанную позицию по освоению морских биологических и энергетических ресурсов, — по своей сути ничего принципиально не изменилось. Ещё недавно Россия и Норвегия урегулировали спор в отношении «серой зоны» Баренцева моря, однако до сих пор существует правовая неопределённость по поводу установления норвежской стороной «рыбной зоны» у Шпицбергена [5, Østhagen A.], а также действие «Горного устава» — внутригосударственного акта на архипелаге [6, Grydehoj A.], правовой режим которого недвусмысленно намекает на свободный доступ всех государств-участников трактата к ресурсам при сохранении норвежского суверенитета, несмотря на все попытки Норвегии распространить больший контроль над указанным пространством.

Нельзя забывать и о дипломатической позиции США в отношении правового статуса проливов Северного морского пути, а именно проливов Карского моря, проливов Лаптевых и Санникова, а именно заявлении о международном статусе указанных морских путей [7, Тодоров А.А.]. Безусловно, это и претензии сразу трёх государств России, Дании и Канады на Хребет Ломоносова⁶, спор за остров Ганса между Канадой и Данией [8, Rudnicki J.], и зата-

⁴ Фрагмент газетной статьи «Норвежский разбойничий промысел на Новой Земле» (1909 г.). ГААО. Ф. 83. Оп. 2. Д. 2. (на 1 л.). Л. 1.

⁵ Дело об экспедиции В.Ф. Држевецкого к Мурманским берегам. Список губернских архивных комиссий (2 янв. 1910 г. — 30 июня 1910 г.). ГААО. Ф. 83. Оп. 1. Д. 20. (на 336 л.). Л. 326.

⁶ Briefing: Arctic continental shelf claims — Mapping interests in the circumpolar North. European Parliament. January 2017. URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2017/595870/EPRS_BRI\(2017\)595870_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2017/595870/EPRS_BRI(2017)595870_EN.pdf) (дата обращения: 16.03.2019).

нувшийся спор между США и Канадой за Северо-Западный проход, проливы Диксон-Энтрэнс и Хуан-де-Фука, море Бофорта и остров Мачиас-Сил [9, Lalonde S., Lasserre F.] и т.д.

В связи с этим каждое управленческое решение должно быть максимально выверенным, а поддержка отечественных промышленников должна опираться на исторический фундамент и опыт предыдущих поколений. Развитый торговый флот и инфраструктура не только локомотив экономического освоения российской Арктики, но и фактор геополитического присутствия.

Эволюция кораблестроения Архангельской губернии: от рассвета к закату

Вторая половина XVIII — начало XIX вв. в отечественной науке традиционно считаются золотым веком российского арктического мореплавания. Энтузиазм зверобоев и рыболовов Поморья, отправлявшихся на морские промыслы, отражён в многочисленных трудах учёных, а также в архивных документах. В качестве яркого примера можно привести выдержку из «Исторического описания путешествия на Шпицберген четырёх мезенских матросов: Алексея и Ивана Химковых, Степана Шарапова и Федора Виругина, с 1743 по 1749 гг.»:

«[...]и более всего удивились они, когда несчастные начали говорить по-русски. Корабельщик увидев, что они природные Русские, и узнал от них, что они более шести лет жили на необитаемом острове. Корабль, отправившийся из Архангельска, плыл к Западному Шпицбергену, для ловли китов, но противным ветром занесен был к восточному Шпицбергену.

Корабельщик условился, за восемь-десять рублей, привести в Россию трех Робинзонов со всем их имуществом. Драгоценности их состояли в 2,000 фунт. оленьего жира, 200 оленьих рожках, 10 шкурах медвежьих и в большом количестве кож белых и синих лисиц. В счет 80 руб., он еще обязался содержать их во все время путешествия на своем иждивении.»⁷.

Как видно из описания, тот прибыль, который имели отечественные зверобои и рыболовы, значительно укреплял их мотивацию в освоении морских и островных пространств Империи, даже несмотря на колоссальные риски и суровые климатические условия. Более подробно об этой истории свидетельствует сборник «Русская Арктика» [10, Русская Арктика].

Впрочем, архангельские чиновники, порой не слишком высоко оценивали вклад местного населения в развитие производительных сил, и кораблестроения в частности. Несколько пренебрежительный тон в отношении «поморян» прослеживается в риторике члена-корреспондента Архангельского статистического комитета П. Богословского:

«В 1428 году, в княжение Василия Темного, также упоминается о каких-то Поморьях, обитавших при устье реки Нивы и по берегам Кандалакшской губы, занимавшихся звериными и рыбными промыслами. Но все эти сказания неудовлетворительны, темны. Конечно, занятия

⁷ Историческое описание путешествия на Шпицберген четырех мезенских матросов: Алексея и Ивана Химковых, Степана Шарапова и Федора Виругина, с 1743 по 1749 гг. ГААО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 1. (на 8 л.). Л. 7, 8.

морскими промыслами дают уже знать о существовании судов, но что это были за суда, где и как строились – неизвестно; да и напрасно было бы искать об этом чего-либо положительного, верного, – ряд предположений и произвольных догадок не раскрыл бы истины»⁸.

Но не только энтузиазм, но и экономический протекционизм (вкуче с отсутствием на начальном этапе существенных бюрократических издержек) играл свою роль в укреплении хозяйственно-промыслового присутствия России на Северо-Западе. Более того, отдельные свидетельства прямо говорят об особом складе характера помора, выгодно отличавшего его от жителей центральной России:

«В то время, как жители внутренних Губерний России, одаренных не столь суровым климатом, в поте лица обрабатывают землю, в надежде на обильный урожай хлеба, обитатели Архангельского поморья, лишенные этого дара природы, находят средства жизни в морском звероловстве, ловле рыбы и в мене своих произведений на привозной хлеб. Конечно, это поле промышленности требует не только больших способов для своего возделывания, но и смелости и самоотвержения, для извлечения плодов его; зато плод этот всегда достаточен для существования предприимчивого помора. С детства сроднившийся с жизнью на море и его невзгодами, привыкший и полюбивший ее, он доволен, счастлив своею судьбой; и твердо переносит суровость климата своего поморского края. Море – источник его богатства – заменяет ему благорастворенный климат, с тучной почвою, – и наш помор живет не только не беднее, но даже богаче обитателей благодатных местностей России»⁹.

Однако хвалебные речи заканчиваются на том моменте, который касается дальнейшего поступательного развития кораблестроения для нужд государства, когда поморы, по инерции и благодаря сложившемуся за долгие столетия методу постройки судов, использовали устаревшие технологии и не стремились существенным образом расширять рыболовецкую экспансию. Государственные мужи не стесняются в оценке «поморского коча» и «шняка», обозначая его их «неуклюжими»:

«Беломорское судостроение и мореходство древни. Начало их совпадает с пришествием сюда Новгородцев, бойкий предприимчивый и смысленный ум которых с разу угадал и постиг, что Нормандская кочь – тот самый верный сказочный конь, с которым можно завоевывать золотое дно северного понта. С тех пор прошло более четырехсот лет; но судостроение и мореходство, можно сказать, не подвинулось вперед ни на шаг: беспечный помор и по ныне плавает на той же неуклюжей Нормандской коче или Чудской шняке, и по ныне Грумант и Новая Земля смыкают древнюю арену православных арматоров»¹⁰.

Впрочем, достаточно резко и критично чиновники высказываются и о мотивации населения, его способностях к развитию, заключая, что поморы стали «рабами обычая», счи-

⁸ Исторический обзор. О судостроении в Архангельской губернии с 1813–1853 гг. ГААО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 3. (на 12 л.). Л. 1.

⁹ Исторический обзор о Беломорском судостроении; о числе лиц, занимающихся мореплаванием; о числе морских звероловов и рыболовов, 1859 г. ГААО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 25. (на 3 л.). Л. 1.

¹⁰ Там же. Л. 2.

тая, что никакие льготы и государственная поддержка не станут стимулом для развития корабельного производства:

«Полагаем, однако ж, что в поощрениях собственно одного только Поморского промышленного флота, еще нельзя и не следует видеть прямой и верной дороги к возрождению из него Беломорского торгового флота, – поморы, говоря относительно, еще дети по разуму и бедняки по карману, следовательно еще слабы и к осмысленному саморазвитию не пригодны, какими льготами их не лелейте; и пока хотя слабый луч просвещения не тронет и не пробьет их нравственной зачерствелости, до тех пор они все-таки останутся рутинистами, рабами обычая, и не выйдут из околodka своей пассивной жизни»¹¹.

Исследователи подчёркивают нарочитую «архаизацию» промысловой активности поморов [11, Troshina T.A., Avdonina N.S., Zadorin M.Yu.], что во многом повлияло в дальнейшем и на постепенное угасание самой этнолокальной группы русского населения.

Опять же, присущий поморам консерватизм в постройке новых судов (на примере варзужан) объяснялся, как минимум, отсутствием экономической целесообразности, когда нет больших перевозных грузов, а полученные припасы закрывают потребности семьи:

«Далее на распросы мои о мореходных их судах, Варзужанин объяснил, что они строят у себя только раньшины, и то в малом числе; мастера строители не свои, а из Кемских деревень приходят; что наличных судов этого рода теперь во всем селе не более 5ти; и иметь больше им не нужно, потому что перевозных грузов больших не имеют, а какой отправляют в Архангельск или обратно – т.е. семгу, сало, /:ворвань:/ хлеб, то платят только по 3 коп. с пуда; нет значит никакой потребности в большем числе судов; до Архангельска Морским ходом считают до 300 верст; переход делают в хорошую поветерь в сутки, в среднюю-двои, трои сутки; делают по два и по три рейса в лето, смотря по надобности; привезенные из Архангельска хлебные и прочие припасы продают в ближних местах, или сами потребляют. На Мурман для ловли трески ходить им далеко: покрученики не успевают туда вовремя. Впрочем признают выгодным ходить на Мурман, на своих судах, для покупки этой рыбы, с тем чтобы перепродать в Архангельск, и для этого некоторые, подостаточнее, намереваются уже строить суда. дело в том, что в прошлое лето (1860 г.) на Мурман треску покупали на месте по 15 коп. за пуд, а привезли в Архангельск, продали, по 70 коп. Тоже бывало и в другие годы.»¹².

Сетую на исторически сложившееся усиление роли Балтийского моря как важного торгового и транспортного узла, а также на военно-политические события на море начала XVIII в., региональный чиновник делает вывод о потомственной инерции русской торговли:

«Во второй половине XVII и в XVIII веке в годину привилегий и льгот; ожививших торговлю и промыслы в Беломорье, как бы на мгновение вспыхнула заря возрождения русского

¹¹ Исторический обзор о судостроении в Архангельской губернии, 1859 г. ГААО. Ф. 6. Оп. 7. Д. 24. (на 9 л.). Л. 7.

¹² Историческое описание о домашнем быте и промыслах Варзужан, 1856 г. ГААО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 21. (на 5 л.). Л. 3, 4.

торгового флота; десятки русских беломорских кораблей, построенные на отечественных верфях и нагруженные отечественными товарами, показались было у Европейских пристаней. Но развитие и усиление русской торговли на Балтийском море, заработки на компанейских Онежских лесопильных заводах и свобода смолокурения, отнявшие у моря до 17 / т. лучших матросов; наконец морские войны восьмисотых годов, отозвавшиеся на Белом море разгромлением Англичанами северных промыслов – все это окончательно порешило беломорское судостроение и мореходство, заключив их в ту твердую раму, в которой, убаюканные общей инерцией русской торговли последних лет, продолжают существовать и по ныне.»¹³.

Золотой год архангельского судостроения

Как отмечается в архивных источниках, первая четверть XIX в. была самой благоприятной для архангельского судостроения:

«Год 1810-й был самым благоприятным и цветущим для Архангельской торговли, так что старожилы называют его золотым Американским годом. По сохранившимся и дошедшим до нас любопытным сведениям видно, что в том году построено было коммерческих кораблей в Архангельской губернии: на Быковской верфи купцом В. Поповым и М. Куницыным, длиною по килю 100 футов 3 дюйма – три; в 90 футом – один; в 75 футов – один. На Маймаксанской верфи С. Фанбриным, в 90 футов – два, в деревнях: Нижнеладинской, крестьянином Дубленым, в 90 футов – два; в Кехте, купцом С. Фанбриным, на лесопильном его заводе, в 90 футов – два; в Холмогорском уезде в деревнях: Ровдиной горе, крестьянином Кочневым, в 80 футов – одно; в 90 футов – одно; в Чухчеремском селении, купцом Кулаковым, в 75 футов – одно; в Пиндыше, что против Емецкого села, крестьянином В. Ермолиным, в 90 футов – одно; в 100 футов – одно, и в 101 фут – одно. В городе Кеми, крестьянином Ермолиным, в 75 футов – одно. Всех же, в течении 1810 года, в Архангельской Губернии построено мореходных торговых кораблей 19-ть.»¹⁴.

После 1815 г. отмечается постепенный упадок кораблестроения, который в первой половине 30-х гг. XIX в. привёл к окончательной утрате роли России в качестве одного из локомотивов морского освоения арктических рубежей:

«С переменою обстоятельств, когда участие русских купцов во внешней торговле мало по малу начало ослабевать, и торговля стала переходить в тороватые руки разумных иноземцев, судостроение, бывшее всегда почти исключительно русским, с 1815 года пошло также к упадку, и впоследствии, около 1831 года, совсем почти прекратилось; только на Маймаксанских верфях оно еще поддерживалось до 1818 года последним русским владельцем их, купцом Поповым. Тут же имел складочные амбары купец Митрополов, строивший суда свои на

¹³ Исторический обзор о Беломорском судостроении; о числе лиц, занимающихся мореплаванием; о числе морских звероловов и рыболовов, 1859 г. ГААО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 25. (на 3 л.). Л. 2.

¹⁴ Исторический обзор. О судостроении в Архангельской губернии с 1813–1853 гг. ГААО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 3. (на 12 л.). Л. 11.

заказ в Вологодской губернии, на устье речки Коченги, впадающей в реку Сухону. Там, в Коченской слободке, стояла верфь, или заведение, следы которого видны еще и поныне. При этой верфи находилась водяная пильная мельница и другие строения. Вскоре Маймаксанская верфь продана была купцу Бранту, который и построил на ней 23 корабля. Со смертью Бранта в 1832 году, существовавшее здесь судостроение прекратилось. Наследники его не строили уже судов на Маймаксе, а только поддерживали старые, исправляя их починкою.»¹⁵.

Статистические данные свидетельствуют о количестве морских торговых судов, построенных за 24 года, начиная с 1811 г.:

«Всех мореходных торговых кораблей построенных на Архангельских верфях с 1811 по 1835 год было 70.»¹⁶.

В дальнейшем статистические данные по количеству построенных кораблей, к примеру, за период с 1851 по 1859 гг., демонстрируют наличие лишь небольших по размеру судов, едва ли способных конкурировать с западными аналогами: карбасы, боты, осиновки, чёлновки, плашкоуты¹⁷. У домохозяев побогаче были и шхуны и раньшины, у них же, очевидно, были и возможности по преодолению административно-фискальных и документальных сложностей:

«Суда строятся следующего рода: шхуны, лодки, кочмары, раньшины, шпяки, карбасы и лодки. Судостроителями бывают обыкновенно сами хозяева судов. Лес для постройки судов употребляется сосновый и еловый, которым пользуются с половиною против других Губерний пошлиною, или же вовсе беспошлинно, на основании Лесн. Уст. Св. Зак. издан. 1857 г. Т. VIII. Дешевизна постройки здесь мореходных судов составляет славную премию для судовладельцев, так например: постройка шхуны и лодки, поднимающих грузу от 4.000 до 6.000 пудов каждая, обходится с вооружением 1.200 – 1.700 рублей; кочмары и раньшины, поднимающих грузу до 8.00 пуд каждая, стоит с вооружением 230 и 260 рублей; шняки, вместимостью 400–500 пудов, стоит с вооружением 140–150 рублей»¹⁸.

О причинах упадка купеческого судостроения и морского торгового мореплавания в губернии

При анализе документов складывается ощущение об определённой растерянности губернской администрации XIX в. относительно методов и средств, благодаря которым станет возможным возродить «купеческий флот». Одновременно с этим делается попытка обозначить препятствия для осуществления стратегической цели, к числу которых чиновники относят отсутствие дорожной и морской инфраструктуры, чрезмерное покровительство ино-

¹⁵ Исторический обзор. О судостроении в Архангельской губернии с 1813–1853 гг. ГААО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 3. (на 12 л.). Л. 12.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Исторический обзор о судостроении в Архангельской губернии, 1859 г. ГААО. Ф. 6. Оп. 7. Д. 24. (на 9 л.). Л. 9.

¹⁸ Исторический обзор о Беломорском судостроении; о числе лиц, занимающихся мореплаванием; о числе морских звероловов и рыболовов, 1859 г. ГААО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 25. (на 3 л.). Л. 3.

странным торговцам, и, конечно же, косное и чрезмерное правовое регулирование, не отвечающее нуждам предпринимателей-купцов:

«Купечеству флот есть свободная отрасль, или иначе законное следствие цветущей промышленности и торговли, а не причина их, не отдельное в них начало. В самом деле, посмотрите на Европу: там, на сдобренной и подготовленной почве, всякое коммерческое предприятие принимается быстро и развивается бойко; там капиталы и частные кредитные учреждения конечно важны и знаменательны, и представляют ту творческую силу, от которой, как-бы по волшебству, создаются заводы и фабрики, слагаются колоссальные пути и сообщения, рождаются и оживотворяются торговые флоты. Но такова ли почва русской промышленности и торговли? Подготовлена ли она на столько, чтоб могла по желанию нашего оплодотворять зёрны коммерческих предприятий, и давать жатву какую хотим от нее требовать? ... повторяю: нет; и с одними капиталами, без других, более важных и радикальных средств и пособий, нам не создать своего торгового флота. Положим, учредим мы Компанию для залога морского имущества и поощрения мореплавания; настроим кораблей и пароходов, да что они будут делать? чем станут кормиться и жить? У нас, говоря вообще, нет еще ни сети дорог, приличной обширности и географическому положению Империи, ни порядочных пристаней и гаваней с обстановкой приличною нуждам и потребностям купеческих флотов; и потому корабли эти не всегда найдут для себя склады готовых по спросу грузов, мало этого, в нашей кровной русской коммерческой голове, в нашем иностранно-русском консульском протекторате не найдут еще они ни ловкого и опытного руководства, ни средств к развитию линии плаваний, ни достаточной поддержки, ни благотворного и сердечного покровительства; а наш древне-германский Таможенный Устав? а Уставы о банкротствах, гильдиях и паспортах? а самый акт судопроизводства и следствий, где нередко секвеструется сплеча и самовар и строящееся на стапеле судно? Все – это такие еще не округлённые банки в море нашей администрации и наших учреждений, между которыми не очень-то расплаваешься!»¹⁹.

Бюрократическая косность и отсутствие понятного для помора порядка получения льгот на вырубку леса для постройки судна также называется одной из причин деградации судостроения. Сроки получения квоты чрезвычайно формализованы, а сама квота не учитывает годичный цикл промыслов и начинает фактически действовать только с момента получения официального разрешения, а не постфактум при завершении постройки судна:

«Жителям приморских уездов Архангельской губернии, закон дарует льготы в беспощинной вырубке лесов на судостроение; казалось-бы, чего же лучше!? так нет, жалкая формалистика и тут становится помехой делу, и, парализуя благотворный дух закона, отводит от цели: до получения, указанным путем, билета на вырубку леса, помор не смеет приступить к постройке судёнышка; а билеты эти, как известно, выдаются несвоевременно; а

¹⁹ Исторический обзор о судостроении в Архангельской губернии, 1859 г. ГААО. Ф. 6. Оп. 7. Д. 24. (на 9 л.). Л. 1, 2.

время для здешнего морехода драгоценно. Помору надо успеть выстроить и спустить судно тотчас по вскрытии навигации, потому что расходы по постройке и снаряжению последнего, равно как и насущные средства своего семейного быта на время почти восьмимесячной зимы, он должен торопиться окупить и сберечь возможно-наибольшим числом рейсов в таком море, которое едва на три месяца открывается для его поприща и заработка.»²⁰

Что же касается купцов, то здесь, порой, возникали курьезные случаи, связанные со сложной внешнеполитической обстановкой, когда из-за ошибочных слухов о продаже военного корабля иностранному заказчику, предприниматель мог лишиться свободы или жизни:

«Замечательно, что в 1828 году на Быковской верфи у купца Амосова построен был 66-ти пушеч. Корабль «Кола», проданный Англичанам и, впоследствии, поступивший во флот Египетского Паши» [...] Примечание к цитате [29]: «Обстоятельство это породило впоследствии чудовищную, но не менее того довольно крупную сплетню: в С.Петербурге заговорили, что в Арх. Адмиралтействе в тихомолку выстроен военный Фрегат и продан Англичанам. Говор отделился, наконец, так громок, так правдоподобен, что тамошнее Морское Начальство сочло нужным прислать сюда сыщика, которому и поручило разведать о деле под рукою. Дело, разумеется, вскоре же объяснилось и – гора родила мышь.»²¹

Губернские чиновники в целом негативно оценивают сложившийся в Империи фон внешней и внутренней торговли, когда отсутствие дорожной и морской инфраструктуры делает организацию постройки больших торговых судов бесполезным занятием²².

О положительных шагах губернской администрации

Безусловно, определённые положительные шаги предпринимались на уровне руководства губернией, к числу которых, в частности, относилось строительство транспортного сообщения до Олонецкой Губернии (в настоящее время Республика Карелия) и создание типовой усовершенствованной модели карбаса и грузовой шхуны для обучения будущих кораблестроителей:

«В последнее время, по изысканиям и соображениям Г. Начальника Архангельской губернии, Его Превосходительства Н.Н. Арандаренко, составлены два предложения, имеющие важное и прочное значение в будущих судьбах Беломорья, это – устройство дороги от Поморья на г. Повенец Олонецкой губернии, и продажа казенных свободных земель с льготными и водными угодьями в частные руки. Кроме этого, в Архангельских Шкиперских Курсах введен немецкий язык, необходимый для здешних мореходов, по их торговым связям с Норвегией; для распространения между Поморскими серваерами более прочных сведений по части кораблестроения, вызываются они ежегодно в Архангельск, где их водят в

²⁰ Там же. Л. 6.

²¹ Исторический обзор. О судостроении в Архангельской губернии с 1813–1853 гг. ГААО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 3. (на 12 л.). Л. 11–12.

²² Исторический обзор о Беломорском судостроении; о числе лиц, занимающихся мореплаванием; о числе морских звероловов и рыболовов, 1859 г. ГААО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 25. (на 3 л.). Л. 2–3.

Порт для наглядного изучения дел; построен в Архангельске карбас улучшенной конструкции, для морского почтового тракта в Поморье, и отправлен туда как образец, по которому на будущее время почт-содержатели должны строить этого рода суда; с той же целью наглядного изучения кораблестроения, готовится разборная, в большом масштабе, модель грузовой Шхуны, приновреленной к условиям местных вод, которую и предполагается поставить в г. Кеми. Наконец, усилен отпуск за границу строевых лесов всех пород и размеров, в количестве до 75 / т. штук.»²³.

Однако самым передовым видится предложение о наделении всеми льготами «все торговое сословие Губернии», в том числе беспрепятственный доступ к лесному фонду губернии без каких-либо ограничений (за исключением лиственничных пород):

«А потому, отчего-бы, в видах успешнейшего достижения цели, не распространить помянутые лестные льготы и на все торговое сословие Архангельской губернии? в Этом сословии или разряде людей, конечно скорее найдутся уменье и деньга для того, чтобы воспользоваться делом в более приличных и прочных размерах, – тут уж не остановятся на лодке или шхуне, а возьмутся конечно за бриг или корабль; и не удовольствуются наследственным гореплаванием в Финмаркен и обратно, а вероятно поплывут и подальше. При этом, желающим строит мореходные суда для себя, а не напродажу, можно смело отдать все леса / за исключением лиственницы /, растущие в северной полосе Архангельской и Вологодской губерний, ограниченной реками Сев. Двиною и Вычегдою; тамошняя сосна также не возрастает до размеров важного корабельного дерева, следовательно дорожить этими лесами Правительству нечего, да и не должно: грешно не положить посильную даровую частичку этого материала в основу русского Беломорского торгового флота, когда, не находя ему приличного и полезного употребления в отечестве, мы великодушно, почти за бесценок, отдаем его иноземцам. Впрочем, сколько нам известно, при благоразумном хозяйственном расходовании здешних лесов, относительно определения места и величины порубок, их хватит на то, и на другое»²⁴.

К сожалению, дальше инициативы предлагаемые изменения не получили логического продолжения в виде нормативного правового регулирования и передовых управленческих решений.

Заключение

Исходя из представленных архивных данных, можно сделать ряд выводов, связанных с проблемой постепенного угасания российского купеческого и поморского кораблестроения на верфях Архангельской губернии в XIX в.:

- отсутствие качественной логистической инфраструктуры для перемещения товаров и услуг, что влекло фактическую бесполезность постройки больших торговых судов,

²³ Исторический обзор о судостроении в Архангельской губернии, 1859 г. ГААО. Ф. 6. Оп. 7. Д. 24. (на 9 л.). Л. 3–4.

²⁴ Там же. Л. 7.

в связи с колоссальными издержками на их содержание и отсутствием современной портовой инфраструктуры;

- отсутствие длительный период времени понимания на региональном уровне потребностей местных кораблестроителей, а также бюрократическая волокита с получением разрешения на квоту по добыче леса для нужд постройки судов;
- откровенно пренебрежительное отношение чиновников к местному населению, которое представлялось инертным, безынициативным и, почему-то не стремящимся за свой счёт налаживать инфраструктуру для внедрения современных работ в области постройки судов для нужд государства;
- активизация иностранных (прежде всего, норвежских) промысловиков в Северо-Западном арктическом секторе (не только в районе Мурмана (Варангер-фьорд, но на Шпицбергене), но и на Новой Земле, в том числе за счёт технологических преимуществ;
- юридические барьеры за счёт большого количества установлений, препятствовавших слаженному и быстрому обеспечению условий для формирования инициативного класса эффективных собственников;
- в определённой степени архаизация промысловой активности поморского населения.

В качестве конструктивных реформ региональных властей во второй половине XIX в. можно отметить план по развитию дорожной инфраструктуры от Архангельска до г. Повенец Олонецкой губернии (рядом с Онежским озером), развитие шкиперских курсов, создание типовой усовершенствованной модели карбаса и грузовой шхуны для обучения будущих кораблестроителей, шкиперов и т.д.

Лишь в последние десятилетия XIX в. начинается поступательное развитие торгового мореплавания за счёт активной закупки иностранных паровых судов, дноуглубительных работ в Архангельском порту и строительства железной дороги Москва — Архангельск.

Благодарности и финансирование

Статья подготовлена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских учёных (проект МК-6382.2018.6 «Реконструкция символических и политических границ морских и островных пространств Западного сектора Российской Арктики в XIX — начале XX вв.», соглашение № 075-02-2018-149).

Литература

1. Личутина О.В., Широкова Т.А. Современное состояние и перспективы развития судостроения в Архангельской области // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2013. Вып. 4 (52). С. 1–14.
2. Красавцев Л.Б. Проблемы развития морского транспорта Европейского Севера в XX веке // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. С. 227–241.
3. Красавцев Л.Б. Торговое мореплавание на Европейском Севере России во второй половине XIX — начале XX / Под ред. Л.Б. Красавцева: Поморский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Архангельск: Поморский университет, 2006. 206 с.

4. Zaikov K.S., Cherkasov A.A., Gao T., Loukacheva N.V. The Role of Marine Fisheries Research Expeditions of the 18th–19th centuries in Establishing Russian Political and Legal Presence in the Arctic // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 50. Is. 4. Pp. 1456–1470. DOI 10.13187/bg.2018.4.1456; WOS:000451963100012
5. Østhagen A. Managing Conflict at Sea: The Case of Norway and Russia in the Svalbard Zone // *Arctic Review on Law and Politics*. 2018. Vol. 9. Pp. 100–123. DOI: 10.23865/arctic.v9.1084
6. Grydehoj A. Informal Diplomacy in Norway's Svalbard Policy: The Intersection of Local Community Development and Arctic International Relations // *Global Change Peace & Security*. 2014. 26 (1). Pp. 41–54. DOI 10.1080/14781158.2014.856290
7. Тодоров А.А. Правовой спор между Россией и США о Северном морском пути и похожий вопрос о Северо-западном морском пути // *Арктика и Север*. 2017. № 29. С. 74–89. DOI 10.17238/issn2221-2698.2017.29.74
8. Rudnicki J. The Hans Island Dispute and the Doctrine of Occupation // *Studia Iuridica*. 2016. Vol. 68. Pp. 307–320.
9. Lalonde S., Lasserre F. The Position of the United States on the Northwest Passage: Is the Fear of Creating a Precedent Warranted? // *Ocean Development and International Law*. 44 (1). 2013. Pp. 28–72. DOI 10.1080/00908320.2012.726832
10. Русская Арктика: Сборник документов / Сост., вступит. статья, комментарии В.И. Станулевич, С.О. Шаляпин. Архангельск, 2017. 216 с.
11. Troshina T.A., Avdonina N.S., Zadorin M.Yu. «The Last Frontier of the Russian Civilization»: the Economic and Demographic Aspects of the Territorial Integrity of the State in the Far North-East // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 49. Is. 3. Pp. 1125–1139. DOI 10.13187/bg.2018.3.1125; WOS:000451962100021

References

1. Lichutina O.V., Shirokova T.A. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya sudostroeniya v Arkhangel'skoy oblasti [The current state and perspectives of shipbuilding industry in Arkhangelsk region]. *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: elektronnyy nauchnyy zhurnal*, 2013, is. 4 (52), pp. 1–14.
2. Krasavtsev L.B. Problemy razvitiya morskogo transporta Evropeyskogo Severa v XX veke [Issues of the development of marine transport of the European North in XX century]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im A.I. Gertsena*, 2008, pp. 227–241.
3. Krasavtsev L.B. *Torgovoe moreplavanie na Evropeyskom Severe Rossii vo vtoroy polovine XIX — nachale XX* [Merchant shipping in the European North of Russia in the second half of the XIX – early XX centuries]. Ed. by L.B. Krasavtsev, Pomor State University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk: Pomorskiy university publ., 2006, 206 p.
4. Zaikov K.S., Cherkasov A.A., Gao T., Loukacheva N.V. The Role of Marine Fisheries Research Expeditions of the 18th–19th centuries in Establishing Russian Political and Legal Presence in the Arctic. *Bylye Gody*, 2018, vol. 50, is. 4, pp. 1456–1470. DOI 10.13187/bg.2018.4.1456; WOS:000451963100012
5. Østhagen A. Managing Conflict at Sea: The Case of Norway and Russia in the Svalbard Zone. *Arctic Review on Law and Politics*, 2018, vol. 9, pp. 100–123. DOI 10.23865/arctic.v9.1084
6. Grydehoj A. Informal Diplomacy in Norway's Svalbard Policy: The Intersection of Local Community Development and Arctic International Relations. *Global Change Peace & Security*, 2014, 26 (1), pp. 41–54. DOI 10.1080/14781158.2014.856290
7. Todorov A. The Russia-USA legal dispute over the straits of the Northern Sea Route and similar case of the Northwest Passage. *Arctica i Sever* [Arctic and North], 2017, no. 29, pp. 74–89. DOI 10.17238/issn2221-2698.2017.29.74
8. Rudnicki J. The Hans Island Dispute and the Doctrine of Occupation. *Studia Iuridica*, 2016, vol. 68, pp. 307–320.
9. Lalonde S., Lasserre F. The Position of the United States on the Northwest Passage: Is the Fear of Creating a Precedent Warranted? *Ocean Development and International Law*, 44 (1), 2013, pp. 28–72.

10. *Russkaya Arktika: Sbornik dokumentov* [Russian Arctic: Collection of documents]. Ed. by V.I. Stanulevich, S.O. Shalyapin. Arkhangelsk, 2017, 216 p. (In Russ.).
11. Troshina T.A., Avdonina N.S., Zadorin M.Yu. "The Last Frontier of the Russian Civilization": the Economic and Demographic Aspects of the Territorial Integrity of the State in the Far North-East. *Bylye Gody*, 2018, vol. 49, is. 3, pp. 1125–1139. DOI 10.13187/bg.2018.3.1125; WOS:000451962100021

УДК [378+316.334.3](98)(045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.34.20

«Третья миссия» в стратегиях развития арктических университетов ***© КУДРЯШОВА Елена Владимировна**, доктор философских наук, профессор, ректор

E-mail: e.kudryashova@narfu.ru

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия

© СОРОКИН Сергей Эдуардович, кандидат политических наук, доцент

E-mail: s.sorokin@narfu.ru

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия

Аннотация. В настоящее время особую актуальность приобретает реализация университетами «третьей миссии», которая наряду с образовательной и научной также составляет основу деятельности университетов. Научное осмысление этого вопроса осуществляется российскими и зарубежными учёными. Основными составляющими «третьей миссии» выступают коммерциализация интеллектуальной собственности, трансфер технологий и инновации, становление университета как предпринимательской структуры, непрерывное образование, социальная вовлечённость, поддержка развития регионов, участие в жизни местного сообщества и другие. В статье проводится анализ опыта реализации «третьей миссии» на примере университетов, расположенных в арктической зоне Российской Федерации и ряда зарубежных арктических университетов. Для этого исследуются документы, определяющие стратегическое развитие двух российских (Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова и Мурманский арктический государственный университет) и пяти зарубежных арктических университетов (Университета Копенгагена (Дания), Университета Оулу (Финляндия), Университета Исландии (Исландия), Университета Умео (Швеция) и Технологического университета Лулео (Швеция)). Также анализируются конкретные формы и механизмы, которые применяются университетами в практической работе по данному направлению и делаются выводы, позволяющие оценить характер, особенности, степень освоения университетами основных направлений реализации «третьей миссии».

Ключевые слова: миссия, университет, третья миссия университета, регион, Арктика, региональное развитие.

“The third mission” in the Arctic universities’ development strategies**© Elena V. KUDRYASHOVA**, Dr. Sci. (Phil.), Professor, Rector

E-mail: e.kudryashova@narfu.ru

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

© Sergey E. SOROKIN, Cand. Sci. (Polit.), Associated Professor

E-mail: s.sorokin@narfu.ru

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

Abstract. Currently, applying the “third mission” at universities is of relevance, since it also forms the basis of universities’ activities along with education and science. Scientific understanding of this issue had been carried out by Russian and foreign scientists. The main components of the “third mission” are the commercialization of intellectual property, technology transfer, and innovation, the development of a university as an entrepreneurial structure, continuous education, social involvement, support for the development of regions, participation in the life of the local community, etc. The article analyzes the experience of applying

* Для цитирования:

Кудряшова Е.В., Сорокин С.Э. «Третья миссия» в стратегиях развития арктических университетов // Арктика и Север. 2019. № 34. С. 20–43. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.34.20

For citation:

Kudryashova E.V., Sorokin S.E. “The third mission” in the Arctic universities’ development strategies. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 34, pp. 20–43. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.34.20

the “third mission” on the example of universities located in the Arctic zone of the Russian Federation and some foreign Arctic universities. For this purpose, the documents defining the strategic development of two Russian (Northern (Arctic) Federal University named after MV Lomonosov and Murmansk Arctic State University) and five foreign Arctic universities (University of Copenhagen (Denmark), University Oulu (Finland), the University of Iceland (Iceland), the University of Umeå (Sweden), and the Luleå University of Technology (Sweden). Specific forms and mechanisms used by universities are also analyzed. They contribute to the assessment of nature, characteristics, the degree of the “third mission” application carried out by universities.

Keywords: *mission, university, universities’ third mission, region, the Arctic, regional development.*

Введение

Вызовы современного общества ставят новые задачи перед традиционными социальными институтами, которые переживают процесс трансформации, поиска новых форм деятельности и способов взаимодействия для достижения целей своего развития.

К таким институтам можно отнести и университеты, ставшие предметом серьёзных научных дискуссий о новых подходах к определению миссии их существования.

Признанные специалисты в области стратегического менеджмента М. Мескон, М. Альберт и Ф. Хедоури определяют миссию организации как «чётко выраженную причину её существования» [1, Мескон М., с. 25].

П. Друкер уточняет, что «миссия имеет комплексный характер, включает в себя как внешние, так и внутренние ориентиры деятельности компании, выражает сущность делового успеха, к которому она стремится» [2, Друкер П., с. 31]. И. Ансофф говорит о том, что «миссия воплощает философию и предназначение организации, первой определяются ценности, убеждения, принципы, которыми руководствуется коллектив; а вторым — действия, которые предстоит осуществить, чтобы обрести предполагаемый облик» [3, Ансофф И., с. 44].

О.С. Виханский видит миссию организации в широком и узком понимании. В широком — это философия и предназначение, смысл существования организации, а в узком — сформулированное утверждение относительно того, для чего или по какой причине существует организация [4, Виханский О.С., с. 39].

Вместе с тем, по мнению большинства исследователей, миссия университетов имеет свои особенности, которые необходимо учитывать при её определении. На современном этапе происходит поиск и описание новых моделей университетов, адекватных современным социально-экономическим и политическим условиям.

К ним можно отнести концепции исследовательского университета, университета как регионального научно-образовательного и культурного комплекса (региональный университет), пассионарного университета, предпринимательского университета и ряда других. В зависимости от модели университета, по-разному понимается и его миссия.

Например, основная задача исследовательского университета — производство фундаментальных и прикладных исследований, результаты которых ведут к значительным открытиям и развитию технологий. Внутренняя организация этих университетов вытекает из

задач научно-исследовательской деятельности, а в приоритете видов деятельности наука стоит на первом месте (при этом образовательные задачи полностью не исчезают).

Идея «предпринимательского университета», высказанная Б. Кларком в работе «Создание предпринимательского университета: организационные пути трансформации», относит к его чертам усиление управляющего ядра; диверсификацию финансовой основы университета; расширение периферии развития университета; стимулирование академического ядра; широкое распространение и утверждение в университетском сообществе предпринимательских убеждений и ценностей [5, Кларк Б., с. 57]. В своей деятельности предпринимательские университеты сочетают образовательную, научно-исследовательскую деятельность с инновационной и предпринимательской. Профессор Стэнфордского университета Генри Ицковиц и профессор Амстердамского университета Лойетом Лейдесдорф предложили концепцию «Тройной спирали», в которую они включили государство, университет и бизнес [6, Ицковиц Г., с. 49]. По мнению авторов, лидирующую роль в этой модели играют университеты, поскольку именно они обладают потенциалом по производству новых знаний и научных исследований. В связи с этим у университетов появляется ещё одна важная миссия предпринимательства, инкубации и создания компаний.

Вопросам понимания миссии, целей и задач университетов на современном этапе посвящены работы А. Дельбанко [7], М. Барбера, К. Доннелли, С. Ризви [8], А. Коэна, К. Кискера [9], М. Келлера [10], Г. Розовски [11], Дж. Салми [12] и других.

Дискуссии о месте и роли университетов в современных социально-экономических условиях так или иначе приводят к пониманию того, что помимо двух «классических» миссий университета — образовательной и научной, есть ещё и «третья», связанная с ролью университетов в развитии общества.

Понятие «третьей миссии»

Определение «третьей миссии» и её характеристики также являются предметом научных диспутов.

М. Мархл и А. Паусист в своей работе «Методология третьей миссии университетов» определяют её как «совокупность специфических услуг, основанных на действиях и возможностях, служащих для блага общества» [13, Мархл М., Паусист А., с. 7]. Данное определение, несмотря на его достаточно общий характер, представляется возможным принять за основу при дальнейшем анализе.

В системе распознавания элементов, относящихся к «третьей миссии», предложенной PRIME OUE Project, выделяются 8 её критериев: человеческие ресурсы, интеллектуальная собственность, коммерциализация результатов индивидуальных и групповых научных исследований, контракты с производством, контракты с государственными учреждениями, участие в процессе принятия решений, вовлечённость в социально-культурную жизнь, ре-

зультаты трансфера знаний в общество. По каждому сформулированы фокус, основные показатели и дескрипторы.

Montesinos, Carot, Martinez и Mora выделяют три фактора, лежащих в основе «третьей миссии»: социальный, предпринимательский и инновационный [14, Montesinos, Carot, Martinez, Mora., с. 26]. Социальный фактор — это сфера, в которой не предполагается извлечение прибыли или экономический эффект. Это область оказания социальных услуг, участия университета в развитии городских пространств, взаимодействие с местным сообществом, культурная среда, студенческая активность. Предпринимательский фактор связан с проведением научных исследований по контрактам с государством и бизнесом, коммерциализацией интеллектуальной собственности, платными образовательными программами, использованием объектов университета на коммерческой основе. Инновационный фактор предполагает внедрение научных разработок университетов, консультирование органов власти и правительственных организаций.

Специалистами проектной сети ЕЗМ была предложена система параметров, которые отражают специфику «третьей миссии» и соотносятся с отдельными видами деятельности, а именно: «непрерывное образование», «трансфер технологий и инновации», «социальная вовлечённость». «Непрерывное образование» — это возможности для получения образования для людей всех возрастов в течение жизни, «трансфер технологий и инновации» предполагает обмен знаниями и технологиями, а «социальная вовлечённость» связана с взаимодействием университета и регионального (местного) сообщества на некоммерческой основе.

Также различными авторами выделяются следующие характеристики «третьей миссии» университета: генерирование, практическое применение знаний, получение выгоды от ресурсов (помещения, техника) за пределами академической среды²⁵; становление университета как предпринимательской структуры в рамках концепции «тройной спирали» [15]; экономическое применение исследований, патентов, трансфер технологий, а в широком смысле — любая деятельность в направлении общества [16].

Необходимо сказать и о том, что понимание «третьей миссии» связано и с новыми подходами к осмыслению сути научного знания. Концепция «второго типа» производства знания (Mode 2 knowledge production) предложена коллективом авторов: М. Гиббонс, К. Лимож, Х. Новотны, С. Шварцман, П. Скотт, М. Троу в работе «Новое производство знания: динамика науки и исследований в современных обществах» [17].

Наука «второго рода» (mode-2 science) характеризуется большей открытостью по отношению к изменениям, происходящим в обществе, более активным участием в производстве знания внешних акторов, прежде всего, бизнеса и государства. Это усиливает контекст-

²⁵Jongbloed, B. (2008). Seven Indicators for Mapping University regional Interactions. ENID PRIME Indicators Conference in Oslo, 26 28 May 2008. 9. Thorn, K., & Soo, M. (2006).

ную зависимость научных исследований и программ обучения и выводит на новый уровень противоречие между научной и социальной функциями современного университета [18].

Фокусируя внимание на социальном аспекте «третьей миссии» университета, необходимо говорить, прежде всего, о проблеме социальной вовлечённости в развитие региона.

Д. Чарльз говорит о том, что оценка роли университета в развитии местного сообщества носит как философский, так и методологический характер. Университеты не являются учреждениями, отдельно организованными от общественной системы: они представляют собой взаимодействующие элементы системы, локализованные в пространстве. С этой точки зрения университеты являются неотъемлемой частью местной, национальной и глобальной общественных систем, формируя часть того, что принято называть обществом [19, Charles D., с. 51].

О.В. Перфильева, говоря о формах участия в общественной жизни, которые относят к «третьей миссии» университетов, выделяет следующие [20, Перфильева О.В., с. 49]:

- участие через предоставление доступа населению к своим ресурсам: музеи, библиотеки, спортивные мероприятия;
- участие через организацию «социальных служб» для населения;
- участие через организацию социальных и культурных мероприятий исследовательскими подразделениями университетов, таких как, например, проведение выставок и экспозиций проектов городского развития и прочих социальных проектов;
- участие через организацию учебных программ и обучающих семинаров для социально уязвимых групп населения;
- участие в разработке и реализации проектов экологического развития городов.

Она же рассматривает несколько социальных форм активности университетов, таких как «экспертиза социально-экономического развития региона», «взаимодействие с профсоюзными общественными организациями», «взаимодействие в рамках воспитательной и социальной работы».

В.А. Смирнов, Л.А. Фадеева, К.А. Пунина, С.В. Голубев анализируют различные подходы к интеграции высших учебных заведений в региональные процессы [21, Смирнов В.А., Фадеева Л.А., Пунина К.А., Голубев С.В., с. 11] Первый из них — университет как площадка для подготовки специалистов для экономики. В этом случае роль университета представляется ограниченной, зависимой от потребностей экономики региона [о потребностях регионов АЗРФ в трудовых ресурсах см.: 22, Зайков К.С., Кондратов Н.А., с. 184–201]. Вторым исходит из концепции «обучение в течение всей жизни» (lifelong learning university engagement). Здесь университеты выступают в роли центра притяжения местного сообщества, места, куда человек приходит на разных этапах своей жизни, чтобы получить специальность или дополнительное образование, пройти курсы повышения квалификации. Третий основан на модели «предпринимательского университета», предполагающей активное взаимодействие университета с региональным бизнес-сообществом и органами власти по реализации совместных экономических и социальных проектов. Четвёртая модель — концепция «вуза, включённого в региональное развитие» (regionally engaged university). Она рассматривает университеты по

отношению к своим регионам, позволяет типологизировать разнообразие взаимодействий университетов с региональным, местным сообществом в зависимости от внешних условий, выявить и охарактеризовать региональное окружение вуза. Пятая модель основана на идее «третьей» (социальной) функции университета, сформулированной Д. Чарльзом. Университеты являются неотъемлемой частью самого общества и не могут существовать отдельно от него, более того, сами университеты в ходе своей деятельности формируют то, что можно назвать «региональным сообществом».

Если обобщить и систематизировать различные подходы к определению роли университетов в развитии регионов, можно выделить следующие ключевые направления:

- Университет является крупным работодателем, который предоставляет рабочие места для жителей региона, платит налоги, решает социальные проблемы жителей (например, предоставляет места в детском саду).
- Университет готовит кадры для экономики региона. При этом, если регион сумеет сформулировать государственный заказ на подготовку специалистов, университет может скорректировать структуру, содержание и технологию реализации образовательных программ с учётом требований работодателей, прогноза рынка труда и тенденций социально-культурного и экономического развития. Это будет являться в том числе и механизмом закрепления кадров в регионе, поскольку такие специалисты смогут быстрее найти необходимую работу.
- Научный и кадровый потенциал университетов позволяет им стать центром стратегического планирования развития регионов, экспертной площадкой для выработки ключевых направлений деятельности по отраслям экономики и социальной сферы, конкретных управленческих решений.
- Университет как центр инновационно-технологического развития региона обладает потенциалом коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности учёных, которые могут быть полезны экономике региона, предприятиям и организациям. Также это может проявляться в трансфере технологий, создании научных парков, инкубаторов, развитии системы патентования изобретений.
- Являясь частью городской среды, университет становится участником процесса её трансформации, возводя новые здания и сооружения, облагораживая территорию кампуса, а также близлежащего района, округа или же города в целом.
- Университет может стать центром общественной и культурной жизни региона, проводя на своей площадке крупные события, мероприятия, становясь точкой притяжения и удовлетворения образовательных, культурных запросов местных сообществ, взаимодействуя с некоммерческими общественными организациями, развивая волонтерское движение.
- Университет оказывает социальные услуги жителям региона, в том числе в рамках концепции «образование через всю жизнь», реализуя образовательные программы, курсы повышения квалификации, организуя правовые, финансовые, иные консультации для людей всех возрастов — от дошкольников до пенсионеров.
- Университет выступает важным инструментом социализации молодёжи и, как следствие, формирует мировоззрение, ценностные ориентации и нормы поведения жителей региона. Выпускники университета, оказавшись на значимых управленческих позициях в органах региональной власти, отраслях экономики, бизнесе,

социальной сферы в своей деятельности во многом опираются на те модели деловых и человеческих отношений, которые были заложены в период их обучения в университете. Фактически университеты формируют облик будущей региональной элиты.

При этом эффективно организованное взаимодействие с регионом усиливает потенциал самого университета — позволяет ему привлекать дополнительные материальные ресурсы за счёт доходов от образовательной и научной деятельности, повышает престиж университета среди жителей региона, что впоследствии даёт приток дополнительных абитуриентов, позволяет выпускать специалистов, лучше подготовленных к работе в экономике региона, тем самым повышая «качество» диплома.

Безусловно, каждый университет по-своему подходит к определению своей роли в региональном развитии. Нельзя не учитывать и реалии современной системы высшего образования, которая предполагает наличие среди образовательных организаций высшего образования национальных, федеральных, национально-исследовательских университетов и опорных вузов.

Для первой группы приоритетным является решение стратегических задач развития макрорегионов или государства в целом, и их деятельность напрямую не направлена на конкретный субъект Федерации. С одной стороны, это создает противоречие, а с другой — позволяет участвовать в развитии того региона, в котором территориально находится университет, на более высоком уровне.

В нашем исследовании мы рассмотрим опыт реализации «третьей миссии» на примере университетов, расположенных в арктической зоне Российской Федерации, и ряда зарубежных арктических университетов.

Особенности географического расположения и специфические образовательные, научные задачи, которые объединяют эти университеты, определяют необходимость их участия в решении глобальных и региональных проблем, связанных с арктическим регионом, активного взаимодействия с местным сообществом и органами власти.

Согласно Указу Президента Российской Федерации № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации», в состав Арктической зоны Российской Федерации полностью вошли 4 субъекта Российской Федерации: Мурманская область, Ненецкий, Ямало-Ненецкий и Чукотский автономные округа, а также 16 муниципальных образований, в том числе 5 городских округов и 11 муниципальных образований на уровне районов из Архангельской области, республик Саха (Якутия) и Коми, Красноярского края²⁶.

На данной территории работу ведут такие образовательные организации высшего образования, как Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносо-

²⁶ О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации / Указ Президента Российской Федерации от 02.05.2014 г. № 296. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/38377> (дата обращения: 04.10.2018).

ва, Северный государственный медицинский университет, Мурманский арктический государственный университет, Мурманский государственный технический университет.

К числу приарктических (циркумполярных) государств помимо России относят также США, Канаду, Швецию, Норвегию, Данию, Финляндию, Исландию. К числу арктических вузов стран циркумполярного региона можно отнести 32 университета и колледжа²⁷. Значение образовательных и научных учреждений для экономического развития северных и арктических территорий рассматривали, в частности, А.М. Горохов, К.С. Зайков и другие [23, Gorokhov A.M., Zaikov K.S. et al, с. 485–497; 24, Зайков К.С., Калинина М.Р. и др., с. 59–77].

Для нашего исследования были выбраны два российских и пять зарубежных университетов, проанализирована информация из открытых источников (сайты университетов), изучены программные документы (стратегии и программы развития) данных образовательных организаций.

Опыт реализации «третьей миссии» арктическими университетами

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова создан Указом Президента РФ 21 октября 2009 г. и на сегодняшний день насчитывает более 15 000 обучающихся.

Миссия университета — создание инновационной научной и кадровой базы для интеллектуального освоения Севера России и Арктики. В Программе развития университета на 2010–2020 гг., утверждённой распоряжением Правительства РФ 19 августа 2015 г., в качестве стратегической цели обозначено «научное и кадровое обеспечение защиты геополитических интересов России в Арктике», «формирование интеллектуального центра, способствующего развитию арктических территорий РФ»²⁸. При этом механизмом её реализации выступает «интеграция образования, науки и производства, стратегического партнёрства с бизнесом и международным сообществом».

Ещё одна стратегическая задача, идущая в контексте «третьей миссии» университета, — «воспитание патриотической молодёжи, готовой к развитию арктических территорий, понимающей значение и роль Российской Федерации в истории и освоении Арктики и глобальные перспективы развития Арктической зоны Российской Федерации».

Таким образом, сферой социальной ответственности университета является не только регион своего местонахождения, но и более обширная территория Арктической зоны РФ [25, Бугаенко О.Д., Ворожцова Л.А. и др.].

Университет объединил крупнейшие образовательные организации Архангельской области, став ключевым центром образования и науки в регионе, теперь он выстраивает от-

²⁷ The University of the Arctic [Электронный ресурс]. URL: <https://www.uarctic.org/> (дата обращения: 03.10.2018).

²⁸ Программа развития ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова» на 2010–2020 гг. URL: https://narfu.ru/upload/medialibrary/df9/1604_r_programma-razvitiya-safu.pdf (дата обращения: 03.10.2018).

ношения сотрудничества с органами власти, промышленностью и бизнесом, некоммерческими организациями и местным сообществом.

В 2011 г. Архангельское областное Собрание приняло закон «О государственной поддержке Северного (Арктического) федерального университета», целью которого является «научно-исследовательское и кадровое обеспечение социально-экономического развития Архангельской области, решение стратегических задач по освоению и развитию Арктики»²⁹.

В законе обозначены основные направления взаимодействия органов государственной власти Архангельской области и университета, к которым относятся формирование отраслевого заказа на проведение научных исследований за счёт средств областного бюджета; оказание содействия привлечению государственных гражданских служащих исполнительных органов государственной власти Архангельской области к проведению теоретических и практических учебных занятий со студентами соответствующих структурных подразделений САФУ; оказание содействия в прохождении практики и стажировки студентов и преподавателей САФУ в исполнительных органах государственной власти Архангельской области, иных органах и организациях.

Также закон предполагает участие представителей органов власти в работе наблюдательного совета САФУ и его структурных подразделений, включение представителей САФУ в состав совещательных и вспомогательных органов при Губернаторе Архангельской области и Архангельском областном Собрании депутатов.

С 2012 г. действует соглашение между университетом и Правительством региона о сотрудничестве в сфере подготовки кадров и проведения научных исследований.

Основными направлениями реализации соглашения являются подготовка кадров со средним профессиональным и высшим образованием; повышение квалификации и профессиональная переподготовка работников организаций экономики Архангельской области; выполнение университетом фундаментальных, прикладных научных исследований и опытно-конструкторских работ; участие университета в разработке программ и проектов по социально-экономическому развитию Архангельской области; реализация совместных общественных, издательских, информационных и медиа-проектов; формирование кадрового резерва и поддержка обучающейся талантливой молодежи Архангельской области.

Кроме того, университетом заключены соглашения с Архангельским областным Собранием депутатов, Ассоциацией муниципальных образований Архангельской области, а также отдельными муниципальными образованиями.

Более 140 соглашений заключено между университетом и предприятиями, организациями региона, некоммерческими организациями, среди которых крупнейшие предприятия области, такие как «Архангельский целлюлозно-бумажный комбинат», «Центр судоремонта

²⁹ Закон Архангельской области «О государственной поддержке Северного (Арктического) федерального университета» от 30 мая 2011 года N 295-22-ОЗ (газета «Волна» от 2 июня 2011 года N 7 (1342)).

«Звездочка», «Роснефть», «Архангельскгеолдобыча», Архангельский опытный водорослевый комбинат.

Университет ведёт подготовку кадров и интеллектуальное сопровождение крупнейших стратегических проектов региона: «Белкомур», глубоководный район «Северный», «Большой Архангельск», транспортно-логистических проектов.

САФУ является активным участником реализации кластерной политики в регионе и вовлечён в работу лесопромышленного инновационного территориального кластера Архангельской области «Поморинновалес», судостроительного инновационного территориального кластера, социального кластера Архангельской области. В разработке находятся проекты по созданию при участии университета рыбопромышленного кластера и кластера биоресурсов и биотехнологий Архангельской области.

На базе университета создан Технопарк, который оказывает услуги по техническому консультированию, административной и бизнес-поддержке, предоставляет коворкинг-пространство, доступ к инфраструктуре университета и иные виды содействия инновационным проектам и стартапам. В университете существует биржа патентов, цель которой — предоставить возможность правообладателям реализовать их изобретения, а заинтересованным сторонам предоставить систему поиска и приобретения патентов для выполнения своих коммерческих целей.

Университет является важным актором социального развития региона, при этом основным драйвером этого развития выступает студенческая молодёжь. Активное участие в делах местного сообщества принимают студенческие отряды и волонтёры.

Так, ежегодно в ходе акции «Полярный десант» бойцы отрядов оказывают трудовую помощь социально незащищённым жителям отдалённых муниципальных образований области. Волонтёрским центром САФУ реализуются программы для различных социальных групп населения. К примеру, организованы консультации по социально-правовой тематике для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, молодых семей; регулярно оказывается помощь детским домам, ветеранам войны и труда.

Объекты социальной инфраструктуры университета, такие как детский сад «Зоренька», стадион «Буревестник», Интеллектуальный центр и другие оказывают социальные услуги жителям г. Архангельска. К примеру, детский сад университета решает важную социальную задачу обеспечения услугами дошкольного образования 190 детей горожан. Также в интересах жителей региона работают Ресурсный центр инклюзивного образования, Музей занимательных наук университета, юридическая клиника.

С 2016 г. в университете действует проект «Народный университет серебряного возраста», в рамках которого для людей старшего поколения организуются курсы по финансовой, правовой, жилищно-бытовой, компьютерной грамотности, создаются условия для их включения в активную социальную жизнь. Университет участвует в реализации мероприятий

программы «Повышение уровня финансовой грамотности населения и развитие финансового образования в Архангельской области в 2014–2019 годах».

В 2016 г. университет стал победителем конкурса по созданию университетских центров инновационного, технологического и социального развития регионов. В поданной заявке обозначены ключевые инициативы, которые будут реализованы на базе этого центра: разработка новых и модернизация имеющихся успешных образовательных программ, модулей, ресурсов по приоритетным направлениям развития экономики региона и Арктической зоны РФ, создание комфортной и развивающей пространственной и социально-культурной среды обучения, креативной деятельности, инновационного технологического производства, формирование компетенций по социальному и технологическому предпринимательству, формирование пространства для привлечения талантливых школьников, реализации непрерывного образования, повышения информационной, финансовой и правовой грамотности граждан за счёт расширения спектра программ дополнительного профессионального образования.

Мурманский арктический государственный университет образован 13 октября 2015 г. путём переименования ФГБОУ ВО «Мурманский государственный гуманитарный университет» и в настоящее время ведёт подготовку около 6 000 обучающихся. В апреле 2017 г. он получил статус регионального опорного университета, тем самым обозначив в качестве приоритетной задачи содействие в социально-экономическом развитии Мурманской области.

В Стратегии развития университета до 2025 года отражён ряд задач, связанных с реализацией «третьей миссии», в частности, «стать драйвером развития региона, активно влияющим на экономическую ситуацию на территории и качество регионального социума за счёт воспроизводства креативного класса и непосредственно создания инновационных бизнесов³⁰». Также в документе отражены такие аспекты «третьей миссии», как образование через всю жизнь, коммерциализация научных разработок, создание малых и средних инновационных предприятий и организаций, оказание услуг консультирования и экспертной поддержки по проблемам инновационного развития социально-образовательной среды.

В планах университета стоят задачи в направлении развития местных сообществ, которые заключаются в социальном проектировании городской среды, позиционировании вуза как одного из центров молодёжной социальной и культурной жизни региона, участие университета в формировании бренда Мурманской области.

В контексте функций опорного университета МАГУ стремится занять позицию регионального эксперта развития территории, фокусом организации эффективного взаимодействия образовательных и учреждений культуры, администрации, местных предприятий, профессионального сообщества и жителей региона.

³⁰ Стратегия развития ФГБОУ ВО «Мурманский арктический государственный университет» до 2025 года. URL: <http://www.masu.edu.ru/files/admin/strategiya-razvitiya-masu.pdf> (дата обращения: 03.10.2018).

Кроме того, творческие, культурные и оздоровительные центры университета смогут использоваться не только его студентами и сотрудниками, но и представителями региональных сообществ, за счёт чего будут поддерживаться неформальные межличностные коммуникации, формироваться благоприятный имидж МАГУ как центра социально-культурных процессов города и региона.

Планируется создание кластера северного дизайна — профессиональной сети междисциплинарных команд (ассоциация дизайнеров, инновационный территориальный кластер на базе университета, бизнес), а также Центра инновационных бизнес-идей и социальных инициатив (Коворкинг-51), целью которого является помощь изобретателям и начинающим предпринимателям во внедрении проекта в производство.

На сегодняшний день университет установил партнёрские отношения с промышленными предприятиями региона: ПАО «Новатэк», Кировский филиал «АО «Апатит», ПАО «ТГК-1», АО «Атомэнергоремонт», ООО «Подземспецмонтаж» и другими. Сотрудничество осуществляется в сфере научных исследований, образования, профориентационной деятельности в рамках рамочных договоров, договоров о проведении практик, хозяйственных договоров.

Сотрудничество в социогуманитарной сфере реализуется в виде научно-практических разработок, творческих проектов по созданию и развитию комфортной среды, МАГУ входит в состав туристско-рекреационного кластера при Министерстве развития промышленности и предпринимательства Мурманской области.

Университет активно участвует в формировании программ регионального развития. Представители МАГУ входят в состав проектного офиса по разработке программы развития Кольской опорной зоны АЗРФ, в состав Экономического совета при Губернаторе Мурманской области, в состав профильных координационных и экспертных советов ОИВ Мурманской области. Университет является членом Северной торгово-промышленной палаты и Союза промышленников и предпринимателей Мурманской области.

На базе университета действует молодёжный центр технологического и социального предпринимательства, консультационный центр для социально ориентированных некоммерческих организаций, центр здоровьесбережения, которые оказывают услуги, в том числе для жителей региона.

Университет Копенгагена (Дания), основанный в 1479 г., в настоящий момент обучает более 39 000 студентов.

Стратегия развития университета «Талант и сотрудничество. Стратегия 2023» («Talent and collaboration. Strategy 2023») предусматривает достаточно широкий спектр направлений, связанных с «третьей миссией». В документе говорится, что «равное значение имеет сотрудничество между университетом и обществом, например, между образованием и практикой, и между исследованиями и работодателями»³¹. Одной из наиболее значимых задач университета является необходимость «нести знания на благо общества, сложные вопросы разви-

³¹ University of Copenhagen. URL: <https://www.ku.dk/english/> (дата обращения: 02.10.2018).

тия которого постоянно бросают нам вызов». Университет несёт ответственность за обеспечение необходимых решений развития общества. На основе своих сильных научных сообществ университет стремится использовать свои академические ресурсы для решения проблем Дании, Европы и Арктического региона.

В качестве одной из целей стратегического развития университета обозначается «Сотрудничество и общественные обязательства — на национальном и глобальном уровне». Деятельность университета должна приносить ощутимую пользу обществу, в частности, в решении проблем в таких областях, как миграция, здравоохранение и образ жизни, демография, климат и глобальные конфликты, а также основных социальных проблем, определённых в «Целях ООН в области устойчивого развития».

Университет стремится оказывать влияние на социальные тренды, а также формировать культуру, принимать участие в общественных дебатах, вовлекать население в научные исследования. Кроме того, университет планирует развивать систему «обучение через всю жизнь».

Ещё одним направлением реализации «третьей миссии» Университета Копенгагена является коммерциализация исследований и трансфер технологий. Университет и внешние партнёры заключают лицензионные соглашения на основе изобретений, сделанных в Университете. Это способ гарантировать, что эти изобретения принесут пользу обществу наилучшим образом. Данную работу проводит Бюро трансфера технологий, которое организует взаимодействие между изобретателями конкретной технологии и заинтересованными лицами. На сайте университета можно найти каталог изобретений, которые были сделаны в университете за последнее время.

Университет осуществляет сотрудничество с внешними партнёрами в сфере научных исследований, при этом оно может быть двух типов: совместное финансирование исследований и заказные исследования. Копенгагенский университет предоставляет в распоряжение исследователей и компаний служебные помещения, специализированное оборудование, лаборатории, базы данных и испытательные комплексы.

К примеру, можно получить доступ к базам данных Биобанка Копенгагенского университета для экспериментальных исследований, лабораториям в области нанотехнологий, стабильных изотопов в почве, растениях и воздухе, культуры тканей и ряда других. Предприниматели и малый бизнес могут арендовать офисные помещения или лабораторные помещения в университете на ограниченный срок. Небольшие стартапы, которые выходят из собственной исследовательской среды университета, могут расположиться рядом с соответствующими основными объектами и исследовательскими партнёрами. Ассоциации, организации, учреждения и компании могут арендовать помещения для проведения мероприятий, например, семинаров или конференций на почасовой основе. Мероприятие должно быть некоммерческим и иметь связь с деятельностью Копенгагенского университета.

Финский университет Оулу был основан в 1958 г. В университете обучается около 16 000 студентов и в своей Стратегии на 2016–2020 гг. (University of Oulu Strategy 2016–2020) он также уделяет значительное внимание реализации «третьей миссии». Особо акцентируется «вклад в решение некоторых из наиболее серьезных глобальных проблем, включая устойчивое использование ресурсов, ответственный бизнес, благополучие человека и здоровье в течение всей жизни, разработку и освоение интеллектуальных систем и сервисов, экологические угрозы»³².

При этом внимание фокусируется на проблемах Арктического региона (минеральные ресурсы, пресная вода, глобальное потепление, изменение климата, проживание коренных малочисленных народов и др.), в том числе Ледовитого океана.

Также в качестве одного из приоритетов обозначается содействие инновациям и культуре стартапов на основе научных исследований. Программы по обучению предпринимательству включены в учебные программы университета, и университет стремится улучшить взаимодействие между внешними заинтересованными сторонами, компаниями и сообществом с целью коммерциализации научных исследований, производимых в университете.

Университет Оулу считается одним из самых заметных инновационных университетов Финляндии, что подтверждается более чем 60 изобретениями и 60 компаниями, рождающимися из исследовательских проектов каждый год. В своей научно-образовательной деятельности университет способствует развитию предпринимательства и созданию научно-исследовательского бизнеса. В качестве примера подобных стартапов можно привести Cerenion, разработавший практический метод измерения функции мозга пациентов интенсивной терапии, Chain Antimicrobials, разработавший медицинское устройство (катетер) для лечения внутрибольничных инфекций, KNL Networks, разработавший системы связи, использующие высокочастотное наземное радио, например, для судоходства. Также в университете предлагают технологии, которые могут быть лицензированы и в дальнейшем применяться в различных отраслях.

Для стимулирования инновационной деятельности в университете организовано креативное пространство Tellus Innovation Arena, а также предпринимательский центр Business Kitchen, представляющий собой коворкинг-пространство для активизации действий и открытия новых возможностей в бизнесе и в жизни. Он предоставляет программы, мероприятия и средства для поддержки предпринимательства и развития бизнеса, а также способствует созданию сетей и сотрудничеству между студентами и предприятиями. Студенты могут зарабатывать кредиты, участвуя в программах Business Kitchen, таких как Avanto Accelerator для создания новых предприятий, Demola для совместного создания инноваций с компаниями и Международного бизнес-коридора, чтобы помочь компаниям выйти на новые рынки.

³² University of Oulu. URL: <http://www oulu.fi/university/> (дата обращения: 02.10.2018).

«Третья миссия» достаточно широко представлена в Стратегии университета Исландии на 2016–2021 гг. («Strategy of The University of Iceland 2016–2021»), основанного в 1911 г. и ведущего обучение более 13 000 студентов.

В Стратегии обозначается, что «Университет Исландии играет ключевую роль в развитии Исландии как общества, основанного на знаниях»³³. Университет является ответственным участником общества, которое поощряет равенство, разнообразие и устойчивость. Крайне важно, чтобы исследовательские и учебные программы решали сложные задачи, стоящие сегодня перед миром, и чтобы университет активно участвовал в жизни исландского общества и культуры.

Создание новых знаний и их практическое применение являются залогом повышения качества жизни и поддержки процветающего общества. Исландский университет стремится играть активную роль в обществе, промышленности и культуре. Особое внимание будет уделяться распространению результатов исследований и инноваций различными способами, содействию общему пониманию науки и использованию экспертных знаний для решения проблем XXI в. и содействия обсуждению актуальных социальных вопросов.

Согласно Стратегии, Университет является площадкой для выработки новых идей и динамичного сотрудничества между исследователями, студентами, промышленностью, учреждениями и обществом.

Особо подчёркивается важность использования научных средств массовой информации для поощрения интереса к науке и её понимания, поддержки её практического применения и стимулирования разнообразного научного сотрудничества. Исландский университет выступает за постоянный диалог с широкой общественностью и специалистами по актуальным социальным вопросам.

Примером совместной работы университета и местной власти может служить Научный парк Университета Исландии, который на 94,6% принадлежит университету, а на 5,4% — муниципалитету Рейкьявика. Он был создан для укрепления сотрудничества с компаниями, научно-исследовательскими институтами по вопросам инноваций, а также для создания условий для новаторов.

В университете создан Институт исследовательских центров, который является местом сотрудничества университета с местными органами власти, учреждениями, предприятиями и частными лицами в сельских районах страны. Его задачами является удовлетворение спроса на научные исследования и образование в Исландии, чтобы обеспечить удобство исследовательских проектов, связанных с местными экологическими и социальными проблемами, увеличить доступ к образованию в сельских районах. В настоящее время работает семь таких центров в разных частях страны. Они оказывают позитивное воздействие на местное общество, поощряя молодых исследователей и предоставляя им возможность де-

³³University of Iceland. URL: <https://english.hi.is/> (дата обращения: 02.10.2018).

лать карьеру в области научных исследований за пределами столицы, направляя исследовательскую деятельность и финансирование научных исследований в сельские районы.

Университет реализует широкий спектр программ, направленных на удовлетворение потребностей местного сообщества, предоставляет свои возможности для совместных проектов с активными гражданами и организациями. В качестве примера можно привести проекты «Биофилия» (междисциплинарный проект, объединяющий естественные науки, искусство и технологии для привлечения детского творчества), Фестиваль детской культуры в Рейкьявике, конкурс дизайна и программирования для учащихся начальных классов FIRST Lego League, «Поезд знаний» (знакомство молодёжи с наукой на основе практического подхода с помощью разнообразной программы для всей семьи) и многие другие.

Ещё одним примером выполнения университетом своей «третьей миссии» является ежегодная серия лекций под названием «Университет в обществе». Цель лекций — привлечение общественности и специалистов к обсуждению актуальных социальных вопросов. Рассматривается широкий круг вопросов, в том числе благополучие детей и молодёжи, тревожность и психологическое здоровье, роль воспитания и позитивных коммуникаций в развитии детей. Лекции предназначены для широкой общественности, родителей, молодёжи и детей, а также для специалистов, политиков на муниципальном и национальном уровнях, студентов и сотрудников университетов. Таким образом, университет стремится сделать так, чтобы опыт преподавателей мог использоваться для поддержки исландских семей и общества, а также повысить доверие общественности к университету и осведомлённость о разнообразной научной работе, проводимой в Университете.

Университет Умео (Швеция) ведёт свою историю с 1965 г. и насчитывает более 28 000 студентов.

В программном документе университета «Видение и цели университета Умео 2020» («Umeå University 2020 Vision and objectives») «третья миссия» видится в развитии и обновлении, с одной стороны, «устойчивого демократического общества через свои социальные обязательства»³⁴, а с другой — «конкурентоспособной индустрии и коммерции». Университет подчёркивает следование принципам социальной ответственности и значимость сотрудничества с промышленностью и торговлей, государственным сектором. В качестве приоритетов выделяются также образование через всю жизнь и содействие распространению знаний в обществе.

Для организации взаимодействия между университетом и партнёрами из сферы промышленности и общественных структур создано подразделение «Uminova Innovation AB». Его основной целью является организация процесса трансфера технологий, внедрения инноваций, разработанных в университете, в производство и бизнес, стимулирование обмена знаниями, идеями и опытом между университетом и отраслями промышленности.

³⁴ Umeå University. URL: <https://www.umu.se/en/> (дата обращения: 02.10.2018).

В этом подразделении происходит оценка результатов исследований с точки зрения коммерческой жизнеспособности и оказывается помощь исследователю в прохождении необходимых процедур для внедрения или создания собственной компании.

Достаточно похожим образом «третья миссия» обозначена в ещё одном шведском университете, расположенном в арктической зоне — Технологическом университете Лулео, основанном в 1997 г. и ведущим подготовку более 6 500 студентов. В его документе «Стратегия и видение 2020» («Strategy and vision 2020») говорится, что университет работает, чтобы «построить привлекательное, устойчивое общество»³⁵, участвует в общественных дебатах и активно вносит свой вклад в формирование базы знаний для принятия политических решений.

Университет предоставляет возможности для использования своей инфраструктуры в интересах местного сообщества. Так, исследовательская инфраструктура, а также консультации технических экспертов могут быть использованы для проведения научных исследований и разработок, создания прототипов и опытных производств, расчёта экономического обоснования проектов, получения лицензий и патентов.

Для бизнеса и промышленности университет предлагает различные варианты сотрудничества: анализ потребностей компании и возможности их удовлетворения с использованием ресурсов университета, поиск талантливых студентов, готовых работать в компании, решение конкретных производственных задач силами студентов и сотрудников университета, экспертная оценка бизнес-процессов.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы. Вопросы реализации «третьей миссии» отражены в стратегических документах большинства университетов Российской Федерации и зарубежных стран, входящих в арктическую зону. Сводная таблица отражения «третьей миссии» в стратегических документах университета представлена в Приложении. Основными направлениями реализации «третьей миссии» арктическими университетами являются содействие решению глобальных и региональных проблем, в том числе проблем освоения Арктики; содействие региональному развитию; образование через всю жизнь; коммерциализация исследований и трансфер технологий; предоставление возможностей университета для нужд местного сообщества; повышение уровня знаний в обществе.

Основными механизмами реализации «третьей миссии» арктическими университетами являются заключение договоров о сотрудничестве с органами региональной и муниципальной власти; заключение договоров о сотрудничестве с предприятиями и организациями региона; предоставление помещений и инфраструктуры университета для проведения научных исследований, социокультурных мероприятий организациям и представителям местного сообщества; консультирование и сопровождение инновационных и бизнес-проектов спе-

³⁵ Luleå University of Technology. URL: <https://www.ltu.se/> (дата обращения: 02.10.2018).

циалистами университета; участие в общественных дебатах по важнейшим вопросам жизни региона и страны; реализация социальных проектов силами студентов и сотрудников.

Оценивая сферу приложения усилий по реализации «третьей миссии», можно отметить, что университеты, входящие в арктическую зону Российской Федерации, в большей степени ориентированы на решение конкретных задач развития Арктики, в то время как большинство зарубежных университетов видят свою задачу в решении глобальных проблем человечества либо своих государств.

Также российские университеты, как правило, формализуют свои отношения с региональными органами власти, предприятиями и организациями путём подписания соответствующих соглашений. В зарубежных университетах в большей степени развито взаимодействие с жителями муниципального образования — места нахождения университета, которые могут пользоваться инфраструктурой университета (в том числе научной) напрямую, без посредничества каких-либо организаций.

Можно отметить наличие развитой системы трансфера технологий и коммерциализации научных исследований в зарубежных арктических университетах, тогда как в российских этот аспект реализации «третьей миссии» находится в стадии становления.

Особенностями реализации «третьей миссии» арктическими университетами являются расширение сферы социальной ответственности от границ региона местонахождения университета до более широких границ арктического макрорегиона и наличие специфических направлений реализации «третьей миссии», таких как участие в совместных проектах по экологической безопасности в Арктике, сохранению коренных малочисленных народов Крайнего Севера, здоровьесберегающих программах.

Таким образом, можно отметить тенденцию к расширению и диверсификации направлений реализации как российскими, так и зарубежными арктическими университетами своей «третьей миссии», повышению значимости эффективного взаимодействия с основными стейкхолдерами (власть, бизнес, местное сообщество и др.), социальной ответственности за развитие арктического макрорегиона.

Приложение

Университет (страна)	Отражение «третьей миссии» в стратегических документах университета		
	Название докумен- та	Направления реализации «третьей миссии», отражен- ные в документе и формы практической работы	Основные механизмы реализации «третьей миссии»
Северный (Арктический) федеральный универси- тет имени М.В. Ломоно- сова (Российская Федерация)	«Программа разви- тия ФГАОУ ВО «Се- верный (Арктиче- ский) федеральный университет имени М.В. Ломоносова» на 2010-2020 гг.»	• Содействие решению глобальных и региональных проблем, в том числе, проблем освоения Арктики • Содействие регио- нальному развитию • Образование через всю жизнь • Коммерциализация исследований и трансфер технологий • Предоставление возможностей университета для нужд местного сообще- ства	• заключение договоров о сотрудничестве с органами региональной и му- ниципальной власти; • заключение договоров о сотрудничестве с предприятиями и организаци- ями региона; • предоставление помещений и инфраструктуры университета для прове- дения научных исследований, социокультурных мероприятий организациям и представителям местного сообщества; • консультирование и сопровождение инновационных и бизнес-проектов специалистами университета; • участие в общественных дебатах по важнейшим вопросам жизни региона и страны; • реализация социальных проектов силами студентов и сотрудников
Мурманский арктиче- ский государственный университет (Российская Федерация)	«Стратегия развития ФГАБУ ВО «Мур- манский арктиче- ский государствен- ный университет»	• Содействие решению глобальных и региональных проблем, в том числе, про- блем освоения Арктики • Содействие регио- нальному развитию • Предоставление возможностей университета для нужд местного сообще- ства • Образование через всю жизнь • Коммерциализация исследований и трансфер технологий	• заключение договоров о сотрудничестве с органами региональной и му- ниципальной власти; • заключение договоров о сотрудничестве с предприятиями и организаци- ями региона; • предоставление помещений и инфраструктуры университета для прове- дения научных исследований, социокультурных мероприятий организациям и представителям местного сообщества; • консультирование и сопровождение инновационных и бизнес-проектов специалистами университета; • участие в общественных дебатах по важнейшим вопросам жизни региона и страны; • реализация социальных проектов силами студентов и сотрудников

Университета Копенгагена (Дания)	«Талант и сотрудничество. Стратегия 2023» (<i>«Talent and collaboration. Strategy 2023»</i>)	• Содействие решению глобальных и региональных проблем, в том числе, проблем освоения Арктики • Образование через всю жизнь • Повышение уровня знаний в обществе • Коммерциализация исследований и трансфер технологий • Предоставление возможностей университета для нужд местного сообщества	• предоставление помещений и инфраструктуры университета для проведения научных исследований, социокультурных мероприятий организациям и представителям местного сообщества; • консультирование и сопровождение инновационных и бизнес-проектов специалистами университета; • участие в общественных дебатах по важнейшим вопросам жизни региона и страны;
Университет Оулу (Финляндия)	«Стратегия университета Оулу на 2016-2020 годы» (<i>«University of Oulu Strategy 2016–2020»</i>)	• Содействие решению глобальных и региональных проблем, в том числе, проблем освоения Арктики • Инновации и предпринимательство • Коммерциализация исследований и трансфер технологий	• консультирование и сопровождение инновационных и бизнес-проектов специалистами университета; • участие в общественных дебатах по важнейшим вопросам жизни региона и страны
Университет Исландии (Исландия)	«Стратегия университета Исландии на 2016-2021 годы» (<i>Strategy of The University of Iceland 2016-2021</i>).	• Содействие региональному развитию • Предоставление возможностей университета для нужд местного сообщества • Повышение уровня знаний в обществе	• предоставление помещений и инфраструктуры университета для проведения научных исследований, социокультурных мероприятий организациям и представителям местного сообщества; • консультирование и сопровождение инновационных и бизнес-проектов специалистами университета; • участие в общественных дебатах по важнейшим вопросам жизни региона и страны; • реализация социальных проектов силами студентов и сотрудников
Университет Умео (Швеция)	«Видение и цели университета Умео 2020» (<i>«Umeå University 2020 Vision and objec-</i>	• Содействие региональному развитию, в том числе Арктики • Образование через всю жизнь • Инновации	• предоставление помещений и инфраструктуры университета для проведения научных исследований, социокультурных мероприятий организациям и представителям местного сообщества; • консультирование и сопровождение инновационных и бизнес-проектов специалистами университета

	<i>tives»)</i>	• Взаимодействие с промышленностью, торговлей, государственным сектором • Повышение уровня знаний в обществе	
Технологический университет Лулео (Швеция)	«Стратегия и видение 2020» (<i>«Strategy and vision 2020»</i>)	• Содействие решению глобальных и региональных проблем • Предоставление возможностей университета для нужд местного сообщества	• предоставление помещений и инфраструктуры университета для проведения научных исследований, социокультурных мероприятий организациям и представителям местного сообщества; • консультирование и сопровождение инновационных и бизнес-проектов специалистами университета

Литература

1. Мескон М., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. М.: Изд. дом «Вильямс», 2007. 672 с.
2. Друкер П.Ф. Задачи менеджмента в XXI веке. М.: ИНФРА-М, 1999. 315 с.
3. Ансофф И. Новая корпоративная стратегия. СПб.: Питер, 1999. 416 с.
4. Виханский О.С. Стратегическое управление. М.: Гардарики, 2003. 296 с.
5. Кларк Б.Р. Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации. М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2011. 240 с.
6. Ицковиц Г. Тройная спираль. Университеты — предприятия — государство. Инновации в действии / Под ред. А.Ф. Уварова. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та систем упр. и радиоэлектроники, 2010. 238 с.
7. Дельбанко Э. Колледж: Каким он был, стал и должен быть. Под ред. А. Васильевой: Высшая школа экономики; Москва, 2015.
8. Барбер М., Доннелли К., Ризви С. Накануне схода лавины. Высшее образование и грядущая революция // Вопросы образования. 2013. No. 3. С. 152–170.
9. Cohen A., Kisker C. The shaping of American higher education. San Francisco, 2010. Pp. 555–557.
10. Keller M., Keller P. Making Harvard Modern: The Rise of America's University. Oxford University Press, 2007.
11. Розовски Г. Университет. Руководство для владельца. М.: Изд. Дом ВШЭ, 2015.
12. Создание университетов мирового класса / Джамиль Салми; пер. с англ. М.: Издательство «Весь Мир», 2009. 132 с.
13. Мархл М., Паусист А. Методология оценки третьей миссии университетов // Непрерывное образование: XXI век. 2013. Выпуск 1. DOI 10.15393/j5.art.2013.1949
14. Montesinos P., Carot J-M., Mora F. Third Mission ranking for world class universities: Beyond teaching and research // Higher Education in Europe. 2008. Vol. 33 (2–3). Pp. 195–199.
15. Leydesdorff L., Etzkowitz H. The Triple Helix as a Model for Innovation Studies // Science and Public Policy. 1998. Vol. 25. Pp. 195–203.
16. Dan M.-C. The Third Mission of Universities in the Development Strategy of Vienna City. Informatica. Economica. 2012. Vol. 16. No. 4. Pp. 49–56.
17. Gibbons M., Limoges C., Nowotny H., Schwartzman S., Scott P., Trow M. The New Production of Knowledge: The Dynamics of Science and Research in Contemporary Societies. London: Sage, 1994. 191 p.
18. Зиневич О.В., Рузанкина Е.А. Университет как научный и социальный институт в современном российском обществе // Высшее образование в России. 2014. No. 7. С. 37–43.
19. Charles D.R. Universities and Engagement with Cities, Regions and Local Communities // Rebalancing the Social and Economic. Learning, Partnership and Place / Ed. by C. Duke, M. Osborne, B. Wilson. NIACE, 2005. Pp. 148–150.
20. Перфильева О.В. Университет и регион: на пути к реализации третьей функции. // Вестник международных организаций. 2011. № 1(32). С. 133–144.
21. Смирнов В.А., Фадеева Л.А., Пунина К.А., Голубев С.В. Университет и региональные (городские) сообщества: модели сосуществования и управленческие механизмы интеграции (российский и европейский опыт) // Ars Administrandi. 2013. № 4. С. 102–117.
22. Зайков К.С., Кондратов Н.А., Кудряшова Е.В., Тамицкий А.М. Потребность субъектов Арктической зоны РФ в трудовых ресурсах // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. No. 6. С. 184–201. DOI 10.15838/esc.2018.6.60.11
23. Gorokhov A.M., Zaikov K.S., Kondratov N.A., Kuprikov M.Yu., Kuprikov N.M., Tamickij A.M. Analysis of scientific and educational space of the arctic zone of the Russian Federation and its contribution to social and economic development // European journal of contemporary education. 2018. No. 7 (3). Pp. 485–497.
24. Зайков К.С., Калинина М.Р., Кондратов Н.А., Тамицкий А.М. Инновационный вектор экономического развития северных и арктических территорий России и стран Северной Европы // Эко-

номические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. №. 3. С. 59–77. DOI 10.15838/esc/2017.3.51.3

25. Бугаенко О.Д., Ворожцова Л.А., Гурьев А.А., Зайков К.С., Зарубина Л.А., Коршунов А.А., Кудряшов Ю.В., Кудряшова Е.В., Кукаренко Н.Н., Никулина Н.В., Поликин Д.Ю., Рябченко С.В., Филиппов Б.Ю. САФУ: арктическим курсом / Под ред. Ю.В. Кудряшова. Архангельск: САФУ, 2016. 152 с.

References

1. Meskon M., Al'bert M., Hedouri F. *Osnovy menedzhmenta* [Management fundamentals]. Moscow, Izd. dom «Vil'jams» Publ., 2007. 672 p. (In Russ.)
2. Druker P.F. *Zadachi menedzhmenta v XXI veke* [Management Tasks at XXI Century]. Moscow, INFRA-M Publ., 1999. 315 p. (In Russ.)
3. Ansoff I. *Novaja korporativnaja strategija* [New corporate strategy]. Piter Publ., 1999. 416 p. (In Russ.)
4. Vihanskij O.S. *Strategicheskoe upravlenie* [Strategic management]. Moscow, Gardariki Publ., 2003. 296 p. (In Russ.)
5. Klark B.R. *Sozdanie predprinimatel'skih universitetov: organizacionnye napravlenija transformacii* [The creation of entrepreneurial universities: organizational directions of transformation]. Moscow, Izd. dom Gos. un-ta Vysshej shkoly ekonomiki Publ., 2011. 240 p.
6. Ickovic G. *Trojnaja spiral'. Universitety — predpriyatija — gosudarstvo. Innovacii v dejstvii* [Triple Helix. Universities — enterprises — the state. Innovation in action]. Ed. by A.F. Uvarov. Tomsk: Izd-vo Tomsk. gos. un-ta sistem upr. i radioelektroniki Publ., 2010. 238 p.
7. Del'banko E. *Kolledzh: Kakim on byl, stal i dolzhen byt'*. Ed. by A. Vasil'eva, HSE Publ., Moscow; 2015.
8. Barber M., Donnelly K., Rizvi S. Nakanune skhoda laviny. Vysshee obrazovanie i gryadushchaya revolyutsiya [An Avalanche Is Coming. Higher Education and the Revolution Ahead]. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies], 2013, no. 3, pp. 152–170.
9. Cohen A., Kisker C. *The shaping of American higher education*. San Francisco, 2010, pp. 555–557.
10. Keller M., Keller P. *Making Harvard Modern: The Rise of America's University*. Oxford University Press Publ., 2007.
11. Rozovski G. *Universitet. Rukovodstvo dlya vladel'tsa* [The University. An Owner's Manual]. Moscow, HSE Publ., 2015. (In Russ.)
12. *Sozdanie universitetov mirovogo klassa* [The Challenge of Establishing the World Class Universities]. Ed. by Dzhamil' Salmi. Moscow, "Ves' Mir" Publ., 2009, 132 p.
13. Marhl M., Pausist A. *Metodologija ocenki tret'ej missii universitetov* [Third mission indicators for new ranking methodologies]. *Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek* [Lifelong education: the XXI century]. 2013. Vypusk 1. DOI 10.15393/j5.art.2013.1949
14. Montesinos P., Carot J-M., Mora F. Third Mission ranking for world class universities: Beyond teaching and research. *Higher Education in Europe*. 2008, vol. 33 (2–3), pp. 195–199.
15. Leydesdorff L., Etzkowitz H. The Triple Helix as a Model for Innovation Studies. *Science and Public Policy*, 1998, vol. 25. pp. 195–203.
16. Dan M.-C. The Third Mission of Universities in the Development Strategy of Vienna City. *Informatica. Economica*, 2012, vol. 16, no. 4, pp. 49–56.
17. Gibbons M., Limoges C., Nowotny H., Schwartzman S., Scott P., Trow M. *The New Production of Knowledge: The Dynamics of Science and Research in Contemporary Societies*. London: Sage Publ., 1994, 191 p.
18. Zinevich O.V., Ruzankina E.A. *Universitet kak nauchnyy i sotsial'nyy institut v sovremennom Rossiyskom obshchestve* [University as a Scientific and Social Institute in the Contemporary Russian Society]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2014, no. 7, pp. 37–43.
19. Charles D.R. Universities and Engagement with Cities, Regions and Local Communities. Rebalancing the Social and Economic. *Learning, Partnership and Place*. Ed. by C. Duke, M. Osborne, B. Wilson. NIACE, 2005, pp. 148–150.

20. Perfil'eva O.V. Universitet i region: na puti k realizacii tret'ej funkcii [The University in the Region: Steps towards Third Mission]. *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij* [International organisations research journal], 2011, no. 1 (32), pp. 133–144.
21. Smirnov V.A., Fadeeva L.A., Punina K.A., Golubev S.V. Universitet i regional'nye (gorodskie) soobshhestva: modeli sosushhestvovaniya i upravlencheskie mehanizmy integracii (rossijskij i evropejskij opyt). *Ars Administrandi*, 2013, no. 4, pp. 102–117.
22. Zaikov K.S., Kondratov N.A., Kudryashova E.V., Tamitskii A.M. Potrebnost' sub'ektov Arkticheskoy zony RF v trudovykh resursakh [The need for workforce in constituent entities of the Arctic zone of the Russian Federation]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2018, vol. 11, no. 6, pp. 184–201. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.11
23. Gorokhov A.M., Zaikov K.S., Kondratov N.A., Kuprikov M.Yu., Kuprikov N.M., Tamickij A.M. Analysis of scientific and educational space of the arctic zone of the Russian Federation and its contribution to social and economic development. *European journal of contemporary education*, 2018, no. 7 (3), pp. 485–497.
24. Zaikov K.S., Kalinina M.R., Kondratov N.A., Tamitskii A.M. Innovatsionnyy vektor ekonomicheskogo razvitiya severnykh i arkticheskikh territoriy Rossii i stran Severnoy Evropy [Innovation course of economic development in the Northern and Arctic territories in Russia and in the Nordic countries]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2017, vol. 10, no. 3, pp. 59–77. DOI 10.15838/esc/2017.3.51.3
25. Bugaenko O.D., Vorozhtsova L.A., Gur'ev A.A., Zaikov K.S., Zarubina L.A., Korshunov A.A., Kudryashov Yu.V., Kudryashova E.V., Kukarenko N.N., Nikulina N.V., Polikin D.Yu., Ryabchenko S.V., Filippov B.Yu. *SAFU: arkticheskim kursom* [NArFU: staying Arctic-oriented] Ed. by Yu.V. Kudryashov. Arkhangel'sk: NArFU Publ., 2016, 152 p. (in Russ.)

УДК [338.48(=511.1):572.028](47+57)(48)(045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.34.44

Этнотуризм и Баренцев/Евроарктический регион (БЕАР) *

© ОЛСЕН Кьелл, доктор социальной антропологии, профессор

E-mail: kjell.o.olsen@uit.no

UiT — Арктический университет Норвегии, кампус в г. Альта, Норвегия

Аннотация. В данной статье утверждается, что этнотуризм следует понимать как сформированный европейскими представлениями о «других», а также более поздним развитием мировой политической мысли. Такие широкие структуры формируют гетерогенные народы, которые обозначены и обозначают себя коренными народами. Кроме того, нынешнее положение этих народов также определяется их отношениями с окружающим их большинством и национальными государствами. Поэтому определения этнотуризма должны основываться скорее на степени контроля меньшинств за туристической деятельностью, чем на идеях о символических культурных особенностях. Рост туризма во многих областях Баренцева / Евроарктического региона предоставляет возможность для сохранения культурных особенностей этнических меньшинств. Тем не менее, они могут сталкиваться с проблемами, поскольку им отводится такое положение в индустрии туризма, при котором другие, более влиятельные субъекты определяют довольно узкую область того, чем является этнотуризм. Данная статья написана на основе современного литературного исследования индигенности, туризма и туризма на территории саамов и опирается на предыдущие исследования о саамах и туризме в Норвегии.

Ключевые слова: *коренные народы, Баренц / Евроарктический регион, туризм, саамы, аутентичность.*

Indigenous tourism and the Barents Euro-Arctic Region (BEAR)

© Kjell OLSEN, PhD in Social Anthropology, Professor

E-mail: kjell.o.olsen@uit.no

UiT — The Arctic University of Norway, Campus Alta, Norway

Abstract. In this article, it is argued that indigenous tourism must be understood as shaped by European ideas of the Other, as well as more recent development in global politics. Such broad and increasingly global structures frame those heterogeneous populations that are labelled and label themselves indigenous. Furthermore, the current situation of these peoples is also shaped by their relationships to surrounding majorities and nation states. Therefore, definitions of indigenous tourism should rather be built on minorities' degree of control of tourism activities than by ideas of emblematic cultural features. The growth in the tourism industry in many parts of the Barents Euro-Arctic Region also represents an opportunity for representing and maintaining cultural features among minorities. Nevertheless, minorities might also face challenges by being relegated to a position in the tourism industry where other more powerful actors define a rather narrow field of what indigenous tourism is. This article is based on literary studies of contemporary research on indigeneity, tourism and Sámi tourism and draws upon the author's extensive previous research on Sámi tourism in Norway.

Keywords: *indigenous peoples, the Barents Euro-Arctic Region, tourism, Sámi, authenticity.*

* Для цитирования:

Олсен К. Этнотуризм и Баренцев/Евроарктический регион (БЕАР) // Арктика и Север. 2019. № 34. С. 44–56. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.34.44

For citation:

Olsen K. Indigenous tourism and the Barents Euro-Arctic Region (BEAR). *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 34, pp. 44–56. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.34.44

Введение. Концепция «другого» в западной традиции

Мы говорим, что мы отдельный народ, нация людей, и мы должны иметь особые права в Канаде. Мы отличаемся тем, что нам будет нелегко войти в вашу систему, потому что мы разные. У нас своя система, свой образ жизни, своя культура, свои традиции. У нас есть свои языки, свои законы и система правосудия (Роберт Андре, Арктическая Красная река)

[1, Brody H., p. vii]

Как утверждает Роберт Андре, коренные народы отличаются, но от кого они отличаются и как это различие онтологически сконструировано? Можно предположить, что эта форма отличия не проистекает из особой традиции у людей, поселившихся вокруг Арктической Красной реки. Даже если у них, очевидно, были представления о различиях между теми людьми, которые поселились в этом районе, такие представления можно рассматривать как результат колониального столкновения между европейскими колонизаторами и тем населением, которое с XVI в. должно было стать колонизированным. Великие путешествия европейцев в XVI в. и их часто воинственные встречи с новыми народами по всему миру — а также их последующее подчинение — потребовали онтологической переориентации западной мысли.

Выражаясь кратко и грубо, эта переориентация вызвала необходимую классификацию, ибо для европейцев, которые рассматривали неизвестные народы, важным было опереться на устаревшие представления о варварах и их контраст с цивилизованными народами. Так европейская цивилизация легитимировала своё господство. Отсутствие у народов привычной для колонизаторов общественной организации и материальной, а также духовной европейской культуры заставляло их думать о благородном дикаре, о состоянии, в котором человек спокойно жил в Эдемском саду. Эта двойственность концепций — «варвар» и «благородный дикарь» — была сопряжена с новыми европейскими идеями о человеческой эволюции: о пути из детского состояния до зрелой цивилизации, которые позволили рассматривать некоторых людей как «других». Эти идеи до сих пор окружают этнотуризм и являются основой туристической мотивации, а также отражаются на том, какие страны туристы желают посетить. Обе концепции «варвара» и «благородного дикаря», которые могли бы существовать одновременно, требуют наличия своего рода радикального отличия у тех, кого называют «коренными» народами.

Коренные народы как политическая концепция

Как говорилось выше, коренные народы — это концепция, которая в западной мысли используется в отношении населения, имеющего образ жизни и культуру, отличную от того, что считается современным образом жизни. Таким образом, коренные народы в обыденном смысле связаны с тем, что с различных современных точек зрения рассматривается как традиционный образ жизни. Такое использование понятия «коренной» связывает эту концепцию с другими концепциями, такими как традиционные, племенные, примитивные, пре-модернистские или аборигенные, а также все концепции, которые использовались в отно-

шении народов, которые кажутся радикально отличающимися от того, что выглядит как современность. С 1950-х гг. понятие «коренные народы» используется в качестве политической концепции. В рамках системы ООН Международной организацией труда (МОТ) была разработана Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни, 1989 г. (ILO No 169), которая призвана обеспечить права коренных народов, проживающих на территории национального государства. В статье 1 Конвенции МОТ 169 коренные народы определяются следующим образом:

1. Настоящая Конвенция применяется к:

- племенным народам в независимых государствах, социальные, культурные и экономические условия которых отличают их от других групп национального сообщества и положение которых регулируется полностью или частично их собственными обычаями или традициями, или специальным законодательством или правилами;
- народам в независимых государствах, которые считаются коренными по причине их происхождения относительно населения, проживавшего в государстве или географическом регионе, к которому оно относится, во время завоевания или колонизации или установления нынешних государственных границ и которые, независимо от их правового статуса, сохраняют некоторые или все свои социальные, экономические, культурные и политические институты.¹

Коренные народы оказались концепцией, которую трудно определить с юридической и научной точек зрения. Коренные народы оказались концепцией, которую трудно определить с юридической и научной точек зрения. Таким образом, некоторые представители, отличающиеся от большинства населения в национальном государстве, за исключением Латинской Америки, где коренные народы иногда составляют большинство, занимали районы, которые были завоёваны или колонизированы другими группами, культурно отличающимися от коренных жителей, и самоидентифицировали себя в качестве коренных народов и были признаны в качестве таковых другими коренными народами. В 1997 г. Эрика-Ирен Даес (Erica-Irene Daes) предприняла попытку создать основу для универсального понимания этой концепции в международном контексте. Она подчёркивает четыре аспекта:

- приоритет во времени в отношении заселения и использования конкретной территории;
- добровольное сохранение культурной самобытности, которая может включать аспекты языка, социальной организации, религии и духовных ценностей, способов производства, законов и институтов;
- самоидентификация, а также признание другими группами или государственными органами в качестве отдельной общности;

¹ C169 — Конвенция 1989 г. О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни (№ 169). URL: http://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO::P12100_ILO_CODE:C169 (дата обращения: 12.01.2019).

- опыт порабощения, маргинализации, лишения собственности, исключения или дискриминации, независимо от того, сохраняются ли эти условия ²

Как мы видим, коренное население не является простой политической концепцией и охватывает огромное количество разных народов, которые имеют мало общего [2, Joona J.]. Это можно сказать и о коренном населении БЕАР, которое, по оценкам Баренцева Евроарктического Совета, составляет приблизительно 85 000 саамов, проживающих в Финляндии, Норвегии, Швеции и России, а также 7 000 ненцев и 6 000 вепсов в России³. Тем не менее, международная работа в области прав коренных народов также оказывает влияние на Баренцев / Евроарктический регион. Сотрудничество между саамами четырёх стран, ненцами и вепсами в рамках Баренцева Евро-Арктического Регионального Совета, было начато в 1993 г. В 1995 г. на постоянной основе была создана рабочая группа по коренным народам (WGIP). Во многих отношениях это сотрудничество коренных народов БЕАР основано на глобальном движении коренных народов, которое адаптируется к меняющимся политическим условиям. Концепция коренных народов дополнительно осложняется использованием общего значения понятия «коренной», которое в давней западноевропейской традиции обычно связывается со всеми народами, которые кажутся традиционными и радикально отличаются от того, что мы считаем современным.

Таким образом, акцент на радикальном различии, традиционном облике и принадлежности к меньшинству, является во многом тем, что составляет основу для присвоения лейбла «этнотуризм». Таким образом, мотивация для этнотуризма может стать понятна после рассмотрения общих теорий исследования туризма. Например, Дин Макканнелл (Dean MacCannell) в своей работе «Турист» приписывает мотивацию туризма отчуждающим силам современности, которые своими дифференцирующими процессами порождают стремление к аутентичности, то, чего современный человек не находит в своей собственной жизни... «Современный человек обречён искать где-либо, везде свою подлинность, чтобы увидеть, сможет ли он мельком узреть её отражение в простоте, этничности, целомудрии или чистоте других» [3, MacCannell D., с. 41]. Следовательно, предполагаемая простота людей, считающихся традиционными и менее развитыми, чем современный турист, становится достойной внимания. Аналогично, Джон Ури (John Urry) в своей влиятельной работе «Взгляд туриста» преуменьшает поиск подлинности, и приписывает мотивацию туризма стремлению к различиям, в отличие от обычной жизни:

«Поэтому представляется неправильным, что поиск аутентичности является основой для организации туризма. Скорее, одна из ключевых особенностей, по-видимому, заключается в том, что существует разница между обычным местом жительства / работы и объектом

² Daes E.-I. Working Group on Indigenous Populations — Working Paper — Digest [1997] AUIndigLawRpr 22; (1997) 2(1) Australian Indigenous Law Reporter 162. URL: <http://www.austlii.edu.au/au/journals/AILR/1997/22.html#Heading4> (дата обращения: 13.01.2019).

³ Коренные народы Баренцева региона. URL: <https://www.barentscooperation.org/en/About/Indigenous-Peoples> (дата обращения: 13.01.2019).

туристического интереса. Теперь, возможно, поиск того, что мы считаем аутентичными элементами, является важным компонентом, но это только потому, что в некотором смысле существует контраст с повседневным опытом» [4, Urry J., с. 12].

Тем не менее, наши западноевропейские представления о «другом», коренном, воплощают идею отличия наших повседневных переживаний, а также рассматриваются как имеющие более подлинную жизнь, чем современный человек.

Норвежские саамы в индустрии туризма

Ненцы, вепсы и саамы — коренные народы БЕАР имеют столько же различий, сколько и сходств. Их объединяет то, что этнические меньшинства находятся в рамках изменяющихся государственных образований, их культура и история сформированы меняющейся политикой различных государств, в которых они находятся [5, Pietikäinen S. et. al.]. Согласно С. Пиетикойнен (Pietikäinen S.), для коренных народов и меньшинств, проживающих в районе Северного Калотта, последствия этих переопределений были радикальными, поскольку новые границы не следовали за установившимися, давно существующими разделениями языковых общин или местными средствами к существованию [5, Pietikäinen S., et al., с. 4].

Предшественником туризма в Европе стала выставка экзотических народов в крупных европейских городах. Краткое описание участия норвежских саамов в этой отрасли может объяснить некоторые идеи, которые скрываются за этнотуризмом. Саамы рано приобрели имидж «последних кочевников Европы». Несколько научных экспедиций в XVI–XVII вв. изучали и описывали их образ жизни. Саамы также сыграли свою роль в истории о зарабатывании денег на выставках «примитивных» народов по всей Европе. В 1822 г. У. Буллок (William Bullock) выставил семью саамов в Египетском зале в Лондоне. Семья южных саамов была выставлена вместе с живыми оленями и стала довольно популярной достопримечательностью [6, Altick R., с. 273]. Вероятно, это было началом традиции экспонирования живых саамов, которая продолжалась, по крайней мере, до 1930 г., когда тридцать два норвежских, шведских и финских саама гастролировали по Германии летом и осенью. В этот тур они взяли с собой полностью оборудованный лагерь, собак и пятьдесят оленей [7, Hætta O.].

В 1822 г. на выставке, как пишет Б. Киршенблатт-Джимблетт (Kirshenblatt-Gimblett), лапландцы были привлечены для ухода за оленями, которые, вероятно, могли быть представлены в Англии, но, когда это оказалось непрактично, лапландцы стали этнографическими экспонатами [8, Kirshenblatt-Gimblett B., с. 45]. При этом саамы должны были адаптироваться к этнографической традиции. Уже первая выставка Буллока ввела устойчивую традицию, которая стала особенностью лагерей лапландцев, созданных для обслуживания растущего туризма в Северной Норвегии в последней части XIX в. Это была традиция, которая, вероятно, уделяла больше внимания этнографии, нежели представлениям саамов о развлечениях. На плакате, сделанном для выставки в Египетском зале, заметна разница между «примитивными» объектами и современными зрителями. Обрамлённые пейзажем возвышенной приро-

ды Северной Норвегии — области, которую выставленная семья Холм, вероятно, никогда не посещала, саамы контрастируют с посещающими выставку лондонцами. Их жилища в кочевом стиле, одежда и выставленная посуда резко отличаются от современного образа жизни того времени.

Плакат интересен в нескольких аспектах. Во-первых, он демонстрирует саамов так, как часто делают до сих пор. Большинство характерных черт афиши к лондонской выставке 1822 г. можно найти в современных туристических проспектах. В современных изображениях саамов редко встречаются только две особенности. Одна из них уже исчезла — зрители. Их больше нет на современных изображениях для индустрии туризма. Вторая особенность — олени упряжки, которые уже не являются таким заметным этническим маркером. Ощущение скорости, с которым этот вид транспорта ассоциировался 200 лет назад, уже не производит впечатления.

Во-вторых, плакат связан с традицией рассматривать «другого» в качестве благородного дикаря, человека, который ближе к до-современному состоянию невинности человечества.

С. Матисен [9, Mathisen S., с. 8] указывает на то, как саамы были выставлены в Египетском зале, и видит в этом отражение европейской научной традиции. Как пишет Р. Алтик [6, Altick R., с. 273], У. Буллок нанял Томаса Дибдина (Thomas Dibdin), чтобы написать «пьесу», в которой бы выступили саамы. В своей автобиографии Т. Дибдин описывает своих «актёров»:

... маленький, толстый, круглый человек, который выглядел как баррель нефти [...] соответственно, его красавица-жена, в размеры как половина анкер [бочка]; и их сын, ростом с голландский сыр, в шляпе: это трио пели, танцевали, играли на скрипке, и продемонстрировали ряд достижений, и что для меня было удивительным на тот момент времени: как я смогу превратить это в какую-то пьесу? Тем не менее, пьеса была написана: мой руководитель, мистер Эрскин, сочинил увертюру, песни, мелодраматическую музыку, танцы и т.д. — сцены были расписаны; танцы репетировались на Сенном рынке [...]; все платья сшиты и декорированы и модели любезно одолжены мистером Буллоком; и когда все второстепенные дела были улажены, артистов пригласили, чтобы послушать, как я читаю пьесу «Лапландцы» в моей квартире в театре Суррея [10, Dibdin T., с. 195–196].

Лапландцы никогда не появлялись в квартире мистера Дибдина, потому что «... у восьми северных оленей перехватило дыхание» [10, Dibdin T., с. 196]. Ожидая появления новых оленей, «маленький круглый мужчина, жена и ребенок тем временем должны были объехать своими быстрыми санями просторные равнины Египетского зала» [10, Dibdin T., с. 197]. Это стало, вероятно, первой выставкой саамов за пределами Северной области.

Даже если Т. Дибдину и не удалось поставить свою пьесу в полном масштабе, как пишет С. Матисен [9, Mathisen S., с. 8], собственные представления саами о развлечениях были

отвергнуты, вероятно, в пользу более «правильного» этнографического представления, Т. Дибдина. Тем не менее, песни, танцы и игры на скрипке по-прежнему не имеют никакого отношения к саамским культурным достопримечательностям. Идея Т. Дибдина о том, как саамы могут быть представлены в спектакле, до сих пор существует и даже встречается в местном туризме.

С самого начала туризма в Северной Норвегии до второй половины XIX в. саамы выступали в качестве достопримечательностей. Типичным примером такого отношения были так называемые лагеря лопарей, организованные оленеводами, которые отдыхали на пастбищах на побережье. Оленеводы стали главным саамским маркером в туризме, и лишь редкие осевшие прибрежные саамы имели эту профессию. Это вполне объясняется тем, что туризм прекрасно подходил саамам-оленеводам, которые могли заниматься традиционными видами прикладного искусства зимой, а потом продавать их результат летом, во время стоянки у побережья. Другое объяснение состоит в том, что полукочевые скотоводы ближе соотносятся с идеей о благородном дикаре, чем прибрежные саамы. Многокультурные прибрежные районы не имеют больших культурных отличий, а норвежские власти рассматривают прибрежные районы саамской культуры как исчезающие [11, Olsen K.]. То, что некоторые аспекты культуры коренного населения подчёркиваются в туризме, может объясняться идеями, связывающими индигенность с традициями. Тем не менее, в разных государствах отличия в современных правах, общий тип туризма в регионе создают представление о коренном населении [12, Keskitalo E. & Nuttall M.; 11, Olsen K.; 13, Kelly-Holmes H. & Pietikäinen P.].

Даже если коренные народы считаются потенциальными туристическими достопримечательностями из-за их предполагаемого традиционного образа жизни, то противоречие между традицией и современностью не всегда может поддерживаться при интеграции в современные государственные образования, подобные тем, которые есть в БЕАР. Анализ туристических брошюр саамов в Норвегии показывает, что они изображаются современными в таких областях, как жизнь под открытым небом, и в таких видах спорта, как соревнования на снегоходах. Третья область, в которой дихотомия больше не поддерживается, находится в художественном выражении [14, Olsen K.]. Кажется, что некоторые моменты позволяют «другим» выражать свою версию современности, не оспаривая необходимую разницу между туристами и самими собой [13, Kelly-Holmes & Pietikäinen S.; 14, Olsen K.; 15, Pietikäinen S.]. Как писал Т. Туен [16, Thuen T., с. 262], когда рассматривал возможность развития того, что может считаться современным культурным отражением саамского населения, это, скорее всего, относится к искусству.

Тем не менее, главное впечатление, создаваемое туристическими брошюрами — и в этом случае брошюрами, опубликованными региональными и местными властями, где современная саамская культура является наиболее выдающейся, — это то, что старая традиция представления саамов как радикально отличающихся остаётся неизменной. Это может ча-

стично объяснить впечатление, полученное от туристов, которые считают саамов традиционными и характеризуют их такими признаками, как оленеводство, кочевой образ жизни, коренное население, другая культура и образ жизни, традиции, традиционный костюм, ландшафт и природа [17, Viken A., с. 29]. Нельзя сказать, что такие особенности не играют роли в современной саамской культуре. Изображение пожилой женщины с собакой и северным оленем, стоящей в снежной пустыне, является как туристическим клише, так и частью современного саамского общества.

На это указала студентка-саами, которая одновременно смогла увидеть «отличительность» саамов как народа и часть повседневной жизни её тети. Для многих саамов нет никакого противоречия в том, что с точки зрения постороннего может быть воспринято как принадлежность к двум различным категориям: традиции и современности. С точки зрения инсайдера, всё это существует в настоящее время в рамках современной культуры саамов. Как отмечают другие, аутоэтнография и культурные проявления, как правило, неоднородны как с внешней точки зрения, так и с точки зрения инсайдера. В случае с изображениями знание региональных и местных различий в костюме саамов может дать много информации даже без знания изображенных лиц или цели таких репрезентаций. Тем не менее, для туристической аудитории такие картинки, вероятно, соответствуют их представлениям о традиционных культурах, даже если большинство местных жителей заметят современников.

Этнотуризм: определения

Возможно, наиболее влиятельное определение этнотуризма дано Хинчем и Батлером, которые утверждают, что туризм среди коренных народов можно понимать как «туристическую деятельность, в которую коренные народы вовлечены либо посредством контроля и / или посредством того, что их культура служит сущностью привлечения» [18, Butler R. & Hinch T., с. 9]. В это определение можно интегрировать политико-юридическое определение коренных народов, а также самопознание и признание другими. Кроме того, введя контроль как важный элемент, можно также вывести местный туризм из ловушки, которую семья Хольм создала ещё в 1822 г. Это означает, что туристический продукт, продаваемый коренными народами, может быть продан в качестве местного продукта, даже если он — как пение, танцы и игра на скрипке семьи Хольмов — не вписываются в европейские представления о том, что является настоящей местной и обычно традиционной культурой.

		КОНТРОЛЬ КОРЕННЫХ НАРОДОВ	
ТЕМАТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ	<i>Наличие тематической репрезентации коренных народов</i>	<i>Низкий уровень контроля</i> А Лишённые культуры	<i>Высокий уровень контроля</i> В Управляемая культура
	<i>Отсутствие тематической репрезентации коренных народов</i>	С Не индигенный туризм	Д Индигенный диверсифицированный туризм

Рис. 1. Тематическая репрезентация коренных народов / контроль коренных народов.

Модель Хинча и Батлера [18, Butler R. & Hinch T., с. 10] позволяет поместить местные туристические продукты в различные соотношения по двум параметрам: Степень контроля и Тема коренных народов. Категория А «Лишённые культуры» относится к тем ситуациям, когда артефакты и / или культурные мероприятия выставляются / проводятся компаниями, не имеющими отношения к коренному населению, чья культура демонстрируется. Как и на выставке Буллока в Лондоне в 1822 г. В Северной Скандинавии культура саамов долгое время использовалась на таких выставках без согласия самих саамов. Например, использование изображений саамов в традиционной одежде с оленями или у костра — обычные сюжеты рекламы. Однако принятие такого использования саамской культуры в туризме без одобрения саамов может отличаться в разных странах [19, Routsala H.]. Это — вопрос, связанный с контролем коренных народов и политическим признанием использования их культуры. Например, в Норвегии было бы неуместно для норвежцев одеваться в традиционные саамские костюмы в контексте туризма, а случаи, когда компании использовали особенности традиционной саамской одежды в мероприятиях, подвергались серьёзной критике. Категория В «Управляемая культура» указывает на те случаи, когда сами саамы представляют культурные особенности. Торговые палатки вдоль дорог, установленные саамскими оленеводами, имеют давнюю традицию в Норвегии и являются примером такого использования темы коренных народов и контроля коренных народов. С — «Не индигенный туризм», охватывает те случаи, когда нет темы коренных народов, а контроль осуществляется некоренным населением. В то время как последний, D, «индигенный диверсифицированный туризм», будет включать, например, отель или транспортную компанию, управляемую владельцем-саамом.

Это определение поднимает как минимум три проблемы. Прежде всего, трудно сказать, кто саам, а кто нет. Среди саамов в разных странах мы найдём людей, которые в соответствии с национальными законами исключены из числа лиц, участвующих в выборах в саамские парламенты, но при этом утверждают, что являются саамами [2, Joona J.]. Во-вторых, многие саамы, которые могли зарегистрироваться, этого не сделали, и это ещё раз демонстрирует проблему разграничения коренного населения и, следовательно, вопрос о том, кто должен это контролировать. В-третьих, проблема «Темы коренных народов», по-видимому,

подразумевает, что речь идёт о единой культуре коренных народов. Реальность такова, что часто существует несколько местных традиций, которые иногда трудно разграничить. Часто, как в случае с выставкой в Лондоне в 1822 г., то, что выглядит как «Тема коренных народов», часто навязывается извне.

Чтобы дополнительно усложнить ситуацию из-за социально-географического измерения, во многих небольших общинах БЕАР коренные жители, которые занимаются малым туристическим бизнесом, будут сотрудничать и / или конкурировать с соседями, не являющимися коренными народами, которые ведут идентичные виды бизнеса. Один из способов избавиться от проблемы подобного разграничения может заключаться в применении определений местного туризма, которые встречаются в организациях маори в Новой Зеландии. Туризм маори всё чаще определяется как туризм с точки зрения современной традиции маори. Например, в руководство для учителей, использующих бизнес маори в качестве примера от Министерства образования Новой Зеландии: Бизнес маори — это предприятие или предприятия, которые:

- принадлежат маори и / или
- полностью или в значительной степени контролируются маори и / или
- действуют в соответствии с традиционной и / или современной культурой и ценностями маори.

Некоторые предприятия маори управляются самими владельцами, а некоторые нанимают людей происхождения маори. Другие могут нанимать людей разных национальностей⁴. Таким образом, соответствующие заинтересованные стороны определяют, каковы принципы ведения бизнеса для местного туризма, и открываются для включения тех компаний в регионе, которые подчиняются этим принципам.

Проблема аутентичности

Как объяснялось в начале этого раздела, теория туризма часто основывает мотивацию этнотуризма на различиях, которые, как предполагается, коренные народы представляют в сравнении с современным человеком. Утверждалось, что эта позиция как «другого» является исторической конструкцией западноевропейской мысли, которая объединяет много разных народов в одну категорию. Эта категория была дополнительно усилена, став политико-юридическим понятием для теории политических прав, которые были важны в процессе развития чувства общности между этими народами. Будучи признанными коренными жителями и считая себя таковыми, жители северного региона сталкиваются со многими похожими проблемами в области туризма, что и другие коренные народы во всем мире.

Одним из них является вопрос аутентичности. Западноевропейское мышление рассматривает такие народы как традиционные и до-современные, и именно в этом отношении они становятся туристическими достопримечательностями. Многие коренные народы, в

⁴ Māori business. URL: <http://seniorsecondary.tki.org.nz/Social-sciences/Business-studies/Maori-business#values> (дата обращения: 13.01.2019).

частности саамы Северной Скандинавии, полностью интегрированы в современные национальные государства и редко демонстрируют радикальные отличия от современной жизни, которые часто ищут туристы. Это создает опасность того, что только те элементы, которые должны быть старыми и до-современными будут считаться подлинными саамскими и одновременно являются тем, что мы считаем элементом саамского в туризме. И это — не только точка зрения туристов. Исследования саамов, которые в основном стали туристическими достопримечательностями: в первую очередь, пожилые женщины в интерьере Финнмарка, которые носят традиционные костюмы в своей повседневной жизни [20, Gaino L.], демонстрирует, насколько хорошо респонденты в этой категории осознают туристическое стремление к аутентичности, а точнее к отражению настоящей культуры. Это понимание получено как из повседневной жизни, так и из собственного опыта в качестве туристов. Некоторые респонденты отметили, что интерес туристов к саамской культуре был для них предметом гордости в их юности, когда самосознание саами подвергалось большей стигматизации, чем сегодня. Они также подвергли критике использование того, что они считают поддельной саамской культурой, и подчеркнули необходимость разъяснения подлинной традиционной культуры саамов.

Туризм как источник гордости и как нечто, требующее аутентичности, является общей темой для местного туризма. Проблема заключается в том, что коренные народы одновременно являются современниками, и многие из них живут жизнью, которая на первый взгляд не отличается от большинства населения. Всё это часто сдерживает то, что развивается как местный туризм, и ведет к дискуссии о том, что является традиционным, а что — нет. Вместо того чтобы обсуждать прошлое, кажется более плодотворным привести в современный бизнес местные способы ведения дел, которые на первый взгляд выглядят не-индигенными сферами.

Заключение

В этой статье я утверждал, что местный туризм должен пониматься как сформированный европейскими идеями «другого», а также более поздним развитием мировой политики. Такие широкие и всё более глобальные структуры образуют гетерогенные народы. Даже если коренное население всё в большей степени становится политической концепцией, европейские культурные идеи о коренных народах, связанные с культурной разницей и более традиционной культурой коренного населения, чем культура туристов, всё ещё процветают в индустрии туризма. Таким образом, всё это рискует отодвинуть коренные народы в определённые продуктовые ниши современного туризма. В этой статье было продемонстрировано, что такая точка зрения на коренные народы как радикально отличающиеся от современных (на примере саамов) имеет давние традиции в Европе.

Кроме того, до начала XIX в. территория, которая в настоящее время является БЕАР, была, с точки зрения нынешних общин большинства, политически неопределённой террито-

рией. Границы между государственными образованиями в этом районе были соответственно установлены в 1751 и 1826 гг., а Финляндия стала частью Российской империи в 1809 г. Одним из радикальных следствий этих переопределений было то, что наиболее западная оседлая сиида, состоящая из четырёх сиид скольтов, стала норвежской, несмотря на православную веру и историческую связь с Россией. Скольты стали меньшинством как в Норвегии, так и среди норвежских саами. Таким образом, политические изменения в БЕАР усилили неоднородность коренного населения. То, как были установлены границы, национальная политика ассимиляции, а также политика, в которой указывалось, кто должен оставаться традиционным «благородным дикарём», — всё это исторические факты, которые лишь усиливают неоднородность, которая существовала всегда. Тем не менее, глобальное признание прав коренных народов и новых политических структур, формирующих БЕАР, вероятно, увеличит возможности различных коренных народов в формировании своей собственной позиции в мировой индустрии туризма.

Наконец, то, что, по-видимому, является быстро развивающейся индустрией туризма, во многих частях БЕАР, где всё больше новых туристических рынков проявляют интерес к Северу и Арктике, может создать как определённые возможности, так и проблемы для коренных народов. Наиболее очевидным является потенциал экономического роста и создания новых рабочих мест в отрасли, где культуры коренных народов могут представлять не только культурные различия, которые интересны для многих посетителей. Коренные народы могут также воспользоваться возможностью разработки новых продуктов, которые вписываются в современный туризм, где занятие делом стало более важным, чем раньше, когда «туристический взгляд» был более заметным. Тем не менее, рост туризма создаёт определённые проблемы, поскольку большинство туристов, приезжающих в БЕАР, не считает коренные народы основными примечательными объектами. Природные явления, такие как Северное сияние, Полночное солнце и арктическая природа в целом являются одними из наиболее заметных достопримечательностей, благодаря которым индустрия туризма использует новые районы и хотя бы сезонно переполняет определённые места. Результатом может стать конкуренция в сфере землепользования и проблемы для местных общин, где интересы коренных народов могут потеряться из-за конкуренции с мощными экономическими интересами индустрии туризма. Тем не менее, на момент написания этой работы в БЕАР было мало мест, где такое развитие событий было бы преобладающим.

Литература / References

1. Brody H. *Living Arctic: Hunters of the Canadian North*. Douglas and McIntyre, Vancouver, 1987.
2. Joona J. The draft Nordic Saami convention and the indigenous population in Finland. In: Banks, N. & Koivurova T. (eds) *The Proposed Nordic Saami Convention. National and International Dimensions of Indigenous Property Rights*, 2013, Hart Publishing, Oxford, pp. 229–253.
3. MacCannell D. *The Tourist. A New Theory of the Leisure Class*. University of California Press, Berkeley, 1999.

4. Urry J. *The Tourist Gaze. Leisure and Travel in Contemporary Societies*. SAGE Publications, London, 1990.
5. Pietikäinen S., Huss L., Laihiala-Kankainen S., Aikio-Puoskari U. & Lane P. Regulating multilingualism in the North Calotte: The case of Kven, Meänkieli and Sámi languages', *Acta Borealia* 27 (1), 2010, pp. 1–23.
6. Altick R.D. *The Shows of London*. The Belknap Press of Harvard University Press, Cambridge, Mass, 1978.
7. Hætta O.M. *Triumfslekta, Áidejávri fjellstue og Mikkel Triumfs tragiske skjebne*. HiF-Rapport, 2003.
8. Kirshenblatt-Gimblett B. *Destination Culture. Tourism, Museums and Heritage*, University of California Press, Berkeley, 1998.
9. Mathisen S.R. Representasjoner av kulturell forskjell. Fortelling, makt og autoritet i utstillinger av samisk kultur. *Tidsskrift for Kulturforskning*, 2004, 3(1), pp. 5–25.
10. Dibdin T. *The Reminiscences of Thomas Dibdin*. AMS Press, New York, 1827 [1970].
11. Olsen K. The touristic construction of the “emblematic” Sámi. *Acta Borealia*, 2003, 20 (1), pp. 3–20.
12. Keskitalo E.C.H. & Nuttall M. Globalisation of the "Arctic". In: Evensgård B., Larsen J.N. & Paasche Ø. (eds). *The New Arctic*, 2015, pp. 175–187.
13. Kelly-Holmes H. & Pietikäinen S. Commodifying Sámi culture in an indigenous tourism site, *Journal of Sociolinguistics*, 14 (4), 2014, pp. 518–538.
14. Olsen K. Urfolksturisme — en reise i tid eller rom? *Norsk Antropologisk Tidsskrift*, 2008, 19 (1), pp. 20–37.
15. Pietikäinen S. Multilingual dynamics in Sámiland: Rhizomatic discourses on changing language, *International Journal of Bilingualism*, 19 (2), 2015, pp. 206–225.
16. Thuen T. *Quest for Equity. Norway and the Saami Challenge*. ISER, Memorial University of Newfoundland, St. John's, 1995.
17. Viken A. Turismens essensialisierende effect — samisk kultur i lys av tiltakende turisme. In: Mathisen S.R. (ed.) *Kulturens Materialisering: Identitet og Uttrykk*, Høyskoleforlaget, Kristiansand, 2000, pp. 25–52.
18. Butler R., Hinch T. *Tourism and Indigenous Peoples*. Taylor & Francis, London, 1996.
19. Ruotsala H. Does sense of place still exist? *Journal of Ethnology and Folkloristics*, 2008, 1 (2), pp. 43–54.
20. Gaino L.B.B. *Samene som Turistattraksjon*. MPhil thesis, Finnmark University College, 2005.

УДК [911.3:33](98)(045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.34.57

Освоение Севера 2.0: вызовы формирования новой теории *

© **ПИЛЯСОВ Александр Николаевич**, доктор географических наук, профессор

E-mail: pelyasov@mail.ru

АНО «Институт регионального консалтинга», Москва, Россия

Московский государственный университет, Москва, Россия

© **ЗАМЯТИНА Надежда Юрьевна**, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник

E-mail: nadezam@yandex.ru

Московский государственный университет, Москва, Россия

Аннотация. Предлагается создать новую теорию хозяйственного освоения на трёх основных источниках: советской освоенческой школе, европейской школе региональной науки и североамериканской школе фронта. Каждая из этих школ опирается на широкий концептуальный фундамент (размещение производительных сил, эндогенный экономический рост, инновационный поиск), сплав которых способен радикально и позитивно преобразить теорию освоения индустриального времени. Сравнение природы освоенческого процесса сегодня и в советское время обнаруживает существенные отличия: нарастание пространственной и временной неравномерности (поляризованности), многоакторности, глокализации, роли низового «проектного» уровня. Многочисленные реализуемые в российской Арктике и на Севере проекты нового освоения имеют общие черты в виде экспериментального характера, схемы «пилот-клоны» для экономии на опыте, множественности равноправных баз снабжения и обучения и др. Ведущими акторами глокальности повсеместно выступают крупные ресурсные корпорации, которые задают территориальную структуру процесса нового освоения, а она зависит от внутренней организационной и институциональной структуры самой компании.

Ключевые слова: *освоенческий процесс, природа хозяйственного освоения, советская теория освоения, теория фронта, концепция эндогенного экономического роста.*

Development of the North 2.0: challenges of making a new theory

© **Alexander N. PILYASOV**, Dr. Sci. (Geogr.), Professor

E-mail: pelyasov@mail.ru

Institute of Regional Consulting, Moscow, Russia

Moscow State University, Moscow, Russia

© **Nadezhda Yu. ZAMYATINA**, Cand. Sci. (Geogr.), leading researcher

E-mail: nadezam@yandex.ru

Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract. It is proposed to create a new theory of economic development of the North on three primary sources — the Soviet development school, the European school of regional studies, the North American school of frontier studies. Each of these schools relies on a broad conceptual foundation (location of productive forces, endogenous economic growth, innovative search), the fusion of which is capable of radically and positively transforming the theory of modern time. Comparison of the nature of the development process today and in the Soviet times reveals significant differences: an increase in spatial and temporal irregularity (polarization), multiactorism, glocalization, and the role of the grassroots “design” level. Numerous projects of new development implemented in the Russian Arctic and the North have common features in the form of an experimental nature, pilot-clone schemes for saving on experience, a plurality of equal sta-

* Для цитирования:

Пиясов А.Н., Замятина Н.Ю. Освоение Севера 2.0: вызовы формирования новой теории // Арктика и Север. 2019. № 34. С. 57–76. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.34.57

For citation:

Pilyasov A.N., Zamyatina N.Yu. Development of the North 2.0: challenges of making a new theory. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 34, pp. 57–76. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.34.57

tus supply and training bases, etc. Large resource corporations that lead the world are directing actors of the territorial structure of the process of new development, and it depends on the internal organizational and institutional structure of the company itself.

Keywords: *the North and the Arctic development, glocality, Soviet theory of colonization, frontier theory, endogenous economic growth.*

Введение

Первые подступы к формированию новой теории хозяйственного освоения арктических и северных пространств России начинались ещё в 1990-е гг. Уже тогда на примере пионерного освоения золоторудных месторождений Магаданской области (прежде всего Кубаки в Северо-Эвенском районе) стало очевидно, что здесь начинают действовать какие-то другие, новые (по сравнению с прежней государственной моделью) закономерности хозяйственного освоения.

Однако в тот период многое ещё было нам неясно: в чём состоят особенности новых территориальных структур освоения, отличия современного ареала пионерного освоения от прежнего, какие новые экономические эффекты начинают здесь действовать, до какой степени конкретный инвестиционный проект ресурсного освоения формирует общие закономерности всего процесса хозяйственного освоения и т.д. Теперь, спустя почти 30 лет после перехода от государственной к государственно-корпоративной модели освоения Севера и Арктики, возникает возможность более предметно и концептуально обобщить оформившуюся новую реальность.

Сделать это раньше было трудно и по объективным причинам: кризисное десятилетие 1990-х гг. вызвало растерянность в научном сообществе — а может ли вообще быть продолжена созданная усилиями историков, географов, социологов, демографов, экономистов многовековая исследовательская традиция российской освоенческой школы, вызванная к жизни объективной необходимостью обустройства гигантских даже по мировым меркам пространств спонтанной тайги, степей, тундр? Но вот теперь, спустя почти 30 лет формирования основ новой российской экономики, есть уверенность, что никакие реформы и политические катаклизмы не в состоянии отменить базовые темы изучения российского пространства как прежде всего осваиваемого, обустраиваемого — усилиями миллионов россиян. Но это означает, что социальный заказ на новую теорию освоения есть, и он должен быть выполнен с учётом новых состоявшихся реалий последних трёх десятилетий и последних достижений мировой и отечественной региональной науки.

Три источника, три составных части новой теории освоения

Фундаментальная задача создать новую теорию хозяйственного освоения может быть решена на основе использования трёх основных источников: советской освоенческой школы, европейской школы региональной науки и североамериканской школы фронта. Каждый из них обеспечивает широкое концептуальное основание, способное обогатить новую теорию освоения.

Важным достижением советской школы была способность видеть процесс освоения не изнутри его самого, не обособленно, но как составную часть более общего процесса нового (индустриального) размещения производительных сил страны. Тот факт, что советские исследователи освоенческих процессов были вооружены очень широкой методологией (речь прежде всего идёт о знаменитой триаде «размещение производительных сил — экономическое районирование — территориально-производственные комплексы»), несомненно, являлось их сильной стороной. Это то, что основатель советского североведения С.В. Славин постулировал как «Освоение Севера целиком вытекает из непосредственных задач развития народного хозяйства СССР» [1, Славин, с. 191–192].

Важная особенность (и достоинство) советской теории хозяйственного освоения состояла в том, что она была встроена в широкую и максимально прикладную советскую теорию размещения производительных сил, потому что само размещение производительных сил в активно индустриализирующейся стране означало хозяйственное освоение новых, ранее не индустриализировавшихся, пространств и ресурсов.

Именно за счёт опоры на теорию размещения производительных сил, советская теория освоения обеспечила рассмотрение этого процесса у лучших своих авторов (С.В. Славина, К.П. Космачева, М.К. Бандмана [2–4] и др.) как системного, с присущей ему пространственно-временной структурностью (зоны освоённости, этапы, циклы освоения и др.). При рассмотрении процесса освоения как абсолютно отдельного, автономного, обособленного от развития всей страны и сама теория освоения не имела бы этих черт целостности. И этот феномен встроенности теории освоения в общую теоретическую платформу нового размещения производительных сил страны органично вытекает из черт беспрецедентной для мира обширности индустриально преобразуемых северных пространств СССР.

Именно под этот ареальный масштаб разрабатывались понятия, методология, методы изучения хозяйственного освоения.

Внутри освоенческой школы позднесоветского времени чётко обособляются два методологических направления, характеризующиеся разным восприятием пространства освоения (табл. 1). Первое — экономико-географическое — направление характеризовалось у лучших представителей (В.А. Дергачев, Ю.Г. Саушкин [5–6] и др.) обострённым чувством пространства, которое понималось как внутренне неоднородное, с особой ландшафтной и этнической структурой.

Таблица 1

Сравнение двух подходов к исследованию процесса хозяйственного освоения в позднесоветское время

	Подход экономико-географов	Подход региональных экономистов
Восприятие пространства нового освоения	Диверсифицированное ландшафтно и этнически (гетерогенное)	Однородно-абстрактное («точка»)
Доминирующий метод изучения	Картографический анализ, различные виды природно-ресурсного районирования	Пространственная эконометрика (макроэкономические модели, приложенные к районам нового освоения)

Теоретико-методологический фундамент	Теория размещения производительных сил	Оптимальное распределение ресурсов в контуре страны (теория экзогенного экономического роста)
Ключевые исследовательские сюжеты	Территориальные структуры освоения (трассы, базы, система расселения)	Экономическая эффективность, сокращение затрат, экономия на масштабе при освоении новых районов

С другой стороны, второе — регионально-экономическое — направление характеризовалось даже у лучших представителей (А.Г. Гранберг, М.К. Бандман и др.) восприятием пространства освоения как однородно-абстрактного, что было неизбежным упрощением для макроэкономического моделирования ТПК районов пионерного освоения, процессов роста и развития на территориях нового освоения.

После прорывных работ экономико-географов 1960-х годов, в которых пространство было реальным участником освоенческого процесса, количественное возрастание работ по освоению в 1970–1980-е гг. происходило прежде всего за счёт исследований, посвящённых сугубо экономическим проблемам районов нового освоения, — затратности, эффективности, экономического роста, но не свойствам самого осваиваемого пространства. Пространство переставало в них быть активным участником процесса освоения.

Другим источником новой теории освоения является богатый концептуальный багаж европейской региональной науки. Основная теоретическая платформа, на которой работают представители региональной науки, — это представления об эндогенном экономическом росте и его основных факторах, оформленные системой моделей и их качественной интерпретацией [7–8].

В отличие от моделей экзогенного экономического роста, которые доминировали многие десятилетия послевоенного времени и акцентировали проблему распределения основных материальных ресурсов по отраслям и участкам пространства, в новых моделях акцент сделан на креативной «упаковке» ключевых ресурсов и факторов роста на локализованной площадке для получения агломерационного эффекта и позитивных экстерналий на плотном взаимодействии экономических акторов друг с другом, которое порождает новое знание.

Понятно, что свойства конкретной локализованной площадки, на которой происходит сопряжение ресурсов, энергии, усилий участников процесса освоения, играют при этом очень важную роль. Можно сказать, что в теории эндогенного роста пространство становится реальным и активным фактором хозяйственного освоения, как это было у экономико-географов — лучших представителей советской освоенческой школы послевоенного времени. Для этого оно обретает свойства предельной неоднородности, как пишут наши коллеги в европейской региональной науке, становится диверсифицированно-отношенческим [9].

Эндогенный рост в пространстве освоения означает предельную локализацию этого процесса, формирование анклавных, платформенных, островных площадок хозяйственного освоения (как сказали бы в советское время, предельной его интенсификацией). Из этого

прямо вытекает адекватность теории локализованных полюсов роста для понимания возникающих здесь новых экономических эффектов; пригодность кластерного подхода для исследования вещественных и институциональных связей, возникающих внутри островных площадок нового хозяйственного освоения; резкая неравномерность (по центро-периферийному алгоритму) развития территорий, на которых возникают полюса роста нового освоения; необходимость поиска мест приложения агломерационного эффекта (где и как он возникает) на площадках нового освоения (например, в вахтовых посёлках).

Из североамериканской теории фронта за взято представление об инновационном поиске новых возможностей для экономического развития на новоосваиваемой территории. Он понимается здесь абсолютно в шумпетерианском смысле — как креативное разрушение с созданием революционно нового. Освоенческий фронт — это передовой технологический рубеж, то, что С.В. Славин определял как «необходимость применять наиболее прогрессивную технику в процессе освоения и эксплуатации природных ресурсов».

Сравнение природы старого и нового освоенческого процесса

Обобщённо можно представить освоенческий процесс последних 80 лет в виде трёх последовательно разворачивающихся схем (при этом, конечно, в реальной жизни имело место и наслаивание новой схемы на ещё существующую прежнюю, то есть границы между ними имеют нежёсткий характер — табл. 2).

Таблица 2

Сравнение трёх исторических моделей освоенческого процесса

	Схема освоения модели интегральных комбинатов (1930–1950-е гг.) — ранне-индустриальная	Схема освоения советских ведомств (1960–1980-е гг.) — позднеиндустриальная	Схема корпоративного освоения (1990–2010-е гг.) — постиндустриальная
Основные задействованные ареалы российского Севера и Арктики	Магаданская область Мурманская область Республика Коми Норильский промрайон Архангельская область	Чукотский автономный округ Ханты-Мансийский автономный округ Ямало-Ненецкий автономный округ Республика Саха-Якутия	Ненецкий автономный округ Север Ямало-Ненецкого автономного округа Арктика Республики Саха-Якутия Шельф Печорского моря
Характер освоения	Все индустриальное освоение пионерное, с чистого листа, на слой агропромышленного освоения коренных малочисленных народов Севера	В основном индустриальное освоение с чистого листа, на слой агропромышленного освоения коренных малочисленных народов Севера	Разграничение постиндустриального («умного») и индустриального (типového) освоения, в том числе с чистого листа и на ранее созданный индустриальный слой
Территориальные структуры освоения	Мелкодисперсная сеть расселения. Интегральная транспортная сеть	Линейно-узловой каркас «Отрезковая» транспортная сеть	Центро-периферийная сеть. Сеть временных сезонных наземных дорог и речных (морских) трасс
Доминирующий тип освоения	Горнопромышленный	Нефтегазопромышленный Горнопромышленный	Нефтегазопромышленный, горнопромышленный
Ключевой актор освоения и принципы его	Интегральный комбинат, максимально возможное	Отраслевые ведомства, тресты, главки. Завоз всей	Ресурсные корпорации. Экономия затрат и в силу

пространственного поведения	самообеспечение энергией, строительными материалами и продовольствием	необходимой номенклатуры материально-технических, строительных грузов и части продовольствия извне	этого опора на временные, сезонные схемы жизнеобеспечения и расселения. Локализация пространственного контура хозяйственного освоения
Ключевой институт управления	План деятельности управления исправительно-трудовых лагерей	Государственная программа освоения (развития)	Инвестиционный проект

Освоение новых пространств в СССР происходило в идеологии равномерного, «сбалансированного и планомерного», как тогда говорили, размещения производительных сил. Идеалом той модели была абсолютная однородность (одинаковость) новых индустриализирующихся территорий Севера и Арктики по уровню хозяйственной освоенности.

С другой стороны, в новую модель освоения неравномерность, центро-периферийность, поляризованность пространства встроена имманентно. Предельно рельефно, как никогда ранее в советское время, проявляются эффекты концентрации хозяйственного освоения — его локализации («сгущения») на очень ограниченных площадках экономической активности. Например, сегодня треть приоритетных проектов российской Арктики реализуется на Ямале: заводы «Ямал-СПГ» и «Арктик-СПГ-2», морской порт в районе посёлка Сабетта, железнодорожная магистраль «Северный широтный ход» и др.

Абсолютно неслучайно теория полюсов роста снова завоёвывает популярность для объяснения предельной поляризованности (интенсификации) процесса нового освоения Севера и Арктики. В СССР это было просто невозможно, потому что вся направленность хозяйственного освоения советского времени была на планомерное («справедливое»), выравненное, согласованное развитие старых и молодых по хозяйственному возрасту территорий.

Идея «полярностей» освоения и развития в СССР полностью отрицалась идеей планомерного и сбалансированного развития, к которому как к идеалу стремились партийные и хозяйственные руководящие органы. Сейчас же «острый мир» виден невооруженным глазом не только в высокоплотностной среде городских агломераций давно промышленно освоенных территорий, он рельефно проявляется на Севере и в Арктике: например, город-спутник из агломерации Рейкьявика Коупавогур в последние годы обогнал расположенный на севере Акурейри и стал вторым по численности населения городом Исландии.

В прежней районной или даже региональной модели освоения локальными участками просто пренебрегали, они были малозначимы для процесса хозяйственного освоения, который развёртывался ареально, по огромному фронту. Но в новой модели возникает предельно локализованный в пространстве контур новой хозяйственной территории-анклава, острова, платформы. В предельном виде проявляется феномен очагового, оазисного типа освоения, о котором писал ещё С.В. Славин, но который в советское время камуфлировался усилиями по планомерному, равномерному изучению и освоению новых пространств страны.

Если раньше основные экономические эффекты генерировались в районном, ареальном пространственном контуре размером с административный район или несколько райо-

нов, то теперь главные экономические эффекты обеспечиваются в локализованном контуре отдельного инвестиционного проекта, к которому приурочен вахтовый посёлок, обособленный порт (без постоянно действующей наземной магистрали) и др. Новые технологии позволяют подтянуть к местам добычи перерабатывающие производства, что парадоксально нарушает базовый постулат советского размещения на Севере — только добычные производства, а переработка — в центральных или южных районах страны, где меньше производственные издержки.

Раньше основные экономические эффекты в районах нового освоения обеспечивались за счет экономии на масштабе в деятельности гигантских советских комбинатов, объединённых в обширные по ареалам, технологически сопряженные территориально-производственные комплексы. Теперь же возрастающая отдача обеспечивается за счёт предельной компактности, островной обособленности новых объектов освоения (локализованных кластеров), которые смягчают действие северных удорожаний, транспортных и энергетических издержек. Например, в Норвегии существует государственное законодательное поощрение максимального приближения процессов локализации передового оборудования и сервиса для нефтегазовых месторождений шельфа непосредственно к местам добычи: это обеспечило беспрецедентный рост Ставангера и его превращение в первоклассный центр производственного сервиса для добычи углеводородов на шельфе [10].

В прежней «ареальной» модели хозяйственного освоения вопросы распределения дефицитных народнохозяйственных материально-технических ресурсов по «ударным стройкам» были абсолютно приоритетными, от них напрямую зависели темпы процесса освоения. Но в новом освоении от местной производственной системы конкретного проекта материально-технические ресурсы как бы сразу полагаются распределёнными, пришедшими — о самом процессе их доставки (завоза) говорится «скороговоркой». Процесс освоения начинается с момента, когда они уже доставлены, и идёт их концентрация на местности. Как их креативно «свернуть», «упаковать» на локализованной площадке нового освоения — вот главная тема, и с этим связываются основные экономические эффекты (на локализации, на концентрации). И это является предметом основного обсуждения, а вопросы внешнего завоза, доставки производственных грузов не имеют прежнего значения (табл. 3).

Таблица 3

Природа процесса освоения в советской индустриальной и новой российской модели

	Советская индустриальная модель	Российская модель
Природа процесса освоения	Пионерность как принцип, почти нет переосвоения	Наличие как освоения с чистого листа (например, выход на шельф), так и на инфраструктурном фундаменте прошлого освоения
Динамика процесса освоения	Схема равномерного роста с полицентричностью элементов расселения («пояс роста», освоение вширь)	Схема резко неравномерного роста центрально-периферийная («полюс роста», освоение вглубь)

Тип освоения доминирующий	Горнопромышленный	Нефтегазопромышленный
Основной актор	Государственная суперорганизация (главк, трест и др.)	ТНК как суперактор нового освоения: взаимосвязь его территориальной, организационной и институциональной структуры
Системные эффекты	Действуют в районном и региональном контуре в виде ТПК и других районных производственно-территориальных сочетаний	В силу многоакторности процесса освоения системные эффекты на районном и региональном контуре не действуют — только в локализованном контуре
Возрастающая отдача за счёт	эффектов районного/регионального комплексирования (ТПК, промышленный комплекс) (экономия на масштабе)	эффектов локализованной концентрации — кластер, промышленный район (экономия на локализации)
Циклы освоения	Районного / регионального масштаба	Локальный ритм отдельного проекта
Время	Линейное однородное	Нелинейное, резко неоднородное по фазам освоения. Возможность прерывания процесса на любой стадии
Стационарность / нестационарность	Планомерность и стабильность	Природная, экономическая турбулентность и нестабильность. Возможность прерывания процесса освоения на любой стадии
Территориальные структуры освоения	Трассы, базы, постоянные монопрофильные поселения	Города и вахтовые поселения
Методы	Районирования	Микрорайонирования
Предельный динамизм в развитии инфраструктуры	Транспортная линейно-узловая	Коммуникационная сетевая
Управление	Программы освоения	Проекты нового освоения
Технологическая схема	«Добыча на Севере, переработка на Юге»	Появление новой схемы «интегрированная добыча-переработка на Севере»

Внутри нового хозяйственного освоения можно обособить вариант освоения с чистого листа в идеологии государственно-корпоративного партнерства и на фундаменте инфраструктуры, созданной в тотально огосударствленный период советского освоения (табл. 4). При этом критически важно, в какую именно эпоху освоения была создана пионерная инфраструктура: одно дело — в эпоху интегральных комбинатов ГУЛАГа, совсем другое дело — в эпоху доминирования отраслевых ведомств, главков и трестов. От этого будет зависеть форма созданного инфраструктурного каркаса (сплошная линейно-узловая или разрывная отрезковая) и в целом сила эффекта Джека Лондона [11] — зависимости нового освоения от прошлой экономической активности. Во втором случае на основе районного ТПК, созданного в прежней индустриальной модели, формируется локализованный кластер при одновременной переделке ранее существовавших локальных структур освоения.

Таблица 4

Сравнение двух различных алгоритмов процесса нового (локализованного) хозяйственного освоения

	Алгоритм с чистого листа	Алгоритм «на инфраструктуре прежней освоенности»
Пример	Сабетта: Ямал-СПГ	Освоение ресурсов углеводородов на территориях вдоль трассы газопроводов Республики Коми
Основной эффект	Пионерное инфраструктурное обустройство — эффекты локализованной кластеризации (интеграция добычи, переработки, энергетического, транспортного обеспечения)	Эффект Джека Лондона: прошлая экономическая активность воздействует на современные инвестиционные решения и структуру хозяйствующих субъектов (ТНК)
Эффект зависимости от пути	Не работает	Важно, в какую именно хозяйственную эпоху закладывался исходный инфраструктурный каркас освоения
Территориальные структуры	Приуроченность к зимникам, сезонным речным и морским путям	Приуроченность к монопрофильным городам и районам — локальным базам нового освоения

В пределах регионального или районного контура прежнего индустриального освоения или в новых пространствах чистого листа хозяйственного освоения намеренно обособляются локализованные площадки, на которых возникают эффекты хозяйственной концентрации. Локализованный участок пространства обретает активную роль в процессе освоения в результате своей институционализации — оформления в виде обособленной площадки, анклавной территории, хозяйственного острова.

И если раньше основные эффекты освоения обеспечивались за счёт межотраслевого, технологического сопряжения усилий нескольких крупных государственных предприятий в контуре районного или регионального ТПК, то теперь — за счёт предельно локализованной кластеризации производственных объектов на площадке обособленного хозяйственного анклава, на котором ресурсная корпорация ведёт экспериментальное, пилотное опробование новых технологических, организационных и институциональных решений, чтобы потом передать их на свой следующий добычный объект для тиражирования передовых практик. Желание сэкономить на затратах по добыванию нового знания определяет временной ритм и пространственную структуру нового процесса хозяйственного освоения.

Сказанное, конечно, не означает, что всё современное освоение ресурсов и пространств Севера и Арктики вдруг внезапно становится «острым» — островным и анклавным. Одновременно продолжают существовать закономерности прошлого индустриального (ареального) освоения, формируются новые зоны освоенности.

Например, всё так же «сплошняком» идёт отработка новых и техногенных месторождений бассейна Верхней Колымы, продолжается площадное лесопромышленное освоение в Иркутской области, Республике Карелия, Красноярском крае. Но здесь действуют унаследованные от прежней хозяйственной эпохи закономерности пространственного размещения производительных сил. Они исключительно важны и значимы для значительной части районов Севера и Арктики.

А одновременно во флагманских новых проектах золоторудного освоения Магаданской области и Чукотского автономного округа, в новых проектах нефтегазового освоения Ямала, Югры, Якутии, на арктическом шельфе начинают работать уже новые, постиндустриальные закономерности освоения, в которых новые технологические возможности обеспечивают существенную концентрацию и интеллектуализацию хозяйственных анклавов, происходит формирование новых наукоёмких поддерживающих баз освоения, которые приобретают беспрецедентное значение и обычно размещаются в ближайших крупных научно-образовательных центрах.

Например, новый виток золотопромышленного освоения Магаданской области сопровождался радикальным изменением мест размещения ключевых геологоразведочных экспедиций: если раньше некоторые из них были предельно приближены к местам добычи — даже ценой того, что высоко квалифицированные кадры не были готовы жить в Некси-кане, Усть-Омчуге или Ягодном (поселки и райцентры на Колымской трассе) и здесь работали, как правило, геологи, выполняющие рутинную, но не исследовательскую, геологосъёмочную работу — то теперь все оставшиеся геологоразведочные экспедиции концентрируются в областном центре Магадане, куда переехали жить квалифицированные кадры прежних районных экспедиций. И здесь в интеллектуальном обеспечении процессов горнопромышленного освоения на смену прежней «равномерной» приходит центрально-периферийная модель: весь интеллект концентрируется в крупном научно-образовательном центре, а прежние интеллектуальные сервисные функции «периферийных» районных центров и специализированных поселков геологов просто вымываются.

Получается, что чем «сложнее» и вынужденно интеллектуальнее (уникальнее, экспериментальнее) новый освоенческий проект, тем он и концентрированнее по своей пространственной конфигурации, что обеспечивают новые технологические решения, модульная сборка, вахтовые методы организации работ, использование передовых практик и технологий со всего мира. А чем он более типовой, рутинный, тем более традиционное размещение его средств производства и трудовых ресурсов — нередко в старом монопрофильном городе или районном административном центре. На практике могут реализовываться и гибридные схемы: новый по интеллектуальной начинке проект опирается на уже существующую базу, но придает ей более интеллектуальный характер за счёт размещения там наукоёмкого сервиса, новых строительных и транспортных площадок и др. (проект Ванкор «Роснефти» с базой в Игарке, проект Новый Порт «Газпромнефти» с базой в Новом Порту).

В современном освоении ресурсов Севера и Арктики плотно сосуществуют две реальности: прежняя, индустриальная, которая воспроизводится в новых запускаемых проектах по прежнему алгоритму; новая, постиндустриальная, которая генерирует уже совсем новые, постиндустриальные, связанные с процессами интеллектуализации, закономерности — наиболее ярко они проявляются в шельфовых проектах, которые разворачиваются с чистого листа, абсолютно без влияния факторов унаследованности (от прошлых волн освоения).

*Ресурсные корпорации как интеграторы локального и глобального уровня
в процессе нового освоения*

Ярким и предметным воплощением принципа глокальности, то есть одновременного действия эффектов локализации и глобализации в процессе нового освоения пространств Севера и Арктики, являются транснациональные компании [12, McCann et al.], ресурсные корпорации России. С одной стороны, свой основной ресурсный продукт они получают с месторождений Севера и Арктики, формируют здесь локализованные производственные кластеры, входят ядром в местные производственные системы (так называемые «города и регионы присутствия»), активно контактируя с местными малыми фирмами производственно-технического сервиса, транспортно-логистическими и другими хозяйственными структурами; с другой стороны, они осуществляют доставку и продвижение конечной ресурсной продукции на основные мировые рынки сбыта.

В районах Севера и Арктики России работает более десятка ресурсных корпораций, деятельность многих из них имеет глобальный характер, то есть по факту они являются ТНК. Если использовать долю основного добываемого ресурсного продукта, тогда самыми арктическими среди них будет тройка: «Газпром», «Норильский никель» и «Новатэк». У каждой из этих компаний более 90% объёмов добычи приурочено к арктическим месторождениям.

Если раньше конкретная территориальная конфигурация процесса нового освоения определялась решениями столичных ведомств, региональных суперорганизаций, то теперь она формируется как составная часть пространственной структуры ресурсных корпораций. Её пространственный почерк, формирующий новые территориальные структуры освоения (ведомственные дороги и зимники, места размещения вахтовых посёлков, вертодромов, самолётных площадок; внешние, входные и внутренние снабженческие и обучающие базы), создаётся не только под влиянием дислокации месторождений с уникальными свойствами, но также внутренней институциональной и организационной структурой самой компании [13, Dunning], (а также, конечно, уже сформированной сети расселения территории присутствия с её учетом: так, Игарка на первом этапе стала базой для Ванкора, а село Новый Порт — для «Газпромнефти»). Освоенческий процесс как бы «манифестирует», выявляет то, что у компании глубоко скрыто внутри — например, иерархию внутреннего процесса принятия решений.

В свою очередь, сформированная территориальная структура корпорации определяет стимулы к технологической и экономической инновационности (возникают они или нет перед ней).

Рассмотрим на примере основных ресурсных компаний нефтегазового Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, как увязывается размещение / пространственная структура корпоративного освоения и внутренняя управленческая структура этих компаний (рис. 1).

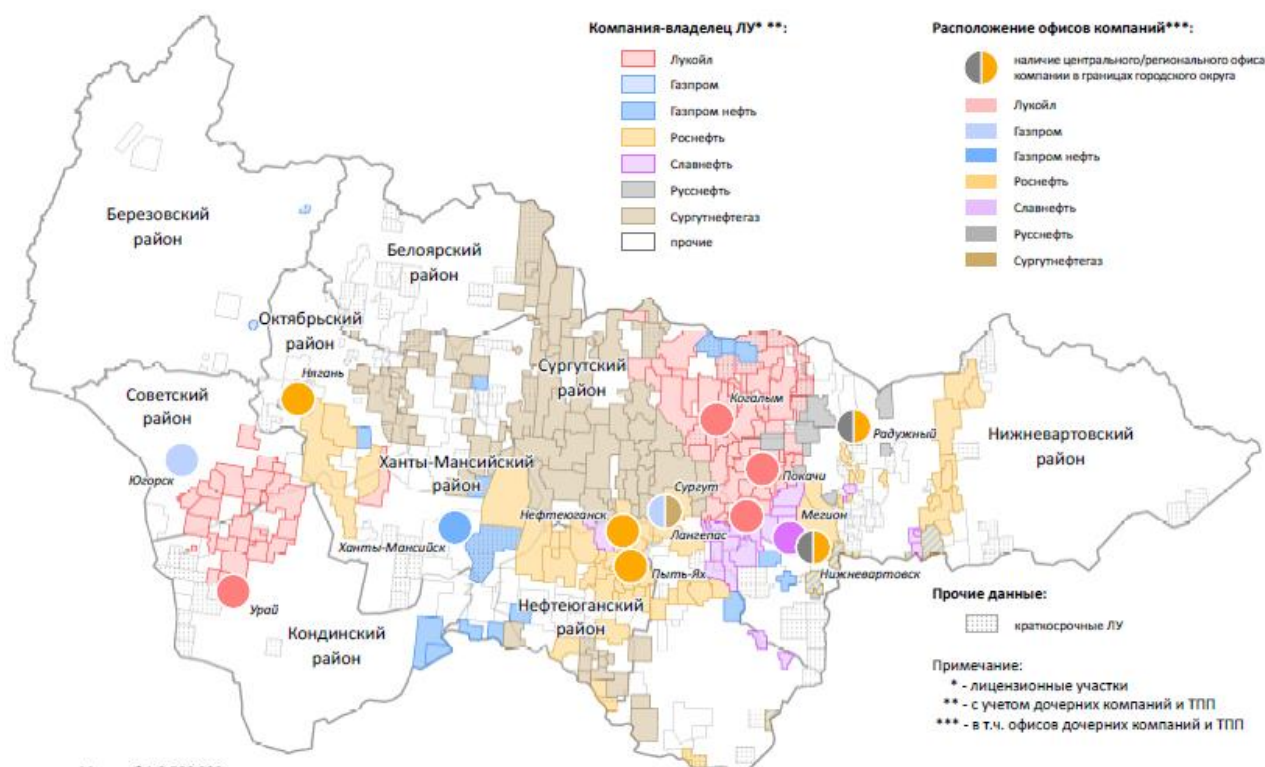

Рис.1. Корпоративные пространства Югры (карту составил к.г.н. Р.В. Гончаров).

На одном полюсе находится «Сургутнефтегаз», который до недавнего времени имел максимально слитную территориальную структуру промысловых участков, в основном в Сургутском районе. И это естественным образом сочеталось с беспрецедентной централизацией всего процесса принятия решений, характерной именно для этой компании. Неслучайно Сургутнефтегаз имеет единственную штаб-квартиру в Сургуте. У него нет локальных баз освоения, которые играли бы для него роль площадок «подскока» к ближайшим промысловым участкам, могли участвовать в опробовании новых методов бурения, воздействия на пласт и других экспериментах. С одной стороны, эта централизация обеспечивает нужную быстроту без бюрократической волокиты, по сути, единоличное принятие решений; с другой стороны, она же существенно ограничивает компанию в инновационной деятельности.

На другом полюсе находится «Газпромнефть» с предельно фрагментированной, рассредоточенной по всему округу территориальной структурой промысловых участков — районов нового освоения, в абсолютно разных по геологическим условиям районах. И такая территориальная структура коррелирует с существенной децентрализацией процесса принятия решений в компании. Поэтому и штаб-квартирная структура компании территориально рассредоточенная. Здесь Ханты-Мансийск, в котором создано представительство компании ввиду его столичности и близости нескольких небольших месторождений Ханты-Мансийского района; Мегион и Нижневартовск, рядом с которыми есть очень небольшие участки компании. Система локальных баз позволяет новой для округа «Газпромнефти» быстро закрепиться, укорениться в округе и потенциально может обеспечить отработку в локальных базах моделей новых месторождений и схем их отработки — ещё до экспериментальной добычи на отдельных ближайших участках.

«Газпромнефть» пришла в округ на уже в основном распределённые природные активы, поэтому вынуждена быть инноватором, разрабатывать те участки нового освоения, которые другим компаниям ввиду сложности условий отработки оказались неудобны. Чем более фрагментирована пространственная структура компании, чем более гетерогенны условия разведки и добычи, тем в большей степени востребованы производственные, технико-технологические новшества.

Между этими полюсами находятся «Лукойл» и «Роснефть», имеющие свои особенности нового нефтепромышленного освоения. Пространственная структура добычи «Лукойла» всегда была относительно равномерно разнесена по нескольким центрам, и эту идеологию, эту философию обозначало само название компании: Лангепас-Урай-Когалым = «Лукойл».

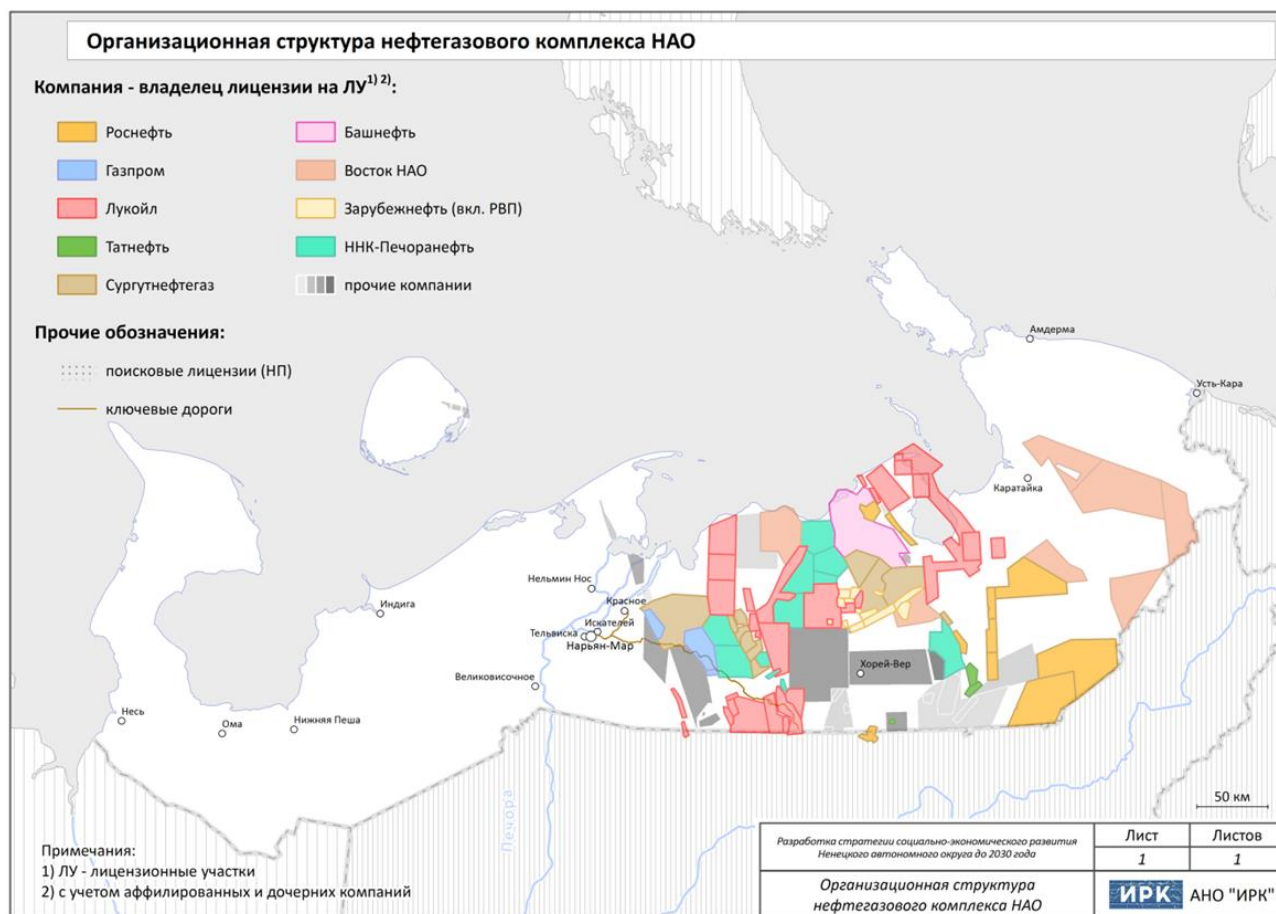
Сегодня Когалым-Лангепас формируют практически слитную единую зону нефтепромысловой активности компании, а Урай обозначает вторую крупную область нефтепромыслов «Лукойла» на границе Советского и Кондинского районов. Сейчас компания осуществляет экспансию в рамках «смыкания» лицензионных участков в единую область, заполняя имеющиеся пустоты. Компания имеет относительно диверсифицированную структуру представительств в городах своего присутствия: Лангепас, Урай, Когалым, Покачи. Это отражает меньшую степень централизации в принятии управленческих решений по сравнению с Сургутнефтегазом.

В отличие от «Сургутнефтегаза» и «Лукойла», «Роснефть» не имеет крупных сомкнутых ареалов промысловой активности нигде в округе: у неё сейчас обозначаются пять небольших областей: в приграничных территориях Октябрьского и Ханты-Мансийского района, вплоть до Нягани и в направлении к Ханты-Мансийску (пока ещё есть возможности внутреннего смыкания / вклинивания участков за счёт «пустот» и «полостей»); на границах Ханты-Мансийского, Нефтеюганского и Сургутского районов (также есть небольшие возможности внутреннего смыкания / вклинивания участков); в районе Нижневартовска (Самотлор); в Нижневартовском районе в виде вертикальной «стенки» — узкой цепочки лицензионных участков с севера на юг по всему протяжению района; крошечные лицензионные участки на юге Нефтеюганского района на границе округа с Тюменской областью.

Её структура представительств в округе предельно диверсифицирована, но не за счёт каких-то особенностей современного децентрализованного управления, а за счёт того, что сама компания формировалась, по сути, на сборке активов «Юкоса», ТНК и «Бритиш Петролеум», каждая из которых имела свои представительства в нефтегородах округа, а «Роснефть» просто их все унаследовала: Нягань, Нефтеюганск, Пыть-Ях, Нижневартовск, Радужный.

«Лукойл» и в Ненецком автономном округе, являясь ключевым игроком, который обеспечивает около трети добытой здесь нефти, имеет несколько чётко географически рассредоточенных опорных блоков сомкнутых участков (рис. 2). То есть в определённой степени повторяется ситуация территориальной структуры компании в Югре. С другой стороны, у

«Роснефти» оба обособленных блока из крупных и мелких лицензионных участков расположены на востоке НАО.

Формат: А4

Рис. 2. Корпоративные пространства НАО (карту составил к.г.н. Р.В. Гончаров).

Новую проблему, неизвестную в советский период освоения, представляет взаимодействие соседних ресурсных компаний в ресурсном регионе присутствия. Это, например, взаимодействие «Лукойла» и «Газпромнефти» по поводу освоения шельфовых и пришельфовых месторождений углеводородов в районе Варандея в Ненецком автономном округе, это взаимодействие «Лукойла» и «Роснефти» по поводу транспортировки нефти на рынки сбыта северным или южным маршрутом в Ненецком автономном округе, это взаимодействие «Сургутнефтегаза» и «Алросы» по поводу выбора базы освоения Талаканского месторождения — Ленск или Мирный? Практика показывает, что нередко имеет место формирование дублирующей друг друга транспортной инфраструктуры (трубопроводной, дорожной, коммуникационной), расточительное с точки зрения интересов территории, но легко объяснимое желанием компаний сохранить контроль и уменьшить для себя риски неопределённости при коммуникации с любой другой ресурсной корпорацией, работающей в том же районе.

В последние 15 лет ресурсные корпорации России приступили к реализации на Севере и в Арктике нескольких абсолютно новых, выдержанных в новой идеологии проектов. Это

строительство и эксплуатация платформы «Приразломная» для добычи углеводородов на шельфе Печорского моря, создание Варандейского терминала для отгрузки нефти с соседних месторождений и южных районов Тимано-Печорской провинции, освоение Новопортовского месторождения, нефтегазовых месторождений Эвенкии, опытная отработка угольного месторождения в Таймырском бассейне, освоение Павловского месторождения свинцово-цинковых руд на Новой Земле, создание в посёлке Сабетта производственного комплекса из завода Ямал-СПГ и морского порта и др.

Эти проекты нового освоения совмещают в себе глобальную конъюнктуру сырьевых рынков и локальные процессы добычи и существенно отличаются от прежних советских мегапроектов (табл. 5). Главная новизна современных флагманских проектов, которые формируют новый облик процесса освоения пространств и ресурсов Арктики, состоит в их превращении в экспериментальные площадки обучения, аккумулирования нового опыта и знания. Опыт и знания, наработанные в пилотном проекте, потом «масштабируются» на проекты-клоны. Все крепёжные элементы процесса нового освоения специально разворачиваются для обеспечения результативности этого экспериментального поиска: проект Приразломной стал для «Газпромнефти» опытной площадкой отработки новых технологий шельфовой добычи нефти, проект Ямал-СПГ в Сабетте сначала опирался на экспериментальные рейсы газозовозов, которые лишь потом стали уже регулярными, годами осуществляются экспериментальные транзитные рейсы по Северному морскому пути, чтобы наработать необходимые компетенции и передовые практики, внести поправки в существующие технические регламенты и в целом правовое регулирование межконтинентальной высокоширотной навигации и т.д.

Речь идёт о проявившейся общей новой закономерности — процессы экспериментирования, опытного опробования, нащупывания глубоко укоренены в природу современного процесса освоения. До такой степени, что и само пространство освоения «подбирается» порой таким образом, чтобы обеспечить экономию на обучении, экономию на быстром обретении опыта, нового знания и практики добычи в беспрецедентно новых и сложных условиях: бурение на шельфе, горизонтальное бурение на суше, сверхглубокое бурение в перспективные палеозойские толщи, извлечение золота из руды новыми технологическими методами. Например, методами кучного выщелачивания, ранее невозможного именно по причинам трудностей в предотвращении опасности растекания цианидов, а теперь в силу предельной локализации процессов освоения технологически возможных и экологически оправданных.

Таблица 5

Сравнение типовых проектов индустриальной и постиндустриальной эпохи

	Проекты индустриального освоения	Проекты постиндустриального освоения
Природа ресурсного проекта	Проект погружен в контекст районного / регионального хозяйственного ареала нового освоения, связан с его объ-	Проект представляет собой обособленные от внешнего мира анклавный остров, платформу, локализованную

	ектами постоянно действующей наземной дорожной сетью (единый районный ТПК-промрайон)	площадку, которые связаны с внешним миром сезонными трассами (локализованный кластер)
	ТПК-образные сочетания проектов между собой на обширном ареале нового освоения	Внутри локализованной площадки проекта размещается весь интеграционный цикл добычи и переработки
Природа инфраструктурного проекта	Слитность инфраструктурных проектов (трасса)	«Участковость» инфраструктурных проектов и возможность отдельной комбинаторики каждого участка с окружающей средой и её территориальными структурами
Пространственная система	Идеология плотного сопряжения производственной, транспортной и энергетической подсистем в районном / региональном контуре	Сеть платформ: идеология тиражирования пилотно найденных передовых технологических, организационных, институциональных практик на другие проекты-аналоги (клоны)
Акторы	Государственные суперорганизации	ТНК
Место размещения	Стационарный монопрофильный город	Вахтовый посёлок
Система поддержки	Иерархическая система поддерживающих баз освоения — тыловая, форпостная, локальная	Сеть равноценных баз снабжения, обучения, транспортных
Связи с поставщиками и потребителями	Монопольный поставщик и монопольный потребитель продукции проекта внутри страны (вертикальная интеграция)	Десятки поставщиков и потребителей со всего мира (сеть)
Производственная стратегия ключевого актора освоения	Однородная ресурсная продукция весь жизненный цикл проекта	Усилия по дифференциации освоенческих продуктов

Ранее был финансируемый государством ареал, фронт, трасса нового освоения, а теперь финансируемый корпорацией пилотный проект и проект-клон, который воспринимает передовые практики пионерного проекта, как это мы видим на примерах Ямал-СПГ — Арктик-СПГ-2. Любопытно, что аналогичную логику можно наблюдать и при реализации современных инфраструктурных проектов: они теперь всегда разбиваются на участки, и каждый участок существует как совсем отдельный и автономный (модульный) проект, который можно отдельно комбинировать с уже существующей дорожной сетью.

Например, в такой «участковой» логике реализуется проект строительства Северного широтного хода, которые соединит станцию «Обская» Северной железной дороги со станцией «Коротчаево» Свердловской железной дороги. Магистраль включит в себя железнодорожный участок «Обская — Салехард», участок «Салехард — Надым», совмещённые мостовые переходы через реки Обь и Надым, а также подлежащие достройке железнодорожные участки «Надым — Пангоды, Пангоды — Новый Уренгой, Новый Уренгой — Коротчаево»¹.

Чем сложнее и интеллектуальнее новый проект, тем в большей степени он опирается на внешние базы освоения, которые в прежней индустриальной модели выполняли в основном функции снабженческо-распределительные, а теперь очень значимы их интеллектуальные функции: помимо традиционного кадрового обеспечения, поставки основных

¹ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3156565> (дата обращения: 20.02.2019).

средств производства, строительных материалов и др. И само число таких внешних поддерживающих баз становится кратно большим: «Что делать с базой для шельфовых проектов? Добыча в Арктике требует мощной инфраструктуры — двумя базами здесь не обойдёшься. Это должен быть целый набор баз снабжения, метеорологических, исследовательских станций», — заявил вице-президент ОАО «НК «Роснефть» А.Шишкин².

Иногда такие базы формируются в буквальном смысле рукотворно, как искусственные острова в Кольской бухте, на которых расположится Центр строительства крупнотоннажных морских сооружений дочерней компании «НоваТЭКа» «Кольская верфь», который займётся изготовлением морских комплексов по добыче, хранению и отгрузке сжиженного природного газа на шельфе в Мурманской области, а также ремонтом и обслуживанием морской техники³. После изготовления и сборки модульных производственных линий по сжижению газа на специальной платформе она будет транспортироваться в Обскую губу, где должно происходить только подключение коммуникаций и пусконаладочные работы для проекта Арктик-СПГ-2⁴.

Многие ещё в советские время открытые месторождения со сложным генезисом, требующие особого («экспериментального») подхода в отработке реально стали проектами только теперь. Например, Новопортовское нефтегазовое месторождение было открыто ещё в 1964 г. Но в силу своей «капризной» (негомогенной, неоднородной) природы, которой плохо соответствовали советские производственные комбинаты, настроенные получать эффект экономии на масштабе добычи однородной нефтяной жидкости или газовой смеси (неклассическое газовое нефтяное или газоконденсатное месторождение, а комплекс локальных нефтяных линз, не очень явно связанных друг с другом, с наличием мощной газовой шапки)⁵, его эксплуатация началась спустя полвека, только в 2014 г. И таких примеров по всему российскому Северу можно привести десятки.

Другой особенностью Новопортовского проекта стала «странная», «антисоветская» (с точки зрения необычной вариативности) схема вывоза добытой продукции: летом-осенью по Северному морскому пути, зимой по зимникам до станции Паюта, потом по железной дороге. Но для компании «Газпромнефть-Ямал» она оказалась самой экономичной. По этой же причине корпорация отказалась от идеи строительства автономной локальной базы освоения, но решила сформировать её практически впритык с селом Новый Порт.

² https://www.korabel.ru/news/comments/chto_nuzhno_arktika_ot_flota.html (дата обращения 14.12.2018).

³ <http://24ri.ru/down/open/v-barencevom-more-sozadut-chetyre-iskusstvennyh-ostrova.html> (дата обращения 14.12.2018).

⁴ <https://thebarentsobserver.com/ru/promyshlennost-i-energiya/2017/08/novatek-prolivaet-svet-na-novyy-kрупnyy-arkticheskiy-proekt> (дата обращения 14.12.2018).

⁵ Перспективы заполярья: «Газпром» начал передачу нефтяных активов «Газпром нефти». URL: <https://www.gazprom-neft.ru/press-center/sibneft-online/archive/2010-february/1104400/> (дата обращения 14.12.2018).

Заключение

Предпринята амбициозная попытка создать новую теорию хозяйственного освоения на трёх основных источниках: советской освоенческой школе, европейской школе региональной науки и североамериканской школе фронта. Из советской школы взята традиция увязки процесса освоения с размещением производительных сил. От европейской региональной науки взято представление о том, что всякий общественный процесс в регионах подчиняется общим закономерностям в духе новой теории экономического роста и исследователи просто не могут быть от этого свободными. Предельно широкая по спектру направлений, в которых она проявляется, теория эндогенного экономического роста обеспечивает методологическое обоснование процесса локализации освоения и получения эффектов на локализации в пространстве нового хозяйственного освоения.

Из этого прямо вытекает адекватность теории локализованных полюсов роста для понимания возникающих здесь новых экономических эффектов; пригодность кластерного подхода для исследования вещественных и институциональных связей, возникающих внутри островных площадок нового хозяйственного освоения; резкая неравномерность (по центро-периферийному алгоритму) развития территорий, на которых возникают полюса роста нового освоения; необходимость поиска мест приложения агломерационного эффекта (где и как он возникает) на площадках нового освоения (например, в вахтовых посёлках).

Из североамериканской теории фронта взято представление об инновационном поиске новых возможностей для экономического развития на новоосваиваемой территории. Он понимается здесь абсолютно в шумпетерианском смысле — как креативное разрушение с созданием революционно нового.

Впервые сформулированы представления о том, что в освоенческой школе последних советских десятилетий, по сути, было два направления: экономико-географическое, при котором пространство освоения понималось и анализировалось как диверсифицированно-отношенческое (т.е. внутренне неоднородное), и регионально-экономическое, в котором для удобства эконометрического моделирования пространство воспринималось как однородно-абстрактное, однородное (как точка).

Проведено сопоставление природы освоенческого процесса тогда и теперь, и сделан вывод о том, что сегодня здесь действуют фундаментально другие экономические эффекты, чем в советское индустриальное время; что в целом современный процесс хозяйственного освоения характеризуется существенно большей пространственной неравномерностью, центро-периферийностью, многоакторностью, беспрецедентной ролью ТНК-ресурсных корпораций как агентов глокализации; неоднородностью времени по стадиям освоенческого процесса (что было выражено существенно слабее в плановой административно-командной модели нового освоения) и колоссальной ролью проектного управления (проектного финансирования, проектного законодательства, заточенных под конкретный проект нового ресурсного освоения). Особенностью современного освоения является то, что оно предпола-

ет сосуществование двух схем — освоение с чистого листа и на фундаменте прежней инфраструктурной освоенности, которые имеют разные эффекты и закономерности по территориальным структурам, циклам освоения и др.

На примере проектов нового освоения, которые совмещают в себе глобальную конъюнктуру и локальные процессы добычи, рассматривается их новая природа, отличия от советских мегапроектов: экспериментальный, обучающий и пространственно-локализованный характер пилотного проекта, эффекты каскадирования от пилотного проекта к проектам-«клонам», использование свойств и конфигураций пространства для экономии на опыте, множественность (полицентричность) баз снабжения и обучения для новых проектов.

Благодарности и финансирование

Изложены результаты работы по гранту РФФИ 18-05-00600 а «Новая теория освоения Арктики и Севера: полимасштабный междисциплинарный синтез». Авторы благодарят своих коллег по проекту д.и.н. М.Г. Агапова и к.и.н. Ф.А. Корандея за интеллектуальную поддержку проводимых исследований.

Литература

1. Славин С.В. Районный разрез плана Второй пятилетки и концепция освоения Севера // Страницы памяти. О планах, планировании и плановиках. М.: Профиздат, 1987. С. 181–195.
2. Славин С.В. Промышленное и транспортное освоение Севера СССР. М.: Издательство экономической литературы, 1961.
3. Космачев К.П. Пионерное освоение тайги: экономико-географические проблемы. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1974. 144 с.
4. Бандман М.К. Избранные труды и продолжение начатого. Новосибирск: ИЭиОПП, 2014. 448с.
5. Дергачев В.А. Исторические циклы хозяйственного освоения территории // Вестник МГУ. 1976. № 2. Сер. Географ. Вып. 5. С. 82–86.
6. Саушкин Ю.Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика. М.: Мысль. 1973.
7. Theories of Endogenous Regional Growth. Lessons for Regional Policies. Ed. by B. Johansson, Ch. Karlsson, R.R. Stough. Springer Publ., 2001. 428 p.
8. Endogenous Regional Development. Perspectives, Measurement and Empirical Investigation. Ed. by R.J. Stimson, R. Stough, P. Nijkamp. Edward Elgar Publ., 2011. 337 p.
9. Cappello R. Regional economics. Taylor and Francis, 2015. 354 p.
10. Крюков В.А., Токарев А.Н. Особенности пространственного развития нефтегазового сервиса: глобальные тенденции и уроки для России. Регион: экономика и социология. 2017. № 3 (95). С. 89–214.
11. Huskey L. Alaska's Economy: The First World War, Frontier Fragility, and Jack London // The Northern Review. 2017. No. 44. Pp. 327–346.
12. McCann P., Acs Z.J. Globalization: countries, cities and multinationals // Regional Studies. 2011. Vol. 45. No. 1. Pp. 17–32.
13. Dunning J.H. Location and the multinational enterprise: John Dunning' thoughts on receiving the Journal of International Business Studies 2008 Decade Award // Journal of International Business Studies. 2009. Vol.40. No. 1. Pp. 20–34.

References

1. Slavin S.V. Rayonnyy razrez plana Vtoroy pyatiletki i kontseptsiya osvoeniya Severa [Regional section of the plan of the Second Five-Year Plan and the concept of the development of the North]. *Stranitsy*

- sy pamyati. O planakh, planirovaniy i planovikakh [Pages of memory. About plans, planning and planners]. Moscow, Profizdat Publ., 1987, pp. 181–195.
2. Slavin S.V. *Promyshlennoe i transportnoe osvoenie Severa SSSR* [Industrial and transport development of the North of the USSR], Moscow, Izdatel'stvo ekonomicheskoy literatury Publ., 1961.
 3. Kosmachev K.P. *Pionernoe osvoenie taygi: ekonomiko-geograficheskie problem* [Pioneering taiga exploration: economics-geographic problems]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1974, 144 p.
 4. Bandman M.K. *Izbrannye trudy i prodolzhenie nachatogo* [Selected works and the continuation of initiated]. Novosibirsk: IEiOPP Publ., 2014, 448 p.
 5. Dergachev V.A. *Istoricheskie tsikly khozyaystvennogo osvoeniya territorii* [Historical cycles of economic development of the territory], *Vestnik MGU, Ser. 5. Geografia* [Moscow University Bulletin. Series 5. Geography], 1976, no. 2, part. 5, pp. 82–86.
 6. Saushkin Yu.G. *Ekonomicheskaya geografiya: istoriya, teoriya, metody, praktika* [Economic geography: history, theory, methods, practice]. Moscow, Mysl' Publ., 1973.
 7. *Theories of Endogenous Regional Growth. Lessons for Regional Policies*. Ed. by B. Johansson, Ch. Karlsson, R.R. Stough. Springer Publ., 2001, 428 p.
 8. *Endogenous Regional Development. Perspectives, Measurement and Empirical Investigation*. Ed. by R.J. Stimson, R. Stough, P. Nijkamp. Edward Elgar Publ., 2011, 337 p.
 9. Cappello R. *Regional economics*. Taylor and Francis Publ., 2015, 354 p.
 10. Kryukov V.A., Tokarev A.N. *Osobennosti prostranstvennogo razvitiya neftegazovogo servisa: global'nye tendentsii i uroki dlya Rossii* [Spatial Development Features of Oil and Gas Services: Global Trends and Lessons for Russia]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 2017, no. 3 (95), pp. 89–214.
 11. Huskey L. Alaska's Economy: The First World War, Frontier Fragility, and Jack London. *The Northern Review*, 2017, no. 44, pp. 327–346.
 12. McCann P., Acs Z.J. Globalization: countries, cities and multinationals. *Regional Studies*, 2011, vol. 45, no. 1, pp. 17–32.
 13. Dunning J.H. Location and the multinational enterprise: John Dunning' thoughts on receiving the Journal of International Business Studies 2008 Decade Award. *Journal of International Business Studies*, 2009, vol.40, no. 1, pp. 20–34.

УДК 330.322, 332.14, 338.23 (320.322+332.14+338.23)(985)"2008-2017"(045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.34.77

Ключевые тенденции развития инвестиционных процессов в Арктической зоне РФ в 2008–2017 гг. *

© СЕРОВА Наталья Александровна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник

E-mail: serova@iep.kolasc.net.ru

Институт экономических проблем имени Г.П. Лузина Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр РАН», Апатиты, Россия

© ГУТОВ Сергей Витальевич, студент

E-mail: gutov.1974@mail.ru

Мурманский арктический государственный университет, Апатиты, Россия

Аннотация. Статья посвящена изучению трансформаций инвестиционных процессов в Арктической зоне Российской Федерации в условиях кризисов последнего десятилетия. Актуальность исследования определяется тем, что последствиями произошедших экономических потрясений для реализации государственной арктической политики России явились не только финансовые, но и технологические ограничения, что требует проведения ретроспективного анализа инвестиционной активности в Арктической зоне РФ и определения альтернативных вариантов развития инвестиционной сферы в условиях крайне неустойчивой внешнеполитической обстановки. Проведён анализ инвестиционных процессов в Арктической зоне РФ в 2008–2017 гг. и выделены четыре фазы, определившие их развитие: 2008–2010 гг.; 2011–2012 гг.; 2013–2014 гг.; 2015–2017 гг. Выявлено, что инвестиционные процессы в российской Арктике за рассматриваемый период характеризовались довольно резкими колебаниями и неравномерностью распределения инвестиций по регионам. Наибольшие объёмы российских инвестиций в первой фазе были характерны для регионов частично входящих в Арктическую зону РФ, в остальных фазах — для полностью арктических регионов. Такая же ситуация вплоть до 2014 г. была характерна и для иностранных вложений в Арктику, однако с началом «санкционной войны» приток инвестиций из-за рубежа как в полностью арктические регионы, так и Арктическую зону РФ в целом, значительно снизился, и это падение продолжается до сих пор. Представлены прогнозные варианты дальнейшего развития инвестиционных процессов в Арктической зоне РФ при негативном сценарии развития национальной экономики.

Ключевые слова: Арктическая зона РФ, государственная арктическая политика, приоритетные инвестиционные проекты, кризис, международные санкции, инвестиционные процессы.

Key trends of the investment development in the Arctic zone of the Russian Federation in 2008–2017

© Natalia A. SEROVA, Cand. Sci. (Econ.), senior researcher

E-mail: serova@iep.kolasc.net.ru

Luzin Institute for Economic Studies of the Federal Research Centre “Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences”, Apatity, Russia

Sergey V. GUTOV, student

E-mail: gutov.1974@mail.ru

Murmansk Arctic State University, Apatity, Russia

Abstract. This article is devoted to the study of the investments and their transformation in the Arctic zone

* Для цитирования:

Серова Н.А., Гутков С.В. Ключевые тенденции развития инвестиционных процессов в Арктической зоне РФ в 2008–2017 гг. // Арктика и Север. 2019. № 34. С. 77–89. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.34.77

For citation:

Serova N.A., Gutov S.V. Key trends of the investment development in the Arctic zone of the Russian Federation in 2008–2017. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 34, pp. 77–89. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.34.77

of the Russian Federation in the conditions of the crisis of the last decade. Current studies indicate the occurred as a result of economic shocks aimed at the implementation of the state Arctic policy, as well as the need for financial and technological constraints that require a retrospective analysis of investment activity in the Arctic zone. The study of investments in the Arctic zone of the Russian Federation in 2008-2017 has four stages identified: 2008–2010; 2011-2012; 2013-2014; 2015-2017. One may see that investments in the Russian Federation are due to quite sharp fluctuations and their uneven distribution across regions. The most significant volumes of Russian investments in the first phase were typical for regions partially located in the Arctic zone of the Russian Federation, and now — for entirely Arctic areas. The same situation was until 2014 with foreign investments in the Arctic. However, after the start of the “sanctions war,” we observed a turning point. Foreign investments in the Arctic areas of the Russian Federation significantly decreased. The decline continues to this day. Predicted options for further investment development in the Arctic zone of the Russian Federation have an adverse scenario for the national economy.

Keywords: *the Arctic zone of the Russian Federation, state Arctic policy, priority investment projects, crisis, international sanctions, investment processes.*

Введение

Арктика является одним из самых богатых ресурсами регионов в мире, в том числе углеводородным сырьём, что имеет принципиальное значение для всего мирового сообщества в условиях постепенного истощения континентальной ресурсной базы. По оценкам геологов, в Арктике находится около четверти общемировых запасов нефти и природного газа, из которых почти 75% находится на шельфе Северного Ледовитого океана [1, Gautier D.L., Bird K.J. et al.]. При этом наибольшим ресурсным потенциалом в Арктике обладает Российская Федерация, основные запасы энергоресурсов которой находятся на арктическом континентальном шельфе (главным образом, в акваториях Баренцева, Печорского и Карского морей). По мнению российских учёных, «запасы нефти, природного газа и газового конденсата российского арктического бассейна сопоставимы с углеводородными провинциями Ближнего Востока и Западной Сибири и составляют более 280 млрд тонн» [2, Конторович А.Э.]. Кроме того, Арктика богата и другими природными ископаемыми: здесь скрыты крупнейшие месторождения олова, никеля, свинца, марганца, алмазов и др.

Интенсивное сокращение морского льда, значительно ускорившееся за последние 30 лет [3, Мохов И.И.; 4, Barber D., Lukovich J. et al.; 5, Carr J., Stokes C., Vieli A.; 6, Winski D., Osterberg E., et al.; 7, Zheng W., Pritchard M. et al.], открыло новые возможности шельфовой добычи полезных ископаемых и развития судоходства по основным транспортным коридорам Арктики: Северному морскому пути и северо-западному проходу (Northwest Passage). Так, по прогнозам американских исследователей из Калифорнийского университета Л. Смита и С. Стефенсона, «из-за таяния беспрецедентного количества арктических льдов транспортные коридоры в Северном Ледовитом океане к 2020 г. станут намного доступнее, а к 2050 г. судоходство по ним станет круглогодичным» [8, Smith L., Stephenson S.].

Таким образом, открывающиеся в Арктике новые ресурсные и логистические возможности явили собой непосредственную причину всплеска интереса во всем мире к

этому уникальному макрорегиону и закономерно привели к усилению международной конкуренции за освоение арктических пространств. Это обусловило острую необходимость разработки принципиально новой государственной политики России в отношении своих арктических территорий.

Основные направления новой государственной политики России в Арктике

Наиболее активно заселение и промышленное освоение российского Севера, в том числе и арктических территорий, проводилось в 1920–1980 гг. прошлого века. Однако распад централизованной советской системы и резкое ухудшение социально-экономической ситуации в стране привели к закрытию северных программ, урезанию льгот и гарантий проживающих и работающих на Севере граждан, сокращению средств на отдельные отрасли экономики [9, Пономарев И.А.], массовой миграции населения и, фактически, развалу социальной инфраструктуры [10, Корчак Е.А.]. В 1998–2000 гг. властями также предпринимались попытки реализации государственной политики в отношении арктической части российского Севера (например, были разработаны законопроект «Об Арктической зоне Российской Федерации» и первая редакция «Основ государственной политики России в Арктике»), однако они не увенчались успехом.

Усиление международной конкуренции за освоение арктических пространств положило начало новому этапу государственной политики России в отношении Арктики. В 2008 г. были приняты «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу», в которых в качестве основной цели новой арктической политики страны было обозначено «комплексное социально-экономическое развитие Арктической зоны РФ за счёт использования Северного морского пути как единой национальной транспортной магистрали страны и расширения ресурсной базы, обеспечивающей потребности страны в углеводородных ресурсах и других видах стратегического сырья». В последствии была также утверждена «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года», определены сухопутные территории российской Арктики, а также утверждена государственная программа «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года» (далее — Программа), с принятием которой Арктическая зона РФ была выделена в самостоятельный объект государственного управления и социально-экономического развития.

Ключевым механизмом реализации Программы являются опорные зоны развития, сформированные исходя из существующего административно-территориального деления Арктической зоны РФ (рис. 1). В опорных зонах предполагается реализация комплексных инвестиционных проектов, обеспечивающих взаимоувязку мероприятий по развитию арктической транспортной системы, энергетической инфраструктуры, объектов промышленности и прочего.

Рис. 1. Северный морской путь и схема размещения опорных зон развития в Арктике.

Большая часть (около 40%) из 145 реализуемых или запланированных к реализации в Арктике проектов связана с добычей и переработкой полезных ископаемых, прежде всего, углеводородных энергоресурсов. К сфере модернизации и развития арктической транспортной системы, в том числе Северного морского пути как связующего элемента всех восьми опорных зон, относится 18% проектов. Также отметим особую значимость проектов по развитию промышленности и энергетики (более 10%), т.к. в экстремальных природно-климатических условиях Арктики обеспечение надёжной и бесперебойной работы систем теплоснабжения является крайне необходимым [11, Бежан А.В.; 12, Победоносцева В.В., Победоносцева Г.М.].

На сегодняшний день из всего перечня реализуемых или запланированных к реализации в Арктике проектов выделено несколько наиболее приоритетных («якорных»), имеющих межотраслевой и межтерриториальный характер и способных оказать влияние не только на развитие отдельных арктических регионов, но и на всю Арктическую зону РФ в целом (стоимость данных проектов составляет не менее 100 млрд руб.). Указанные проекты имеют два глобальных взаимосвязанных направления, определяющих стратегические приоритеты государственной арктической политики [13; 14, Балобанов А.Е., Воротников А.М., Майоров С.В.; 15, Серова Н.А., Серова В.А.; 16, Биев А.А.]:

- создание крупных минерально-сырьевых центров. В рамках этого направления предполагается реализация проектов «Ямал СПГ» и «Арктик СПГ-2» (Ямало-Ненецкая опорная зона); освоение шахтных полей Усинского угольного и каменноугольного месторождений (Воркутинская опорная зона); создание новых центров добычи углеводородов (Чукотская опорная зона); строительство ГОК по добыче и переработке свинцово-цинковых руд Павловского месторождения (проект «Павловское») (Архангельская опорная зона); создание базы берегового обеспечения шельфовых проектов в Баренцевом, Карском и Печорском морях (Кольская опорная зона) и др.

- модернизация и комплексное развитие арктической транспортной системы, включая сервисное обеспечение арктической морехозяйственной деятельности. В рамках данного направления предполагается реализация трансконтинентального проекта развития Северного морского пути как связующего элемента всех восьми опорных зон; реализация комплекса межрегиональных инфраструктурных проектов по созданию новых транспортных коридоров Северный широтный ход (Ямало-Ненецкая опорная зона) и Белкомур (Архангельская и Воркутинская опорные зоны), развитие Мурманского транспортного узла (Кольская опорная зона), строительства и модернизации морских портов Саббета, Мурманск, Архангельск, Индига, Тикси и др., аэропортовой, автомобильной и железнодорожной инфраструктуры арктических регионов).

Однако внешние негативные явления последнего десятилетия, оказавшие существенное влияние на всю российскую экономику, могут существенно притормозить или приостановить реализацию новейших амбициозных планов развития перспективного, но самого сложного с точки зрения освоения макрорегиона страны — Арктической зоны РФ. Кризисы 2008 г. и 2014 г. показали уязвимость отечественной экономики из-за её экспортной ориентированности и сильной зависимости от зарубежных финансовых ресурсов и внешних рынков, вызвав не только колоссальный отток капитала из страны, но и падение спроса практически на все товары российского сырьевого экспорта [17, Андреева Е.С.; 18, Тётушкин В.А.; 19, Сафина Р.С., Курзина И.М.]. Данные обстоятельства предопределили необходимость исследования тенденций инвестиционных процессов в регионах Арктической зоны РФ, экономика большинства из которых опирается на сырьевые экспортноориентированные отрасли.

Инвестиционные процессы в регионах российской Арктики в 2008–2017 гг.

Неоднородность социально-экономического пространства Арктики обуславливает и крайнюю неравномерность инвестиционных процессов в арктических регионах, что неоднократно отмечалось во многих работах отечественных учёных [20–22], в том числе и авторских [23–24]. Значительные объёмы поступлений российских и иностранных инвестиций, как правило, приходятся на высокоразвитые промышленные центры. Характерным примером является регион сырьевой специализации — Ямало-Ненецкий АО, где, несмотря на экономические потрясения последних лет, приток инвестиций составляет около 40% совокупного объёма капитальных вложений в российскую Арктику (например, в 2017 г. инвестиции в округ составили 39,7 % всех инвестиций в Арктическую зону РФ) (табл. 1).

Таблица 1

Доля отечественных инвестиций в регионы Арктической зоны РФ в общероссийском объеме инвестиций, %¹

Субъекты АЗРФ	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Регионы, полностью входящие в Арктическую зону РФ										
Ненецкий АО	1,0	0,4	0,5	0,4	0,5	0,5	0,6	0,8	0,6	0,9
Мурманская область	0,5	0,5	0,4	0,5	0,6	0,5	0,6	0,7	0,6	0,7
Ямало-Ненецкий АО	4,6	4,3	4,2	4,3	4,6	4,5	5,4	5,6	7,4	6,8
Чукотский АО	0,1	0,2	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
Регионы, частично входящие в Арктическую зону РФ										
Республика Карелия	0,3	0,2	0,2	0,3	0,3	0,3	0,2	0,2	0,2	0,3
Республика Коми	1,0	1,4	1,2	1,8	1,8	1,5	1,4	1,2	1,4	0,8
Архангельская область	1,7	0,8	1,1	1,2	1,3	1,2	1,1	1,2	1,1	1,5
Красноярский край	2,3	3,1	2,9	2,8	3,0	2,8	2,6	2,9	2,9	2,7
Республика Саха	1,8	4,4	1,4	1,7	1,6	1,4	1,3	1,4	1,9	2,4
В среднем по АЗРФ	13,2	15,4	12,1	13,2	13,9	12,7	13,4	14,2	16,2	16,1

Развитие инвестиционных процессов в Арктической зоне РФ в 2008–2017 гг. проходило в условиях крайне неустойчивой внешнеполитической и экономической обстановки, поэтому динамика совокупных российских инвестиций в Арктику в этот период виделась крайне неустойчивой (рис. 2).

Рис.2. Динамика инвестиций в основной капитал в Арктической зоне РФ, в сопоставимых ценах, в % к 2008 г.

В ходе развития инвестиционных процессов за рассматриваемый период можно выделить четыре фазы, которые определили развитие инвестиционных процессов: 1) инвестиционный спад в 2008–2010 гг. (начало мирового финансового кризиса); 2) инвестиционный подъем в 2011–2012 гг. (восстановительный период после мирового финансового кризиса); инвестиционный спад в 2013–2014 гг. (фаза стагнации российской экономики); инвестиционный подъём 2015–2017 гг. (начало локального кризиса российской экономики и «санкционной войны»). Рассмотрим их более подробно:

¹ Рассчитано автором по данным Федеральной службы государственной статистики. URL: www.gks.ru (дата обращения: 23.11.18).

1) в 2008–2010 гг. из-за начавшегося глобального экономического кризиса и резкого падения мировых цен на энергоносители инвестиционные процессы как в Арктической зоне РФ, так и в целом по стране, характеризовались значительным спадом. В среднем по Арктике за рассматриваемый период инвестиционный спад составил 96,9% (по России — 95,1%), наиболее глубоко проявившись в Архангельской области, Ненецком и Чукотском АО (табл. 2). Прирост инвестиций в данный период был зафиксирован только в Красноярском крае и Республике Саха, благодаря продолжающейся реализации и, соответственно, финансированию крупных инвестиционных проектов в этих регионах. Например, в Якутии в рамках реализации проекта строительства нефтепровода «Восточная Сибирь — Тихий океан» (ВСТО), предназначенного для транспортировки нефти сибирских месторождений на рынок Азиатско-Тихоокеанского региона (реализация проекта ведется с 2004 г.) в 2009 г. была введена первая очередь нефтепроводной системы ВСТО-1. В Красноярском крае в рамках Ванкорского проекта, предполагающего освоение газонефтяного месторождения в Түрүханском районе (активная реализация проекта началась в 2006 г.), построено более 200 км нефтепроводов и газопроводов, 700 км ЛЭП, около 100 км автодорог, 117 нефтяных скважин и так далее.

Таблица 2

Темпы роста инвестиций в основной капитал в регионах Арктической зоны РФ, в сопоставимых ценах, 2008 г. = 100%¹

Субъекты АЗРФ	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Регионы, полностью входящие в Арктическую зону РФ									
Ненецкий АО	36,4	40,8	39,7	49,5	51,5	62,9	80,4	66,4	109,3
Мурманская область	80,9	69,7	96,6	117,2	108,7	131,6	133,9	103,3	132,2
Ямало-Ненецкий АО	88,0	87,8	98,9	115,4	114,6	135,8	118,7	144,9	139,4
Чукотский АО	134,5	45,6	77,6	135,3	89,7	57,5	89,8	74,4	69,9
Регионы, частично входящие в Арктическую зону РФ									
Республика Карелия	68,1	80,0	100,3	106,8	99,8	92,7	85,1	82,8	92,0
Республика Коми	123,5	123,4	206,9	217,0	173,8	169,3	126,3	142,3	89,8
Архангельская область	44,3	56,0	68,3	75,5	68,1	65,6	63,9	59,1	85,7
Красноярский край	117,8	130,5	150,0	175,8	168,9	156,9	151,3	155,2	151,3
Республика Саха (Якутия)	199,5	127,3	174,2	179,5	161,9	148,6	147,7	190,5	258,0

2) во второй фазе (2011–2012 гг.) отмечался бурный прирост инвестиций в Арктическую зону РФ (средние темпы роста составили 125,8%, по России — 108,8%), что было обусловлено небывалым ростом цен на нефть и увеличением экспорта нефти и нефтепродуктов. Так, в 2011 г. «российский экспорт впервые перешагнул 500-миллиардный рубеж, причём более половины экспортной выручки было получено по линии продажи нефти и нефтепродуктов» [25, Аганбегян А.Г.]. Наиболее высокими в этот период были темпы роста в Чукотском АО (средние темпы роста составили 172,3%), Республике Коми (136,3%) и Мурманской области (129,9%).

3) в третьей фазе (2013–2014 гг.) инвестиционные процессы в Арктической зоне РФ вновь характеризовались значительным спадом (средние темпы роста составили 95,0%, по

¹ Рассчитано автором.

России — 99,7%). Отрицательные темпы прироста были обусловлены как недостаточным объёмом собственных средств, так и завершением в некоторых регионах крупных инвестиционных проектов, т.е. так называемого «эффекта базы». Например, на Чукотке, где инвестиционный спад проявился наиболее глубоко, в 2012 г. была завершена реконструкция взлётно-посадочной полосы аэропорта Анадырь, что отразилось на темпах роста инвестиций в последующие годы. Прирост инвестиций в данный период наблюдался только в Мурманской области (106,9%), Ненецком АО (113,2%) и Ямало-Ненецком АО (108,9%). Так, основными факторами значительного притока инвестиций в Мурманскую область стало начало в 2014 г. практической реализации проекта комплексного развития Мурманского транспортного узла (стоимость проекта составляет 139,02 млрд руб.), основной целью которого является создание на базе порта Мурманск действующего круглогодично глубоководного морского хаба — центра по переработке нефтеналивных грузов, перевалке угля и минеральных удобрений, интегрированного в международные транспортные коридоры «Север — Юг» и «Восток — Запад». В рамках реализации проекта предусмотрено строительство новых угольного, нефтяного и контейнерного терминалов, а также железнодорожных подъездов к ним (железнодорожная ветка Выходной — Лавна), реконструкция и модернизация порта Мурманск и существующей автодорожной инфраструктуры, в том числе реконструкция автомобильной дороги Р-21 «Кола».

4) в 2015–2017 гг. несмотря на продолжающийся в стране инвестиционный спад, вызванный ухудшением геополитической обстановки и введением экономических санкций в отношении России, в Арктической зоне РФ началась постепенная активизация инвестиционной деятельности (средние темпы роста составили 106,2%, по России — 98,0%). Отметим, что в 2015 г. рост инвестиций отмечался только в полностью арктических регионах, что связано с реализацией крупных инвестиционных проектов в Арктике (например, с началом строительства 15-километровой автодороги Усинск — Нарьян-Мар в Ненецком АО, ростом капвложений в строительство автомобильной дороги Омолон — Анадырь на Чукотке и др.). Остальные регионы Арктической зоны РФ стали выходить на положительные темпы роста инвестиций лишь в 2016 г. Так, наиболее высокий подъем инвестиционной активности в 2016 г. наблюдался в Республике Саха (Якутия), что связано с началом строительства алмазодобывающего предприятия АК «Алроса» на месторождении Верхне-Мунского поля с общим объёмом инвестиций в 62,98 млрд руб. Проект реализуется за счёт собственных средств компании с привлечением государственной поддержки (8,5 млрд руб.) в виде субсидии на компенсацию затрат на создание объектов транспортной инфраструктуры в рамках целевой программы «Развитие Дальнего Востока и Байкальского региона до 2018 года». Инвестиционный подъем в 2016 г. в Карелии связан с началом строительства двух гидроэлектростанций (Белопорожская ГЭС-1 и Белопорожская ГЭС-2) в рамках реализации масштабного проекта «Реконструкция и возведение малых гидроэлектростанций на территории Республики Карелия» и модернизации Сегежского целлюлозно-бумажного

комбината (объём инвестиций составил 4,7 млрд руб.) в рамках проекта «Реконструкция и модернизация предприятий лесопромышленного комплекса Группы компаний «Сегежа». В Республике Коми рост инвестиций был обусловлен увеличением капвложений в добычу топливно-энергетических полезных ископаемых и в развитие трубопроводного транспорта (реализация инвестиционных проектов по сооружению системы магистральных газопроводов «Бованенково — Ухта» и «Ухта — Торжок»).

В целом за весь исследуемый период прирост инвестиций в основной капитал отмечался в Республиках Саха и Коми (средние темпы роста за 2008–2017 гг. составили 163,8% и 141,7% соответственно), в Красноярском крае (144,0%), а также Ямало-Ненецком АО (112,7%) и Мурманской области (105,2%). При этом после 2014 г. высокие темпы роста объёмов инвестиций были характерны только для полностью арктических регионов, а регионы, частично входящие в Арктическую зону РФ, стали выходить на положительные темпы роста инвестиций лишь в 2016 г.

Таким образом, можно констатировать, что инвестиционные процессы в российской Арктике, несмотря на негативное влияние внешних факторов, в целом характеризовались относительно положительным трендом (за период 2008–2017 гг. средние темпы роста инвестиций составили 107,2%, по России — 101,1%). Во время обоих кризисов объёмы инвестиций в экономику Арктической зоны РФ падали в меньшей степени, чем в среднем по стране, а также быстрее возросли в посткризисные периоды, что обусловлено реализацией в ряде арктических регионов крупномасштабных инвестиционных проектов.

Вместе с тем динамика поступлений иностранных инвестиций в российскую Арктику характеризовалась за рассматриваемый период довольно резкими колебаниями и тенденцией к снижению поступлений из-за рубежа (рис. 2).

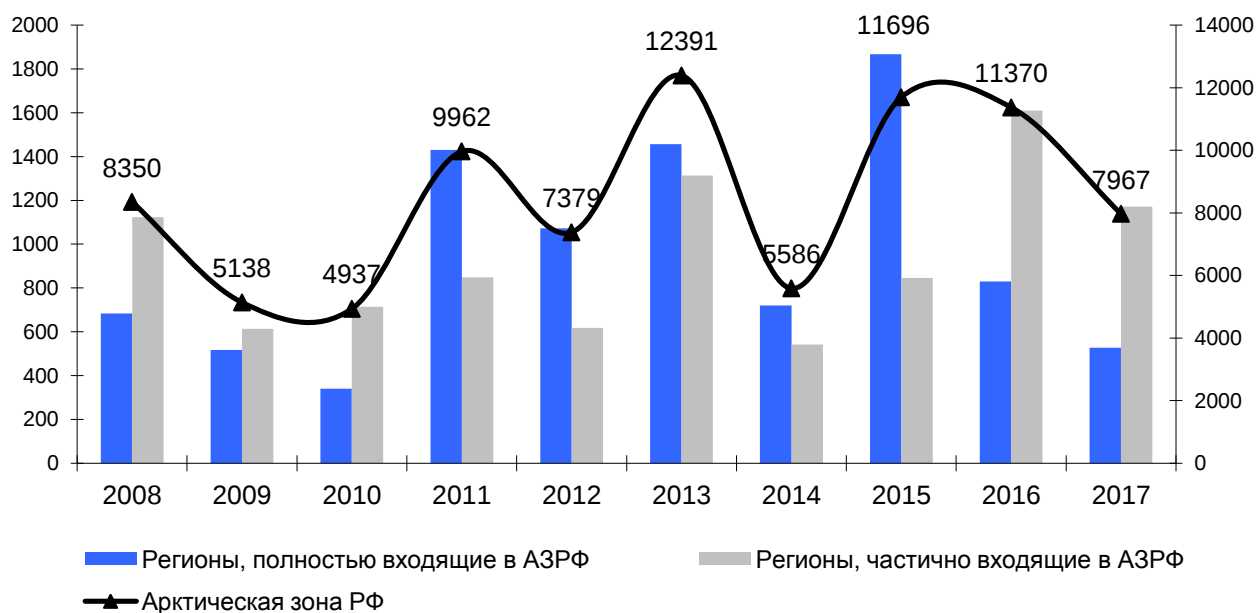

Рис.3. Поступление прямых иностранных инвестиций, млн долл. США.

Сложившаяся ситуация напрямую обусловлена негативным воздействием экономических потрясений последних лет. Так, с началом мирового финансового кризиса наряду с

начавшимся падением мировых цен на сырьё, инвестиционные возможности арктических регионов резко ухудшились, а новый виток экономического кризиса и введение западных санкций продолжили оказывать негативное влияние на инвестиционные процессы в Арктике. В частности, санкции подразумевали запрет на поставки в Россию специализированного оборудования и технологий шельфовой добычи, из-за чего многие иностранные компании были вынуждены приостановить либо существенно ограничить участие в реализации перспективных проектов на арктическом шельфе.

Несмотря на давление санкций, международное сотрудничество в Арктике всё же продолжается. Так, после введения западных санкций особенно увеличилось арктическое российско-китайское партнёрство, подтверждением чему служат активное развитие совместного газодобывающего проекта «Ямал СПГ» (китайская Национальная Нефтегазовая корпорация (CNPC) имеет 20%-ную долю в проекте) [26, Рабия К.]. Кроме того, сферой интересов Китая является также арктическая логистика, в первую очередь Северный морской путь, в состав которого предлагается включить китайский мегапроект «Арктического шёлкового пути». Это даёт основания предполагать, что в среднесрочном периоде инвестиционная активность в Арктической зоне РФ сохранится на настоящем уровне. При негативном сценарии развития национальной экономики, возможности реализации инвестиционных проектов в Арктике с участием европейских и американских иностранных инвестиций существенно сократятся (однако это не коснется инвестиций из Китая). Кроме того, будут сокращены объёмы бюджетных инвестиций, направленных на реализацию крупных инфраструктурных проектов и софинансирование региональных программ инвестиционного развития арктических регионов, что приведёт к сокращению объёмов и/или переносу сроков планового финансирования инвестиционных проектов на территории Арктической зоны РФ, реализуемых за счет средств федерального бюджета.

Заключение

Поступления инвестиций в Арктику всегда отличались крайней неравномерностью и нестабильностью, т.к. они напрямую связаны с реализацией крупномасштабных инвестиционных проектов, главным образом, по добыче и переработке углеводородов. В перспективе это ведёт к инвестиционному спаду при завершении таких проектов или их приостановке из-за внешних негативных явлений, в том числе ужесточения санкций в отношении российского нефтегазового сектора. Отсюда следует, что для сбалансированного развития инвестиционной сферы Арктической зоны РФ требуются как масштабные институциональные преобразования в государственной арктической политике страны, так и совершенствование инвестиционной политики арктических регионов, что будет содействовать привлечению ресурсов и осуществлению их эффективного освоения.

Благодарности и финансирование

Статья включает материалы, подготовленные в рамках госзадания ФИЦ КНЦ РАН №0226-2019-0027.

Литература

1. Gautier D.L., Bird K.J., Charpentier R.R., Grantz A., Houseknecht D.W., Klett T.R., Moore T.E., Pitman J.K., Schenk Ch.J., Schuenemeyer J.H., Sorensen K., Tennyson M.E., Valin Z.C., Wandrey C.J. Assessment of Undiscovered Oil and Gas in the Arctic // *Science*. 2009. Vol. 324. Pp. 1175–1179. DOI 10.1126/science.116946
2. Конторович А.Э. Нефть и газ Российской Арктики: история освоения в XX веке, ресурсы, стратегия на XX век // *Наука из первых рук*. 2015. Т. 61. № 1. С. 46–65.
3. Мохов И.И. Современные изменения климата в Арктике // *Вестник Российской академии наук*. 2015. № 3. С. 265–271.
4. Barber D., Lukovich J., Keogak J., Baryluk S., Fortier L., Henry G. The changing climate of the Arctic // *Arctic*. 2008. No. 61 (1 suppl.). Pp. 7–26.
5. Carr J., Stokes C., Vieli A. Threefold increase in marine-terminating outlet glacier retreat rates across the Atlantic Arctic: 1992–2010 // *Annals of Glaciology*. 2017. Vol. 58 (74). Pp. 7–91. DOI 10.1017/aog.2017.3
6. Winski D., Osterberg E., Kreutz K., Wake C., Ferris D., Campbell S., Baum M., Bailey A., Birkel S., Introne D., Handley M. A 400 year ice core melt layer record of summertime warming in the Alaska Range // *Journal of Geophysical Research: Atmospheres*. 2018. Vol. 123. Pp. 3594–3611. DOI 10.1002/2017JD027539
7. Zheng W., Pritchard M., Willis M., Tepes P., Noel G., Benham T., Dowdesl J. Accelerating glacier mass loss on Franz Josef Land, Russian Arctic // *Remote Sensing of Environment*. 2018. Vol. 211. Pp. 357–375. DOI 10.1016/j.rse.2018.04.004
8. Smith L., Stephenson S. New Trans-Arctic shipping routes navigable by mid-century // *PNAS*. 2013. Vol. 110. No. 13. Pp. 4871–4872. DOI 10.1073/pnas.1214212110
9. Пономарев И.А. Север России: пути его социально-экономического развития // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2009. № 5. С. 78–81.
10. Корчак Е.А. Трудовой потенциал северных регионов в рамках реализации государственной политики Российской Федерации в Арктике. Апатиты: КНЦ РАН, 2017. 225 с.
11. Бежан А.В. Перспективы теплоснабжения зданий с участием ветроэнергетических установок в Арктической зоне РФ // *Энергосбережение*. 2018. № 3. С. 62–72.
12. Победоносцева В.В., Победоносцева Г.М. Особенности экономических и энергетических стратегических направлений развития регионов Арктики России // *Наука Красноярья*. 2017. Том 6. № 2–2. С. 119–127.
13. Основные аспекты экономического развития и управления Арктической зоной Российской Федерации / Под ред. Т.П.Скуфьиной, Н.А.Серовой. М.: Научный консультант, 2018. 214 с.
14. Балобанов А.Е., Воротников А.М., Майоров С.В. Роль транспортно-логистической инфраструктуры в реализации проектов опорных зон развития Арктической зоны Российской Федерации // *Журнал экономических исследований*. 2018. № 2. С. 17–27.
15. Серова Н.А., Серова В.А. Транспортная инфраструктура российской Арктики: современное состояние и перспективы развития // *Конкурентоспособность в глобальном мире*. 2017. № 12 (59). С. 1269–1272.
16. Биев А.А. Региональные инвестиционные проекты в Арктической зоне России: формирование территориальной инфраструктуры // *Север и рынок: формирование экономического порядка*. 2018. № 3 (59). С. 61–69.
17. Андреева Е.С. Динамика инвестиционной активности в условиях экономического кризиса // *Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость*. 2016. № 3 (18). С. 11–21.
18. Тётушкин В.А. Анализ динамики инвестиционной деятельности в кризисных экономических условиях: международная и российская практика // *Финансовая аналитика: проблемы и решения*. 2016. № 43 (325). С. 27–40.

19. Сафина Р.С., Курзина И.М. Влияние мирового кризиса 2008–2014 гг. на инвестиции и инвестиционную привлекательность России // ВЭПС. 2015. № 3. С. 85–89.
20. Экономическая безопасность и снижение неравномерности пространственного развития российского Севера и Арктики / Под ред. Селина В.С., Башмаковой Е.П. Апатиты: КНЦ РАН, 2012. 232 с.
21. Северные территории в общероссийском, региональном, муниципальном пространстве / Под ред. Т.П. Скуфьиной. Апатиты: КНЦ РАН, 2012. 121 с.
22. Емельянова Е.Е. Влияние региональных особенностей Севера на цели, задачи и возможности реализации муниципальной инвестиционной политики // Наука и бизнес: пути развития. 2014. № 5(35). С. 79–83.
23. Серова Н.А., Емельянова Е.Е. Инвестиционный климат северных территорий: региональный и муниципальный уровни. Апатиты: КНЦ РАН, 2015. 164 с.
24. Дидык В.В., Серова Н.А. Региональная инвестиционная политика на Севере России // Пространственная экономика. 2005. № 4. С. 90–101.
25. Аганбегян А.Г. Инвестиции — основа ускоренного социально-экономического развития России // Деньги и кредит. 2012. № 5. С. 10–16.
26. Рабия К. Китайско-российское сотрудничество в Арктике: перспективы развития // Вестник Московского государственного областного университета. 2018. № 2. С. 108–128.

References

1. Gautier D.L., Bird K.J., Charpentier R.R., Grantz A., Houseknecht D.W., Klett T.R., Moore T.E., Pitman J.K., Schenk Ch.J., Schuenemeyer J.H., Sorensen K., Tennyson M.E., Valin Z.C., Wandrey C.J. Assessment of Undiscovered Oil and Gas in the Arctic. *Science*, 2009, no. 324, pp. 1175–1179. DOI 10.1126/science.116946
2. Kontorovich A.Je. Neft' i gaz Rossijskoj Arktiki: istorija osvoenija v XX veke, resursy, strategija na XX vek [Oil and gas of the Russian Arctic: the history of development in the XX century, resources, strategy for the twentieth century]. *Nauka iz pervyh ruk* [Science first-hand], 2015, vol. 61, no. 1, pp. 46–65.
3. Mohov I.I. Sovremennye izmenenija klimata v Arktike [Modern climate change in the Arctic]. *Vestnik Rossijskoj akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 2015, no. 3, pp. 265–271.
4. Barber D.G., Lukovich J., Keogak J., Baryluk S., Fortier L., Henry G. The Changing Climate of the Arctic. *Arctic*, 2008, no. 61, pp. 7–26.
5. Carr J., Stokes C., Vieli A. Three-fold increase in the rate of repulsion of marine glaciers in the Atlantic: 1992–2010. *Annals of Glaciology*, 2017, no. 58 (74), pp. 7–91. DOI 10.1017/aog.2017.3
6. Winski D., Osterberg E., Kreutz K., Wake C., Ferris D., Campbell S., Baum M., Bailey A., Birkel S., Introne D., Handley M. A 400 year ice core melt layer record of summertime warming in the Alaska Range. *Journal of Geophysical Research: Atmospheres*, 2018, no. 123, pp. 3594–3611. DOI 10.1002/2017JD027539
7. Zheng W., Pritchard M., Willis M., Tepes P., Noel G., Benham T., Dowdesl J. Accelerating glacier mass loss on Franz Josef Land, Russian Arctic. *Remote Sensing of Environment*, 2018, no. 211, pp. 357–375. DOI 10.1016/j.rse.2018.04.004
8. Smith L., Stephenson S. New Trans-Arctic shipping routes navigable by mid-century. *PNAS*, 2013, vol. 110, no. 13, pp. 4871–4872. DOI 10.1073/pnas.1214212110
9. Ponomarev I.A. Sever Rossii: puti ego social'no-jekonomicheskogo razvitiya [North of Russia: the way of its socio-economic development]. *Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost'* [National interests: priorities and security], 2009, no. 5, pp. 78–81.
10. Korchak E.A. *Trudovoj potencial severnyh regionov v ramkah realizacii gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v Arktike* [Labor potential of the northern regions in the framework of the implementation of the state policy of the Russian Federation in the Arctic]. Apatity: KSC RAS Publ., 2017, 225 p. (In Russ.)
11. Bezhan A.V. Perspektivy teplosnabzhenija zdaniy s uchastiem vetrojenergeticheskikh ustanovok v Arkticheskoy zone RF [Prospects for heat supply of buildings with the participation of wind power plants in the Arctic zone of the Russian Federation]. *Jenergoberezhenie* [Energy Saving], 2018, no. 3, pp. 62–72.

12. Pobedonosceva V.V. Pobedonosceva G.M. Osobennosti jekonomicheskikh i jenergeticheskikh strategicheskikh napravlenij razvitija regionov Arktiki Rossii [Features of the economic and energy strategic directions of development of the Russian Arctic regions]. *Nauka Krasnojars'ja* [Science of Krasnoyarsk], 2017, vol. 6, no. 2–2, pp. 119–127.
13. *Osnovnye aspekty jekonomicheskogo razvitija i upravlenija Arkticheskoy zonoj Rossijskoj Federacii* [The main aspects of economic development and management of the Arctic zone of the Russian Federation]. Moscow, Nauchnyj konsul'tant Publ., 2018, 214 p. (In Russ.)
14. Balabanov A.E., Vorotnikov A.M., Mayorov S.V. The role of transport and logistics infrastructure in the implementation of projects of the support zones for the development of the Arctic zone of the Russian Federation [The role of transport and logistics infrastructure in the implementation of projects of support zones for the development of the Arctic zone of the Russian Federation]. *Zhurnal jekonomicheskikh issledovanij* [Journal of Economic Research], 2018, no. 2, pp. 17–27.
15. Serova N.A., Serova V.A. Transportnaja infrastruktura rossijskoj Arktiki: sovremennoe sostojanie i perspektivy razvitija [Transport infrastructure of the Russian Arctic: current state and development prospects]. *Konkurentosposobnost' v global'nom mire* [Competitiveness in the global world], 2017, no. 12 (59), pp. 1269–1272.
16. Biev A.A. Regional'nye investicionnye proekty v Arkticheskoy zone Rossii: formirovanie territorial'noj infrastruktury [Regional investment projects in the Arctic zone of Russia: the formation of territorial infrastructure]. *Sever i rynek: formirovanie jekonomicheskogo porjadka* [North and the market: the formation of an economic order], 2018, no. 3 (59), pp. 61–69.
17. Andreeva E.S. Dinamika investicionnoj aktivnosti v usloviyah jekonomicheskogo krizisa [Dynamics of investment activity in the conditions of economic crisis]. *Izvestiya vuzov. Investicii. Stroitel'stvo. Nedvizhimost'* [Izvestiya Vuzov. Investments. Building. The property], 2016, no. 3 (18), pp. 11–21.
18. Tjotushkin V.A. Analiz dinamiki investicionnoj dejatel'nosti v krizisnyh jekonomicheskikh usloviyah: mezhdunarodnaja i rossijskaja praktika [Analysis of the dynamics of investment activity in crisis economic conditions: international and Russian practice]. *Finansovaja analitika: problemy i reshenija* [Financial analytics: problems and solutions], 2016, no. 43 (325), pp. 27–40.
19. Safina R.S., Kurzina I.M. Vlijanie mirovogo krizisa 2008–2014 gg. na investicii i investicionnuju privlekatel'nost' Rossii [The impact of the global crisis 2008–2014 on investment and investment attractiveness of Russia]. *VJePS* [VEPS], 2015, no. 3, pp. 85–89.
20. *Jekonomicheskaja bezopasnost' i snizhenie neravnomernosti prostranstvennogo razvitija rossijskogo Severa i Arktiki* [Economic security and reduction of the uneven spatial development of the Russian North and the Arctic]. Apatity, KSC RAS Publ., 2012, 232 p. (In Russ.)
21. *Severnye territorii v obshherossijskom, regional'nom, municipal'nom prostranstve* [Northern territories in the all-Russian, regional, municipal space]. Apatity, KSC RAS Publ., 2012, 121 p.
22. Serova N.A., Emel'janova E.E. *Investicionnyj klimat severnyh territorij: regional'nyj i municipal'nyj urovni* [Investment climate of the northern territories: regional and municipal levels]. Apatity, KSC RAS Publ., 2015, 164 p. (In Russ.)
23. Emel'janova E.E. Vlijanie regional'nyh osobennostej Severa na celi, zadachi i vozmozhnosti realizacii municipal'noj investicionnoj politiki [The influence of the regional characteristics of the North on the goals, objectives and opportunities for the implementation of the municipal investment policy]. *Nauka i biznes: puti razvitija* [Science and business: ways of development], 2014, no. 5 (35), pp. 79–83.
24. Didyk V.V., Serova N.A. Regional'naja investicionnaja politika na Severe Rossii [Regional Investment Policy in the North of Russia]. *Prostranstvennaja jekonomika* [Spatial Economics], 2005, no. 4, pp. 90–101.
25. Aganbegjan A.G. Investicii — osnova uskorennoogo social'no-jekonomicheskogo razvitija Rossii [Investments — the basis for accelerated social and economic development of Russia]. *Den'gi i kredit* [Money and credit], 2012, no. 5, pp. 10–16.
26. Rabiya K. Kitajsko-rossijskoe sotrudnichestvo v Arktike: perspektivy razvitija [Chinese-Russian cooperation in the Arctic: development prospects]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Bulletin of Moscow State Regional University], 2018, no. 2, pp. 108–128.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ИНСТИТУТЫ POLITICAL PROCESSES AND INSTITUTIONS

УДК 341.225(98)(045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.34.90

Перспективы деятельности Международного органа по морскому дну в контексте управления Арктикой *

© **ТОДОРОВ Андрей Андреевич**, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник

E-mail: atodorov85@gmail.com

ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются история создания, правовые основы деятельности Международного органа по морскому дну, его функции, структура, направления его актуальной работы, а также анализируются возможные сферы применения механизмов МОМД в Арктике. Несмотря на продолжающиеся в экспертной среде споры, автор полагает, что Часть XI Конвенции 1982 г. по морскому праву, определяющая основы управления ресурсами Района и деятельности МОМД, применяется к акваториям Арктики точно так же, как и ко всем другим регионам Мирового океана. Основная функция МОМД — регулирование разведки и добычи минеральных ресурсов дна за пределами национальной юрисдикции. Помимо этого Орган будет задействован в решении других задач: реализации положений Конвенции 1982 г. об отчислениях прибрежных государств за освоение ресурсов континентального шельфа за пределами 200 морских миль, участии в налаживании международного сотрудничества в области морских научных исследований в Районе, распределении их результатов и др. Кроме того, в перспективе важное место МОМД видится в участии в комплексном трансграничном и межотраслевом экосистемном управлении акваториями Арктики.

Ключевые слова: *Международный орган по морскому дну, Арктика, Район, минеральные ресурсы, международное сотрудничество, Конвенция по морскому праву 1982 г., континентальный шельф, акватории за пределами национальной юрисдикции.*

Future work of the International Seabed Authority in the context of the Arctic governance

© **Andrey A. TODOROV**, Cand. Sci. (Law), senior researcher

E-mail: atodorov85@gmail.com

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. The article studies the history, legal framework of the International Seabed Authority, its functions, structure and current work. The analysis focuses on potential fields of the ISA activity in the Arctic. Despite the ongoing expert discussions, the author is of the view that Part XI of the 1982 Law of the Sea Convention, setting out the legal basis for the governance of the Area resources and the work of ISA, applies to the Arctic Ocean like to any other part of the world ocean. The primary function of the ISA is to regulate exploration and exploitation of deep seabed non-living resources beyond national jurisdiction. Apart from that, the ISA will be engaged in other issues — implementation of the UNCLOS provisions on the payments by the coastal states concerning the exploitation of non-living resources on the outer continental

* Для цитирования:

Тодоров А.А. Перспективы деятельности Международного органа по морскому дну в контексте управления Арктикой // Арктика и Север. 2019. № 34. С. 90–109. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.34.90

For citation:

Todorov A.A. Future work of the International Seabed Authority in the context of the Arctic governance. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 34, pp. 90–109. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.34.90

shelf, coordination of marine scientific research in the Area, dissemination of its results, etc. Moreover, in the future, the ISA could play a significant role in the integrated cross-border and cross-sectoral ecosystem governance of the Arctic Ocean.

Keywords: *International Seabed Authority, the Arctic, Area, mineral resources, international cooperation, UN Convention on the Law of the Sea 1982, continental shelf, maritime areas beyond national jurisdiction.*

Введение

Обсуждение перспектив работы Международного органа по морскому дну (МОМД, Орган) в Арктике — задача непростая. Прежде всего по причине политической окрашенности вопроса и муссирования в СМИ темы «войны за арктические ресурсы», потенциальных конфликтов из-за шельфовых заявок и призывов «поделить» дно Северного Ледовитого океана между прибрежными государствами, не оставив места для формирования участков дна, подпадающих под регулирование международной организации. В России достаточно часто звучит мнение о том, что наше государство не должно признавать применимость в Арктике режима общего наследия человечества, предусмотренного Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г. (далее — Конвенция 1982 г.) в отношении участков дна за пределами континентального шельфа. С другой стороны, эксперты и политики разных стран выражали необходимость расширения подобного режима на всё морское пространство Арктики — по примеру правового режима Антарктики. Также существуют опасения возникновения противоречий между прибрежными арктическими государствами, в чьих интересах включить в свой расширенный континентальный шельф как можно большие площади морского дна Северного Ледовитого океана [1, Ujvari B., с. 4], и неарктическими странами, которым, напротив, выгодно расширение глубоководных участков, подпадающих под концепцию «общего наследия человечества».

Вместе с тем серьёзных научных публикаций, рассматривающих работу МОМД в преломлении к арктическому региону, сегодня насчитывается немного. Возможные причины этого — неоконченность процесса формирования собственно границ участков дна за пределами национальной юрисдикции, которое произойдёт только после установления прибрежными государствами границ своего расширенного континентального шельфа, а также скудность научных данных о запасах минеральных ресурсов глубоководных участков дна в Арктике. Цель данной статьи — изучить механизм работы МОМД, рассмотреть историю становления Органа и перспективы его деятельности в преломлении к арктическому региону, а также критику концепции «общего наследия человечества».

Общие сведения о МОМД

Деятельность по освоению неорганических ресурсов в глубоководных районах Мирового океана в последнее время приобретает всё большее значение. Потребление большинства металлов в мире стабильно увеличивается. В особенности это касается высокотехнологичных отраслей, которые испытывают дефицит в редких и редкоземельных элементах. В то же время запасы руд цветных металлов на суше стремительно истощаются, и наращивание

значительных количеств стратегически важных металлов (к таким следует отнести никель, кобальт, марганец, медь, а также такие редкоземельные металлы, как лантан, скандий, иттрий и др.) за счёт открытия новых месторождений на континенте становится всё менее вероятным [2, Lodge M., с. 1]. В этих условиях полезные ископаемые глубоководных районов Мирового океана становятся важным источником основных и редких элементов, необходимых для устойчивого развития экономики и обеспечения сырьевой базы государств.

В пределах глубоководных районов Мирового океана за пределами континентального шельфа прибрежных государств (далее — Район) содержатся обширные запасы минеральных ресурсов. Однако сегодня коммерческий интерес для государств представляют лишь три вида ресурсов Района: железомарганцевые конкреции, кобальтоносные корки и полиметаллические сульфиды. Следовательно, на сегодняшний момент работа Органа сосредоточена только на этих трёх видах ресурсов. В настоящий момент ведутся только разведочные работы. Хотя промышленная добыча в Районе пока не началась, канадская компания *Nautilus Minerals Inc.* объявила о начале с 2019 г. первых добычных работ на глубоководных участках континентального шельфа Папуа — Новой Гвинеи с помощью гигантских роботов, управляемых дистанционно¹.

Концепция Района как общего наследия человечества зарождалась в 1960–1970-е гг. и поначалу конкурировала с концепцией *res nullius*, то есть идеей о том, что ресурсы глубоководного дна за пределами национальной юрисдикции изначально никому не принадлежат, но в отношении них государствами может быть установлено право пользования через одностороннюю «оккупацию». В какой-то степени последнее означало, что добыча ресурсов Района должна быть объявлена одной из свобод открытого моря. В отличие от этого концепция общего наследия исключает возможность односторонних действий по завладению объектом и предполагает совместное и регулируемое управление им. При этом концепцию Района как *res nullius* отстаивал ряд развитых стран, тогда как идея общего наследия человечества отражала в большей степени интересы развивающихся [3, Egede E., с. 55–58].

Первым официальным документом, чётко объявляющим ресурсы глубоководного дна за пределами национальной юрисдикции общим наследием человечества, стала «Декларация принципов, регулирующих режим дна морей и океанов и его недр за пределами действия национальной юрисдикции», принятая ООН в 1970 г.² Часть XI Конвенции 1982 г. и Соглашение 1994 г. об осуществлении Части XI Конвенции были призваны наполнить концепцию Района конкретным содержанием и учредить специальную организацию, управляющую Районом от имени всего человечества.

В соответствии со ст. 1 Конвенции 1982 г., «Район» означает дно морей и океанов и его недра за пределами действия национальной юрисдикции (фактически — за внешней

¹ World's First Deep Sea Mining Venture Set to Launch in 2019. URL: <https://www.seeker.com/worlds-first-deep-sea-mining-venture-set-to-launch-in-2019-2327856967.html> (дата обращения: 08.06.2018).

² UN GA Declaration of Principles Governing the Sea-Bed and the Ocean Floor, and the Subsoil Thereof, beyond the Limits of National Jurisdiction. URL: <http://www.un-documents.net/a25r2749.htm> (дата обращения: 08.06.2018).

границей континентального шельфа государств). Статья 133 объявляет Район и его ресурсы общим наследием человечества. Это означает, что ни одно государство не вправе претендовать на суверенитет или суверенные права или осуществлять их в отношении какой-либо части Района или его ресурсов. Государства, физические или юридические лица могут приобретать или осуществлять права на полезные ископаемые Района не иначе как в соответствии с Конвенцией.

Деятельность в Районе осуществляется на благо всего человечества, независимо от географического положения государств — как прибрежных, так и не имеющих выхода к морю (ст. 140, п. 1). В соответствии со ст. 156, учреждается специальная международная организация, ответственная за управление деятельностью в Районе, — Международный орган по морскому дну. Только через Орган и установленные в его рамках механизмы государства могут проводить поиск, разведку и добычу ресурсов Района. Финансовые и другие экономические выгоды от деятельности в Районе справедливо распределяются также через Орган (п. 2 ст. 140). Ряд статей Конвенции содержит положения о необходимости учёта интересов развивающихся стран (при проведении научных исследований, обязательства по передаче технологии и научных знаний, поощрение участия развивающихся стран в деятельности в Районе и др.).

Статьи 158–170 Конвенции 1982 г. регламентируют деятельность основных структур МОМД: Ассамблеи, Совета и Секретариата. Кроме того, учреждается Предприятие — подразделение Органа, непосредственно участвующее в освоении ресурсов Района. Ассамблея является высшим органом МОМД и состоит из всех членов организации. Наиболее важной функцией Ассамблеи является рассмотрение и утверждение норм, правил и процедур Органа, принятых Советом (ст. 160).

Совет МОМД является исполнительным органом, на который Конвенцией возложена основная ответственность за выработку политики МОМД по управлению деятельностью в Районе. Совет утверждает планы работ заявителей по разведке и разработке после того, как их рассмотрела Юридическая и Техническая Комиссия Совета, резервирует участки морского дна для Органа, контролирует деятельность подрядчиков в Районе, разрабатывает и принимает на временной основе (до принятия их Ассамблеей) правила разведки и разработки. Совет состоит из 36 членов, избираемых Ассамблеей в 4 группы государств (ст. 161). Каждый член Совета избирается сроком на четыре года. Российская Федерация практически на постоянной основе входит в группу «А» Совета, которая состоит из четырёх государств-членов Органа из числа крупнейших импортёров и потребителей минеральных ресурсов при обязательном участии среди них восточноевропейского государства с крупнейшей экономикой.

Секретариат Органа состоит из Генерального секретаря (с 2016 г. им является М. Лодж из Великобритании), его заместителя, а также штата профессиональных и технических сотрудников.

Режим деятельности в Районе по поиску, разведке и разработке по большей части одинаков в отношении различных видов минеральных ресурсов. Различия сводятся, по сути, к размерам участка, на котором планируется осуществлять деятельность по разведке и разработке ресурсов, и объясняются объективными физическими параметрами различных видов ресурсов. В соответствии с правилами разведки и разработки МОМД³, существуют следующие виды деятельности в Районе: поиск, разведка и добыча (она же разработка). Поиск — это изыскание залежей на общих основаниях, без исключительных прав. Поиск осуществляется с уведомления Генерального секретаря МОМД (контракт с МОМД не требуется). Разведка является более сложным видом работ по сравнению с поиском. Она включает в себя анализ залежей, испытание систем и оборудования для добычи и другие виды работ. Разведка производится на конкретно определённом в плане разведывательных работ участке Района на исключительных правах, которые оформляются контрактом между изыскателем и Органом. Контракт заключается после утверждения Советом Органа плана работы по разведке, представленной заявителем.

В соответствии с Приложением III Конвенции 1982 г., при подаче заявки на разведочный контракт заявитель имеет право выбора условий будущей деятельности в Районе: либо осуществлять деятельность самостоятельно на закреплённом только за ним участке — в таком случае в заявке должны быть описаны два коммерчески равноценных участка месторождения для последующей передачи одного из них Органу (т.н. вариант зарезервированного района), либо действовать в рамках совместного с Органом предприятия по разработке одного участка (описывается один участок)⁴. Основная цель такой системы — возможность для Органа получить участки, имеющие потенциальную коммерческую ценность для разработки ресурсов, без проведения необходимых поисковых и исследовательских работ, когда сами заявители из числа государств, их предприятий и компаний проводят поисковые работы за свой счёт не только для себя, но и для Органа как представителя интересов всего человечества.

Контракты на разведку заключаются на 15-летний срок⁵. За определённое количество лет (варьируется в зависимости от вида ресурса) до окончания срока действия контракта на разведку контрактор обязан выбрать часть закреплённого за ним для осуществления разведки участка, отказавшись от остальных участков⁶. Участки, от которых производится отказ,

³ См., например, Правила поиска и разведки кобальтоносных железомарганцевых корок в Районе. URL: https://www.isa.org.jm/sites/default/files/files/documents/isba-18a-11_3.pdf (дата обращения: 08.06.2018).

⁴ Ст. 8–11 приложения III Конвенции 1982 г.

⁵ *Соглашение об осуществлении Части XI Конвенции Организации Объединённых Наций по морскому праву от 10 декабря 1982 года.* URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agreement_impl_lawsea.shtml (дата обращения: 08.06.2018).

⁶ Ср. правило 27 Правил поиска и разведки полиметаллических сульфидов в Районе URL: https://www.isa.org.jm/sites/default/files/files/documents/isba-16a-12rev1_1_1.pdf (дата обращения: 08.06.2018) и правило 25 Правил поиска и разведки полиметаллических конкреций в Районе. URL: https://www.isa.org.jm/sites/default/files/files/documents/isba-19c-17_1_1.pdf (дата обращения: 08.06.2018).

поступают в фонд Органа. По истечении срока действия контракта на разведку контрактор подаёт заявку в отношении плана работы по разработке (она же добыча) на оставшемся участке. Разработка — это промышленный сбор минеральных ресурсов в Районе и извлечение из них полезных ископаемых. Разработка также будет осуществляться на условиях соответствующего контракта.

В соответствии со ст. 4 Приложения III Конвенции 1982 г., заявителем в отношении разведки и разработки могут выступать как государство, так и физические и юридические лица в случае, если государства, чью национальность они имеют, поручились за них. Деятельность по разведке и разработке может также осуществляться самим Органом через своё Предприятие.

На текущий момент утверждены правила по поиску и разведке в отношении всех трёх указанных видов ресурсов. Следующим этапом работы МОМД, которая уже ведётся, является выработка правил по разработке ресурсов Района, начиная с железомарганцевых конкреций. Также идёт выработка правил, касающихся экологических вопросов освоения. Конечная задача Органа — установление режима, регламентирующего все аспекты деятельности по освоению ресурсов Района. Результатом должен стать «Добычной устав» (Mining Code), в котором будут сведены все правила, выработанные МОМД во исполнение Конвенции 1984 г. и Соглашения 1994 г.⁷

На сегодняшний день МОМД заключил контракты на разведку с 27 заявителями⁸, среди которых присутствуют российские представители. Большая часть контрактов действует в отношении Зоны Кларион-Клиппертон в Тихом океане. Разведка ведётся также в Индийском и Атлантическом океанах. Как можно видеть, Северный Ледовитый океан пока не входит в число регионов, в которых государства проявляют активность по поиску и разведке ресурсов Района.

Критика Части XI Конвенции 1982 г.

Часть XI и учреждённый ей режим общего наследия человечества считается одним из главных нововведений в международном морском праве, представленных в Конвенции 1982 г. Ни в одном более раннем международном соглашении концепция «общего наследия человечества» по отношению к морским пространствам не фигурировала.

С другой стороны, именно по поводу Части XI у государств возникли серьёзные разногласия в процессе разработки положений Конвенции 1982 г. На III Конференции ООН по морскому праву (1973–1982 гг.) многие развитые страны сигнализировали о своём неудовлетворении положениями Части XI и неготовности подписать Конвенцию [4, Guntrip E., с. 9].

⁷ Доклад Генерального секретаря Международного органа по морскому дну, предусмотренный пунктом 4 статьи 166 Конвенции Организации Объединённых Наций по морскому праву. URL: https://www.isa.org.jm/sites/default/files/documents/isba-23a-2_4.pdf (дата обращения: 08.06.2018).

⁸ International Seabed Authority Overview. URL: <https://www.isa.org.jm/deep-seabed-minerals-contractors/overview> (дата обращения: 08.06.2018).

Наиболее активно своё недовольство выражала делегация США. Администрация Рейгана считала, что ряд положений Части XI подрвёт будущую индустрию освоения ресурсов глубоководного дна. Для США ущемляющими их интересы представлялись положения о структуре и механизмах работы МОМД, поскольку они предполагали возможность принятия решения без учёта позиции конкретного государства. Американцы возразили и против механизма передачи технологий развивающимся странам. Более того, в период проведения III Конференции ООН по морскому праву США приняли национальный закон о регулировании деятельности по освоению минеральных ресурсов глубоководного дна (Deep Seabed Hard Minerals Resources Act). Закон устанавливал процедуры получения лицензий в обход режима, обсуждавшегося в рамках Конвенции 1982 г. Примеру США последовали Франция, Италия, Япония и ряд других развитых стран [4, Guntrip E., с. 9].

Проблемы, возникшие в результате обсуждения Части XI, были во многом решены принятием в 1994 г. имплементационного Соглашения, касающегося реализации Части XI Конвенции [5, Lodge M., с. 736]. Соглашение устранило все возражения развитых стран в отношении конкретных условий функционирования режима Района как общего наследия человечества.

США подписали Соглашение 1994 г., однако не ратифицировали его. Кроме того, США до сегодняшнего дня не являются участником Конвенции 1982 г. Однако будет ошибочным считать, что Вашингтон выступает против концепции «общего наследия человечества» в целом. В 1970 г. США одобрили резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН 2749 (XXV), провозглашавшую дно и недра глубоководных районов океана общим наследием человечества [6, Загорский А.В., с. 69]⁹. Большая часть представителей американского научно-экспертного сообщества, политического и военного руководства, бизнес-элиты склоняется в пользу ратификации Конвенции¹⁰. Необходимость этого шага подчёркивается в национальной арктической стратегии США¹¹. Однако все попытки сменяющих друг друга администраций президента начиная с 1994 г. провести через Конгресс США закон о ратификации Конвенции 1982 г. заканчивались неудачей. Доводы противников ратификации, представленных в основном группой членов Сената США, остаются теми же, что были выражены делегацией США на III Конференции ООН по морскому праву и сводятся в основном к процессу принятия решений МОМД и возможности обхода при этом позиции США [7, Гудев П., с. 51].

Как известно, США, не будучи участником Конвенции 1982 г., тем не менее признают большинство её положений как отражающих нормы обычного международного права, т.е.

⁹ Более подробно см. Губанов А.И. Разграничение континентального шельфа в Арктике: Международно-правовые проблемы и перспективы. М.: Зерцало-М, 2015. С. 108–109.

¹⁰ См., напр., Erickson, Karen 2010, "Arctic Resources up for grabs; Are U.S. hands tied?". URL: http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:9ygtkkzdKQJ:www.fosters.com/article/20100124/GJOPINI_ON_0102/701249951+&cd=1&hl=en&ct=clnk&gl=ru&client=opera (дата обращения 25.07.2018).

¹¹ US National Strategy For The Arctic Region. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/nat_arctic_strategy.pdf С. 9 (дата обращения: 08.06.2018).

всеобщую практику, общепризнанную в качестве правовой нормы¹². Соответственно, те положения Конвенции 1982 г., которые стали нововведением в международном морском праве, американцами не признаются. Большинство экспертов сходится во мнении, что Часть XI не обрела статус обычного международного права. Такого мнения, в частности, придерживается Генеральный секретарь МОМД, авторитетный британский юрист М. Лодж [5, Lodge M., с. 734].

Применимость режима Района к Арктике

Вопрос о применимости режима Района к Арктике неизбежно приводит к обсуждению применимости в целом Конвенции 1982 г. к северному региону и последствий этого в отношении границ континентального шельфа прибрежных арктических государств. В России существует достаточно популярная позиция, согласно которой наше государство, ратифицировав Конвенцию 1982 г. и признав её применимость к Арктике путём подачи заявки в Комиссию по границам континентального шельфа (КГКШ)¹³, пошло по неверному пути и добровольно отказалось от прав на значительную площадь дна Северного Ледовитого океана [8, Вылегжанин А.Н., Дудыкина И.П., с. 284]. Такой подход, получивший название «секторального», предполагает, что Конвенция 1982 г. не является основой для управления Северным Ледовитым океаном, а составляет только один из источников, применимых к регулированию отношений между государствами в Арктике. В частности, утверждается, что в 1920-е гг. сложилась система секторального разделения Арктики пятью прибрежными государствами. Границы арктических секторов определялись меридианными линиями, сходящимися на Северном полюсе. Делается вывод, что «пять арктических государств вправе разграничить между собой все районы дна мелководного, полузамкнутого Северного Ледовитого океана как их континентального шельфа» [9, Иванов И.С., с. 31], и в этом случае в Арктике не будут сформированы участки дна, попадающие в категорию общего наследия человечества в соответствии с Частью XI Конвенции 1982 г. (поскольку она не является частью обычного международного права). Помимо этого, в качестве довода приводится якобы более выгодная позиция США, не участвующих в Конвенции и не обязанных признавать Район и МОМД в Арктике [8, Вылегжанин А.Н., Дудыкина И.П., с. 286].

Однако, как верно замечает А.В. Загорский [6, Загорский А.В., с. 65], в отечественной литературе существует множество работ, скрупулёзно опровергающих «секторальную» теорию разграничения шельфа Арктики. Целью данной статьи не является опровержение «секторального» подхода. Упомянем лишь один аргумент, подтверждающий применимость Конвенции 1982 г. к Арктике: в 2008 г. министры иностранных дел пяти прибрежных государств на встрече в Илулиссате (Гренландия) заявили, что в отношении Северного Ледовитого океана «применяется обширная международно-правовая база» [9, Иванов И.С., с. 31]. Из-

¹² Там же, С. 10.

¹³ КГКШ, как и МОМД, является новым явлением в международном морском праве, введённым Конвенцией 1982 г., и не относится к обычному международному праву.

вестно, что Конвенция 1982 г. в Илулиссатской декларации напрямую не упоминается только по той причине, что одно из пяти государств-участников — США — не является участником Конвенции. Тем не менее, впоследствии все прибрежные государства, в том числе Россия и США, неоднократно подтверждали, что в декларации имели в виду именно её [6, Загорский А.В., с. 23]. Более того, три из пяти прибрежных государств — Россия, Норвегия и Дания — уже подали свои заявки в КГКШ в отношении расширения границ континентального шельфа в Арктике, а Канада готовится сделать это в ближайшее время¹⁴. Это также говорит о том, что прибрежные государства пошли по пути признания применимости положений Конвенции 1982 г. к Арктике и уже предприняли конкретные действия в соответствии с ней. В этих условиях спекуляции на тему необходимости применения «секторального разделения» шельфа Арктики в обход положений Конвенции могли бы привести к повышению конфликтного потенциала в арктическом регионе.

По этой причине не вызывает сомнения верность утверждения Генерального секретаря МОМД М. Лоджа о том, что Северный Ледовитый океан, так же как и все остальные части Мирового океана (за некоторым исключением: например, акватории вокруг Антарктики), управляется положениями Конвенции 1982 г. и Соглашением 1994 г. Это предполагает, в частности, что участки дна за пределами внешних границ континентального шельфа будут рассматриваться в качестве Района, а разработка ресурсов на таких участках будет происходить в соответствии с разработанными МОМД правилами [10, Lodge M., с. 178].

Однако ответ на вопрос о границах Района в Арктике будет дан нескоро. Геоморфологические характеристики СЛО свидетельствуют о том, что большая часть дна сформирует континентальный шельф прибрежных государств [10, Lodge M., с. 179]. Конкретные координаты Района будут зависеть от границ расширенного континентального шельфа государств, установленных ими после получения рекомендаций КГКШ. Вместе с тем КГКШ к настоящему моменту вынесла рекомендации только в отношении норвежской заявки (в 2009 г.). Российская заявка, поданная в 2001 г. и скорректированная в 2015 г., как и датское представление 2014 г., находится на рассмотрении Комиссии. США смогут подать свою заявку только после ратификации Конвенции 1982 г. Более того, в силу высокой степени загруженности Комиссии вынесение рекомендаций по заявкам может затянуться на многие годы¹⁵. По некоторым исследованиям, в Северном Ледовитом океане может сформироваться от двух до четырёх отдельных друг от друга участков Района¹⁶. Они могут включать районы дна на хребте Гаккеля,

¹⁴ Canada to submit Arctic continental shelf claim in 2018. URL: <https://thebarentsobserver.com/en/arctic/2016/05/canada-submit-arctic-continental-shelf-claim-2018> (дата обращения: 08.06.2018).

¹⁵ Д. Тулупов. Уроки занимательной делимитации: как правильно разделить арктический шельф? // Официальный сайт РСМД. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=5583#top-content (дата обращения: 08.06.2018).

¹⁶ Non-Living Resources Of The Continental Shelf Beyond 200 Nautical Miles: Speculations On The Implementation Of Article 82 Of The United Nations Convention On The Law Of The Sea // ISA Technical Study Series. ISA Technical Study: no. 5. P. 20. URL: <https://www.isa.org.jm/sites/default/files/files/documents/techstudy5.pdf> (дата обращения: 08.06.2018).

не вошедшие в заявки России, Норвегии и Дании, а также на Канадской котловине (см. рис. 1).

Рис. 1. Возможные участки Района выделены белым. Источник: Университет Дарема.

Будущая деятельность МОМД в Арктике

1. Регулирование освоения ресурсов Района в Арктике

Основная и самая очевидная функция МОМД будет заключаться в рассмотрении и утверждении контрактов на разведку и добычу ресурсов глубоководного морского дна за пределами национальной юрисдикции в Арктике — в соответствии с описанным выше механизмом.

Ключевой вопрос в данном контексте: каковы запасы минеральных ресурсов будущего Района в Арктике? Необходимо отметить, что на сегодняшний день мировое сообщество не обладает сколь-нибудь точными данными на этот счёт [10, Lodge M., с. 181]. Бывший посол МИД России по арктическим вопросам А.В. Васильев, ссылаясь на оценки датских экспертов, указывает, что 95–97% разведанных запасов «углеводородов и других полезных ископаемых» на дне Арктики расположены в пределах 200 морских миль прибрежных государств, то есть в тех акваториях, в которых государства имеют бесспорные суверенные права в целях освоения ресурсов в соответствии с Конвенцией 1982 г. [11, Васильев А.В., с. 15]. Скептически оценивают запасы углеводородов за пределами 200 миль от побережья арктических государств и другие учёные¹⁷.

Согласно другому источнику, известному исследованию Геологической службы США (United States Geological Survey) 2008 г.¹⁸, «совокупный континентальный шельф Арктики мо-

¹⁷ Non-Living Resources Of The Continental Shelf Beyond 200 Nautical Miles: Speculations On The Implementation Of Article 82 Of The United Nations Convention On The Law Of The Sea // ISA Technical Study Series. ISA Technical Study: no. 5. P. 20. URL: <https://www.isa.org.jm/sites/default/files/files/documents/techstudy5.pdf> (дата обращения: 08.06.2018).

¹⁸ Circum-Arctic Resource Appraisal: Estimates of Undiscovered Oil and Gas North of the Arctic Circle // The U.S. Geo-

жет быть крупнейшим в мире расположением неразведанных запасов нефтегазовых ресурсов». Однако что касается центральной части Северного Ледовитого океана (районы Евразийского бассейна и котловины Макарова, на рис. 2 и табл. 1 “ЕВ” и “LM”), часть которого, предположительно, сформирует Район, суммарные запасы нефти и газа, в соответствии с тем же исследованием, могут составить примерно 7,6 млрд б.н.э. — это всего лишь 1–2% от неразведанных ресурсов Арктики.

Что касается иных минеральных ресурсов, то на хребте Гаккеля в районе между Гренландией и Норвегией было обнаружено несколько гидротермальных месторождений с перспективой нахождения залежей сульфидов. Не исключено наличие подобных запасов и на других хребтах Северного Ледовитого океана [12, Byers M., с. 193–194].

Однако сегодня разведка и добыча ресурсов глубоководного дна Арктики является задачей практически неразрешимой. Добыча в ледовых условиях на глубинах свыше 60 метров потребует технологий, которых в мире в ближайшей и среднесрочной перспективе не будет [13, Чупров В.А., с. 13]. Тогда как запасы ресурсов, в отношении которых в Районе сейчас ведётся разведка (корки, конкреции и сульфиды), залегают на глубинах от 400 до 5 000 метров¹⁹.

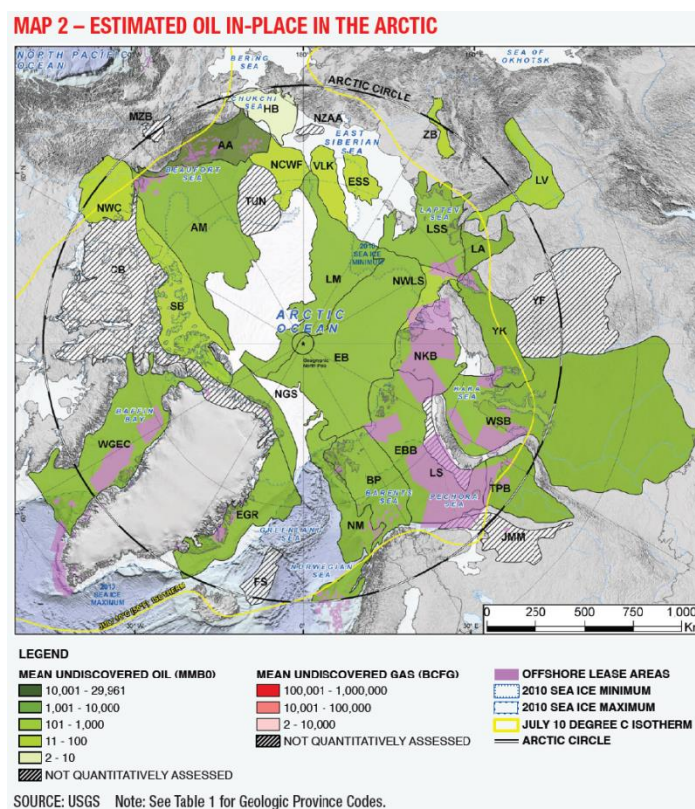

Рис. 2. Оценки запасов нефтегазовых ресурсов Арктики по данным USGS.

logical Survey. URL: <https://pubs.usgs.gov/fs/2008/3049/fs2008-3049.pdf> (дата обращения: 08.06.2018).

¹⁹ Морские минеральные ресурсы // Брошюра МОМД. С. 2. URL: https://www.isa.org.jm/sites/default/files/documents/ia6_rus.pdf (дата обращения: 08.06.2018).

Таблица 1

Оценки запасов нефтегазовых ресурсов Арктики по данным USGS

TABLE 1 – ESTIMATED OIL & GAS IN-PLACE IN THE ARCTIC Sorted from largest to smallest prize in MMBOE for each geological province					
PROVINCE CODE	GEOLOGICAL PROVINCE	OIL (MMBO)	TOTAL GAS (BCFG)	NGL (MMBNGL)	BOE (MMBOE)
WSB	West Siberian Basin	3,659.88	651,498.56	20,328.69	132,571.66
AA	Arctic Alaska	29,960.94	221,397.60	5,904.97	72,765.52
EBB	East Barents Basin	7,406.49	317,557.97	1,422.28	61,755.10
EGR	East Greenland Rift Basins	8,902.13	86,180.06	8,121.57	31,387.04
YK	Yenisey-Khatanga Basin	5,583.74	99,964.26	2,675.15	24,919.61
AM	Amerasia Basin	9,723.58	56,891.21	541.69	19,747.14
WGEC	West Greenland-East Canada	7,274.40	51,818.16	1,152.59	17,063.35
LSS	Laptev Sea Shelf	3,115.57	32,562.84	867.16	9,409.87
NM	Norwegian Margin	1,437.29	32,281.01	504.73	7,322.19
BP	Barents Platform	2,055.51	26,218.67	278.71	6,704.00
EB	Eurasia Basin	1,342.15	19,475.43	520.26	5,108.31
NKB	North Kara Basins and Platforms	1,807.26	14,973.58	390.22	4,693.07
TPB	Timan-Pechora Basin	1,667.21	9,062.59	202.80	3,380.44
NGS	North Greenland Sheared Margin	1,349.80	10,207.24	273.09	3,324.09
LM	Lomonosov-Makarov	1,106.78	7,156.25	191.55	2,491.04
SB	Sverdrup Basin	851.11	8,596.36	191.20	2,475.04
LA	Lena-Anabar Basin	1,912.89	2,106.75	56.41	3,320.43
NCWF	North Chukchi-Wrangell Foreland Basin	85.99	6,065.76	106.57	1,203.52
VLK	Vilkitskii Basin	98.03	5,741.87	101.63	1,156.63
NWLS	Northwest Laptev Sea Shelf	172.24	4,488.12	119.63	1,039.90
LV	Lena-Vilyui Basin	376.86	1,335.20	35.66	635.06
ZB	Zyryanka Basin	47.82	1,505.99	40.14	338.95
ESS	East Siberian Sea Basin	19.73	618.83	10.91	133.78
HB	Hope Basin	2.47	648.17	11.37	121.87
NWC	Northwest Canada Interior Basins	23.34	305.34	15.24	89.47
MZB	Mezen Basin	NQA ⁽¹⁾	NQA	NQA	NQA
NZAA	Novaya Zemlya Basins and Admiralty Arch	NQA	NQA	NQA	NQA
TUN	Tunguska Basin	NQA	NQA	NQA	NQA
CB	Chukchi Borderland	NQA	NQA	NQA	NQA
YF	Yukon Flats (part of Central Alaska Province)	NQA	NQA	NQA	NQA
LS	Long Strait	NQA	NQA	NQA	NQA
JMM	Jan Mayen Microcontinent	NQA	NQA	NQA	NQA
FS	Franklinian Shelf	NQA	NQA	NQA	NQA
Totals		89,983.21	1,668,657.84	44,064.24	412,157.09
SOURCE: USGS (http://pubs.usgs.gov/fs/2008/3049/) Note: 1) NQA - Not Quantitatively Assessed					

2. Взносы за разработку минеральных ресурсов шельфа за пределами 200 миль

Другой вопрос, которым займётся МОМД в Арктике и который встанет раньше других, — это реализация положений статьи 82 Конвенции 1982 г. Статья 82 вырабатывалась в качестве положения, уравнивающего возможность расширения континентального шельфа прибрежных государств за пределы 200 морских миль — и, соответственно, уменьшения площади потенциального Района²⁰. Согласно ей, прибрежное государство производит отчисления или «взносы натурой» в связи с разработкой неживых ресурсов континентального шельфа за пределами 200 морских миль. Отчисления производятся ежегодно по истечении первых пяти лет добычи. Размер отчислений за шестой год составляет 1% стоимости или объёма добытой продукции и увеличивается на 1% каждый последующий год до истечения 12-го года и затем сохраняется на уровне 7%.

²⁰ Issues Associated With The Implementation Of Article 82 Of The United Nations Convention On The Law Of The Sea. // International Seabed Authority's technical study. URL: <https://www.isa.org.jm/sites/default/files/files/documents/tstudy4.pdf> (дата обращения: 08.06.2018).

Согласно Конвенции, МОМД играет важную роль в этом процессе: отчисления делаются через Орган, который распределяет их между остальными государствами-участниками Конвенции, принимая во внимание интересы и потребности развивающихся государств, особенно наименее развитых и не имеющих выхода к морю (п. 4 ст. 84).

Ответственность за реализацию положений ст. 82 несут совместно прибрежные государства, осваивающие ресурсы расширенного шельфа, и МОМД, распределяющий взносы и отчисления от такой деятельности. До сих пор ст. 82 не применялась на практике, хотя ряд стран (в том числе и арктические — США и Канада²¹) уже выдали разрешения на разведку и добычу ресурсов своего континентального шельфа за пределами 200 миль.

Несмотря на свою лаконичность, статья 82, отчасти в силу новаторского характера, содержит в себе множество неясностей в отношении понятий и механизмов реализации. Так, пояснений требует понятие «объём добытой продукции» (сырьё или «чистый продукт?»), как должна рассчитываться её стоимость, что подразумевается под «взносом натурой» и кто будет нести расходы по доставке таких взносов Органу. Дополнительно должен быть проработан вопрос об обложении отчислениями трансграничных месторождений (расположенных на границе шельфов разных государств за пределами 200 миль или между континентальным шельфом и Районом). Также отсутствуют чёткие критерии распределения полученных МОМД отчислений между развивающимися государствами²².

Для прояснения этих и других вопросов, связанных с реализацией статьи 82 Конвенции 1982 г., по инициативе Органа и британского Королевского института международных отношений (Chatham House) с 2009 г. проводятся круглые столы и совещания экспертов²³. Что касается Арктики, то интерес представляет рекомендация, сделанная на одной из таких сессий, — Орган и добывающие государства могли бы заключать специальные соглашения с целью реализации положений ст. 82. Органу было предложено в этой связи разработать форму и стандартные условия такого договора [10, Lodge M., с. 183].

3. Проведение морских научных исследований в Районе в Арктике

В соответствии с Конвенцией 1982 г., все государства имеют право на проведение морских научных исследований (ст. 238). Документ содержит специальные положения в отношении исследований в Районе. Согласно ст. 256, все государства (не только государства-участники, что важно), независимо от их географического расположения, имеют право проводить научные исследования в Районе в соответствии с Частью XI. В свою очередь Часть XI (ст. 143) гласит, что морские научные исследования в Районе проводятся исключительно в мирных целях и на благо всего человечества. МОМД также может осуществлять такие ис-

²¹ Там же

²² Там же

²³ Более подробно см. технические исследования МОМД URL: <https://www.isa.org.jm/sites/default/files/files/documents/tstudy4.pdf>; https://www.isa.org.jm/sites/default/files/files/documents/ts15-web_0.pdf; <https://www.isa.org.jm/sites/default/files/files/documents/ts12-web.pdf> (дата обращения: 08.06.2018).

следования в Районе и заключать контракты с этой целью. Роль Органа заключается в содействии и поощрении исследований в Районе, их координации и распространении результатов. Далее, государства-участники Конвенции (а не все государства, как в ст. 256) обязаны поощрять международное сотрудничество в области морских научных исследований определённым образом, в частности, участием в международных научных программах, распространением результатов научной деятельности через Орган или иные международные организации, а также путём разработки программ, с целью поддержки развивающихся стран, укрепления их исследовательского потенциала и подготовки их кадров.

Арктика имеет давнюю историю международных научных исследований. С учётом происходящих сегодня климатических изменений, роль научного изучения севера становится всё важнее. Подтверждением этого служит заключение международного соглашения между 8 арктическими государствами о сотрудничестве в области проведения научных исследований²⁴. В свете вышеупомянутых положений Конвенции 1982 г., большая ответственность за реализацию обязанностей по укреплению научного сотрудничества ложится на региональные межгосударственные организации и площадки: прежде всего, Арктический совет, а также Международный арктический научный комитет (IASC), которые могли бы взять на себя функции медиаторов в налаживании взаимодействия с Органом и распределении результатов научной деятельности [10, Lodge M., с. 186]. Естественно, при этом должна учитываться разница в характере научных исследований. Например, сбор научных данных о природе морского дна с целью доказывания его континентальной природы для Комиссии по границам континентального шельфа не должен подпадать под положения о распространении результатов исследований. Другое дело — научные изыскания для улучшения понимания происходящих в Арктике процессов. Именно на них и должно быть направлено широкое международное сотрудничество и содействующая деятельность Органа, поскольку получение подобных знаний находится в интересах всех государств.

Роль МОМД в контексте комплексного экосистемного управления морскими пространствами Арктики

В настоящее время в области глобального регулирования морской деятельности происходят определённые изменения, которые должны приниматься во внимание и в отношении Арктики. В частности, экологическая проблематика выдвигается на первый план в мировой повестке дня, касающейся управления морскими пространствами [14, Гудев П.А., с. 100]. На глобальном и региональном уровнях обсуждаются комплексные трансграничные (т.е. охватывающие все юридические категории морских пространств, включая Район и открытое море) меры по защите морской окружающей среды от вредного воздействия человеческой деятельности.

²⁴ Agreement on Enhancing International Arctic Scientific Cooperation. URL: <https://oaarchive.arctic-council.org/handle/11374/1916> (дата обращения: 08.06.2018).

Арктика не остаётся в стороне от данных тенденций. Вопросы защиты окружающей среды всегда были в центре внимания Арктического совета (АС)²⁵. С недавних пор проблема комплексного трансграничного управления морскими пространствами выделилась в отдельное направление работы АС. С 2015 г. в его рамках функционирует Целевая группа по вопросам арктического морского сотрудничества (Task Force on Arctic Marine Cooperation). Её текущий мандат — оценка необходимости создания потенциального нового органа для интегрированного и комплексного экосистемного управления морскими акваториями Арктики, а также совершенствования существующих механизмов АС в этих же целях²⁶.

Однако создание подобного механизма подразумевает успешное решение ряда существующих проблем. Одна из них заключается в секторальном (отраслевом) характере действующей системы регулирования морской деятельностью [15, Molenaar E.J., Elferink A.G., с. 10]. Если даже какой-либо из существующих глобальных механизмов обладает полномочиями в сфере трансграничной защиты морской среды, принимаемые им меры имеют отношение к строго определённым видам человеческой деятельности. Так, Международная морская организация (ИМО), призванная регулировать безопасность судоходства, вправе рассматривать вопрос о создании особых районов (Special Areas) и морских районов с особой уязвимостью (Particularly Sensitive Sea Areas), в том числе за пределами национальной юрисдикции, в которых действуют более строгие правила судоходства, ограничивающие или запрещающие определённые виды деятельности с целью защиты морской среды²⁷. В отношении регулирования рыболовства действует глобальный механизм в виде Соглашения 1995 г. об осуществлении положений Конвенции 1982 г., которые касаются сохранения трансграничных рыбных запасов и запасов далеко мигрирующих рыб (далее — Соглашение 1995 г.)²⁸. В рамках Соглашения 1995 г. в мире действует сеть региональных рыбохозяйственных организаций (РХО), обладающих значительными полномочиями по трансграничной защите рыбных запасов, в том числе по созданию закрытых для рыболовства морских районов. Кроме того, регулятивные меры в сфере рыболовства вправе принимать Международная продовольственная и сельскохозяйственная организация.

МОМД также относится к глобальным механизмам, имеющим секторальные полномочия по защите морской среды от ущерба, наносимого конкретным видом деятельности — разведкой и добычей минеральных ресурсов Района. С этой целью Орган может в том числе

²⁵ Official web-site of the Arctic Council. URL: <http://www.arctic-council.org/index.php/ru/about-us> (дата обращения: 08.06.2018).

²⁶ Report to Ministers of the Task Force on Arctic Marine Cooperation (TFAMC) // Arctic Council. URL: <https://oarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/1923/2017-04-30-Edocs-4079-v3-TFAMC-report-to-ministers-with-cover-and-colophon.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 08.06.2018).

²⁷ Более подробно о глобальных и региональных механизмах см. PROTECTING THE MARINE ENVIRONMENT IN AREAS BEYOND NATIONAL JURISDICTION. // Foundation for International Environmental Law and Development. URL: http://www.lighthouse-foundation.org/fileadmin/LHF/PDF/field_mpas_guide_april_2012.pdf (дата обращения: 08.06.2018).

²⁸ Соглашение об осуществлении положений Конвенции Организации Объединённых Наций по морскому праву от 10 декабря 1982 года, которые касаются сохранения трансграничных рыбных запасов и запасов далеко мигрирующих рыб и управления ими.

устанавливать морские охраняемые районы (“участки, представляющие особый экологический интерес”), в которых запрещена разведка и разработка ресурсов. Так, в 2012 г. МОМД утвердил план экологического управления в отношении Зоны Кларион-Клиппертон, который предусматривает создание 9 участков особого экологического интереса²⁹.

Существуют и другие виды секторальных глобальных механизмов, однако до сих пор отсутствует какой-то универсальный, интегрированный инструмент комплексного экосистемного управления морскими пространствами общемирового уровня. Тем не менее, попытки его создания предпринимаются. Так, в данный момент ведётся работа по принятию соглашения, дополняющего Конвенцию 1982 г., по сохранению и устойчивому использованию морского биоразнообразия в районах за пределами национальной юрисдикции, имеется решение Генассамблеи о создании специальной конференции по подготовке соглашения³⁰.

В условиях отсутствия единого глобального межотраслевого механизма инициатива ушла на региональный уровень. В мире действует значительное число региональных организаций по защите морской среды того или иного района Мирового океана. Однако в процессе реализации регионального экосистемного регулирования морской деятельности государства сталкиваются с другой проблемой — с эффективным привлечением государств, не участвующих в региональном механизме (третьих государств), к реализации вырабатываемых мер в отношении участков за пределами национальной юрисдикции. Исходное положение международного права: в открытом море действуют свободы открытого моря, а суда подчиняются юрисдикции государства флага. Очевидно, что государства региона могут договориться об изменении общего режима и ограничить установленные Конвенцией 1982 г. свободы в отношении себя и лиц, находящихся в их юрисдикции. Однако ограничить права третьих государств они не вправе [15, Molenaar E.J., Elferink A.G., с. 18].

Согласно отчёту ЮНЕП за 2017 г.³¹, на данный момент участки за пределами национальной юрисдикции так или иначе включены в географические районы действия пяти региональных механизмов: Комиссии ОСПАР (Комиссия по защите морской среды Северо-Восточной Атлантики), Комиссии по сохранению морских живых ресурсов Антарктики (АНТКОМ), механизмов Барселонской конвенции о защите Средиземного моря от загрязнения, Конвенции о защите природных ресурсов южной части Тихого океана и Конвенции о защите морской среды и прибрежной зоны юго-восточной части Тихого океана.

В процессе выстраивания комплексной экосистемной архитектуры управления акваториями Северного Ледовитого океана арктическим государствам предстоит дать свой ответ

²⁹ Решение Совета относительно плана экологического обустройства для зоны Кларион-Клиппертон. // International Seabed Authority. URL: https://www.isa.org.jm/sites/default/files/documents/isba-18c-22_1_1.pdf (дата обращения: 08.06.2018).

³⁰ Резолюция 72/249, принятая Генеральной Ассамблеей 24 декабря 2017 года. URL: <http://undocs.org/ru/a/res/72/249> (дата обращения: 08.06.2018).

³¹ Regional Seas programmes covering Areas Beyond National Jurisdictions // UNEP. URL: http://www.un.org/Depts/los/biodiversityworkinggroup/Regional_seas_programmes_ABNJ.pdf (дата обращения: 08.06.2018).

на ключевые вопросы: как преодолеть секторальный характер управления и как привлечь третьи государства к соблюдению мер на участках за пределами национальной юрисдикции. На наш взгляд, для Арктики полезным представляется опыт Комиссии ОСПАР. Государства-участники ОСПАР пошли по пути координации своей деятельности с отраслевыми глобальными организациями-регуляторами морской деятельности. Так, в 2014 г. ОСПАР и НЕАФК — региональная РХО в Северо-восточной Атлантике, действующая в рамках Соглашения 1995 г. — подписали соглашение о совместной деятельности, в том числе в отношении акваторий за пределами национальной юрисдикции. Также в данный момент ОСПАР предпринимает активные попытки скоординировать свои усилия с ИМО и МОМД, а также другими организациями. Однако, как следует из последних отчётов ОСПАР, пока дело ограничивается необязывающими документами. С МОМД подписан меморандум о взаимопонимании³².

Координация с РХО, ИМО, МОМД и другими общемировыми организациями может обеспечить региональной организации определённые преимущества. Во-первых, повышается легитимность установления мер по защите морской среды, в особенности за пределами национальной юрисдикции. Правомочия таких организаций, как ИМО и МОМД, по ограничению тех или иных видов деятельности на море никем не оспариваются. Во-вторых, за счёт вовлечения различных отраслевых механизмов создаётся эффект комплексности и преодолевается проблема секторальности. Достижению эффекта синергии может способствовать установление единого для всех организаций источника получения научных данных (таким источником может быть, например, Международный совет по исследованию моря). Наконец, в-третьих, таким образом к соблюдению экосистемных мер привлекается широкий круг остальных государств. Очевидно, что представительство стран в глобальных международных организациях типа ИМО и МОМД гораздо выше, чем в любом региональном механизме. В этом смысле координация с ними даёт региональной организации возможность непрямого (прямое воздействие, как уже отмечалось, будет нарушением международного морского права) воздействия на третьи страны, не являющиеся участниками этого регионального механизма.

Обратной стороной медали является сложность координации действий в регионе государств, являющихся участниками разных международных организаций, в том случае, если решения организаций не будут согласованы между собой. В исследовании Molenaar и Elferink приведена такая гипотетическая ситуация: должно ли государство, будучи участником Конвенции 1982 г. и одновременно участником регионального механизма, установившего морской охраняемый район на участке дна за пределами национальной юрисдикции, проголосовать в Органе против решения об одобрении разведочного бурения, соответствующего положениям Конвенции 1982 г. и правилам Органа, на том же участке [15, Molenaar E.J., Elferink A.G., с. 19]?

³² 2016 Status Report on the OSPAR Network of Marine Protected Areas // OSPAR. URL: <https://www.ospar.org/documents?v=37521> (дата обращения: 08.06.2018).

Будучи глобальным механизмом по регулированию освоения ресурсов Района и обладая полномочиями по защите экосистем от вредных последствий этого вида деятельности, МОМД будет, безусловно, задействован в создании интегрированного трансграничного механизма экосистемного управления акваториями Северного Ледовитого океана. Несмотря на то, что в Арктике до формирования границ Района остаётся много времени, уже сейчас очевидно, что наряду с другими отраслевыми глобальными организациями, Орган может внести в этот процесс значительный вклад. Поскольку главной площадкой по международному сотрудничеству в Арктике является Арктический совет, вероятно, на него в будущем ляжет основная ответственность за координацию усилий арктических государств с МОМД и другими международными организациями. Возможно, по примеру ОСПАР стоит рассмотреть вариант заключения с ними меморандумов о взаимопонимании или соглашений.

Заключение

Концепция Района как общего наследия человечества и МОМД как организации, через которую государства осуществляют освоение ресурсов Района, является одним из ключевых нововведений Конвенции 1982 г. Несмотря на продолжающиеся споры о применимости положений Части XI Конвенции 1982 г., определяющей основы деятельности МОМД, в Арктике, сегодня очевидным представляется, что все прибрежные арктические государства выразили свою приверженность Конвенции 1982 г. При этом четыре государства из «пятёрки» (кроме США) уже предприняли реальные действия по установлению внешних границ расширенного континентального шельфа и его отделению от Района так, как это закреплено Конвенцией 1982 г. В этой ситуации отход от конвенционного порядка будет сопряжён с существенными рисками нарастания конфликтного потенциала Арктики.

Несмотря на то, что границы Района пока не определены и временной горизонт окончательного его формирования в Арктике может растянуться на десятилетия, уже сейчас прослеживаются определённые направления деятельности Органа на Крайнем Севере. Роль МОМД в Арктике будет носить многозначный характер. Основная функция — регулирование разведки и добычи минеральных ресурсов дна за пределами национальной юрисдикции. Однако на данный момент научные данные о запасах арктических ресурсов потенциального Района крайне скудны. Кроме того, современные технологии не позволяют извлекать ресурсы с глубоководных участков дна в тяжёлых ледовых условиях Арктики.

Помимо основной своей функции Орган будет задействован и в решении других задач. Это касается реализации положений Конвенции 1982 г. об отчислениях прибрежных государств за освоение ресурсов континентального шельфа за пределами 200 морских миль, участия в налаживании международного сотрудничества в области морских научных исследований в Районе, распределении их результатов и др. Кроме того, в среднесрочной перспективе важная задача МОМД видится в участии в комплексном трансграничном и межотраслевом экосистемном управлении акваториями Арктики.

Литература

1. Ujvari B. Vying for Sovereign Rights in the Central Arctic Ocean: Does the Law of the Sea Convention 1982 cope? Aarhus: Aarhus University, 2012. 20 p.
2. Lodge M. The International Seabed Authority and Deep Seabed Mining // *UN Chronicle*. Volume LIV Nos. 1 & 2. 2017. May. 2017. P. 1.
3. Egede E. *Africa and the Deep Seabed Regime: Politics and International Law of the Common Heritage of Mankind*. Springer, 2011. 305 p.
4. Guntrip E. The common heritage of mankind: an adequate regime for managing the deep seabed? // *Melbourne Journal of International Law*. Vol. 4, 2003. pp. 376–405.
5. Lodge M. The Common Heritage of Mankind // *The International Journal of Marine and Coastal Law*. 2012. No. 27. Pp. 733–742.
6. Международно-политические условия развития Арктической зоны Российской Федерации. Под ред. А.В. Загорского. М.: Магистр, 2015. 304 с.
7. Гудев П.А. Приоритеты США в Арктике // *Мировая экономика и международные отношения*. 2013. № 9, С. 49–60.
8. Вылегжанин А.Н., Дудыкина И.П. Конвенция ООН по морскому праву и правовой режим арктического шельфа // *Международное и европейское право*. 2017. № 1. С. 284–302.
9. Арктический регион: Проблемы международного сотрудничества: хрестоматия : в 3 т. / общ. ред. И. С. Иванова. Российский совет по межд. делам (РСМД). М.: Аспект Пресс, 2013. Т. 3. 663 с.
10. Lodge M.W. The International Seabed Authority and the Arctic. In: Wasum-Rainer S., Winkelmann I., Tiroch K. (eds) *Arctic Science, International Law and Climate Change. Beiträge zum ausländischen öffentlichen Recht und Völkerrecht (Veröffentlichungen des Max-Planck-Instituts für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht)*, vol 235. Springer, Berlin, Heidelberg. 2012 Pp. 175-188
11. Васильев А.В. Ситуация в Арктике и основные направления международного сотрудничества в регионе // Арктический регион: Проблемы международного сотрудничества: хрестоматия : в 3 т. / общ. ред. И.С. Иванова. Российский совет по межд. делам (РСМД). М.: Аспект Пресс, 2013. Т. 1. С. 14–24.
12. Byers M. *International law and the Arctic*. Cambridge: Cambridge University Press. 2013. 314 p.
13. Чупров В.А. Создание международной охраняемой природной территории в открытом море Северного Ледовитого океана: перспективы международного сотрудничества для Российской Федерации и других арктических государств // *Арктические ведомости*. №1 (20) / 2017. С. 10–17.
14. Гудев П.А. Перспективы формирования международного режима в Арктике // *Международная жизнь*. 2014. № 2. С. 88–101.
15. Molenaar E.J., Oude Elferink A.G. Marine protected areas in areas beyond national jurisdiction. The pioneering efforts under the OSPAR Convention // *Utrecht Law Review*. 2009, 5 (1), pp. 5–20.

References

1. Ujvari B. Vying for Sovereign Rights in the Central Arctic Ocean: Does the Law of the Sea Convention 1982 cope? *Spring*, 2012, Aarhus: Aarhus University, 20 p.
2. Michael Lodge. The International Seabed Authority and Deep Seabed Mining. *UN Chronicle*. Volume LIV, 2017, nos. 1 & 2, p. 1.
3. Egede E. *Africa and the Deep Seabed Regime: Politics and International Law of the Common Heritage of Mankind*. Springer, 2011, 305 p.
4. Guntrip E. The common heritage of mankind: an adequate regime for managing the deep seabed? *Melbourne Journal of International Law*, vol. 4, 2003, pp. 376–405.
5. Lodge M.W. The Common Heritage of Mankind. *The International Journal of Marine and Coastal Law*, 2012, no. 27, pp. 733–742.
6. *Mezhdunarodno-politicheskie usloviya razvitiya Arkticheskoi zony Rossiyskoi Federatsii* [International political development of the Arctic Zone of the Russian Federation]. Ed. by A.V. Zagorskiy. Moscow, Magistr Publ., 2015, 304 p. (in Russ.).

7. Gudev P.A. Prioritety SShA v Arktike [USA priorities in the Arctic]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnie otnosheniya* [World economy and international relations], 2013, no. 9, pp. 49–60.
8. Vylegzhanin A.N., Dudykina I.P. Konvenciya OON po morskomu pravu i pravovoi rezhim arkticheskogo shelfa [Law of the Sea Convention and the legal regime of the Arctic shelf]. *International and European law*, 2017, no. 1, pp. 284–302.
9. Arkticheskiy region: problem mezhdunarodnogo sotrudnichestva: khrestomatiya. [Arctic region: problems of international cooperation]. Ed. by I.S. Ivanov. Moscow, Aspekt-Press Publ., 2013, vol. 3, 663 p. (in Russ.).
10. Lodge M.W. (2012) The International Seabed Authority and the Arctic. In: Wasum-Rainer S., Winkelmann I., Tiroch K. (eds) *Arctic Science, International Law and Climate Change. Beiträge zum ausländischen öffentlichen Recht und Völkerrecht* (Veröffentlichungen des Max-Planck-Instituts für ausländisches öffentliches Recht und Völkerrecht), vol 235. Springer, Berlin, Heidelberg. Pp. 175–188
11. Vasiliev A.V. Situatsiya v Arktike i osnovnye napravleniya mezhdunarodnogo sotrudnichestva v regione [Situation in the Arctic and the main issues of international cooperation in the region]. *Arkticheskiy region: problem mezhdunarodnogo sotrudnichestva: khrestomatiya* [Arctic region: problems of international cooperation]. Ed. by I.S. Ivanov. Moscow, Aspekt-Press Publ., 2013, vol. 1, pp. 14–24 (in Russ.).
12. Byers M. *International law and the Arctic*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013, 314 p.
13. Chuprov V.A. Sozdanie mezhdunarodnoi okhranyaemoi prirodnoi territorii v otkrytom more Severnogo Ledovitogo okeana: perspektivy mezhdunarodnogo sotrudnichestva dlya Rossiiskoi Federatsii i drugikh arkticheskikh gosudarstv [Establishment of international marine protected area in the high seas of the Arctic Ocean: potential for international cooperation for the Russian Federation and other arctic states]. *The Arctic herald*, 2017, no. 1 (20), pp. 10–17.
14. Gudev P.A. Perspektivy formirovaniya mezhdunarodnogo rezhima v Arktike [Prospects of development of the international regime in the Arctic]. *International Affairs*, 2014, no. 2, pp. 88–101.
15. Molenaar E.J. & Oude Elferink A.G. Marine protected areas in areas beyond national jurisdiction. The pioneering efforts under the OSPAR Convention. *Utrecht Law Review*, 2009, no.5 (1), pp. 5–20.

СЕВЕРНЫЕ И АРКТИЧЕСКИЕ СОЦИУМЫ NORTHERN AND ARCTIC SOCIETIES

УДК [323.1:316.334.56](985)(045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.34.110

Этноконфессиональные факторы комфортности городского пространства в АЗРФ *

© **ВЕРЕЩАГИН Илья Фёдорович**, кандидат исторических наук, доцент

E-mail: zapgu@yandex.ru

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия

© **МАКСИМОВ Антон Михайлович**, кандидат политических наук, доцент

E-mail: amm15nov@yandex.ru

Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени Н.П. Лаверова РАН, Архангельск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается влияние этнической и конфессиональной структуры населения крупных городов АЗРФ на комфортность городского пространства. Авторы выделяют основные требования, предъявляемые к городскому пространству социальными группами, исходя из их этнической и конфессиональной принадлежности. Определяются основные городские объекты и пространства, естественно-исторически создаваемые для нужд этнических и конфессиональных групп. В исследовании применены методы социального картографирования, наблюдения, анализа статистических данных. На примере крупных городов регионов АЗРФ авторы показывают бессистемный характер удовлетворения этноконфессиональных потребностей в сфере создания комфортного городского пространства. Это связано в первую очередь с разнообразной историей возникновения городских поселений в Арктической зоне, а также функциональным назначением населённых пунктов, которые различаются по численности и составу жителей. Исходя из данной дифференциации, выделяются соответствующие типы городских поселений. Основываясь на относительно успешном примере политики столичного региона, в статье выдвигаются рекомендации по совершенствованию соответствующей политики городских муниципалитетов АЗРФ. Обращается внимание на возможные особенности подобной политики, учитывая специфику арктических городов и миграционных процессов, происходящих в данном регионе.

Ключевые слова: этнокультурное разнообразие, этноконфессиональный состав населения, комфортность городского пространства, Арктическая зона РФ.

Ethnic and confessional factors of comfort of the urban space in the Russian Arctic

© **Ilya F. VERESCHAGIN**, Cand. Sci. (Hist.), Associated Professor

E-mail: zapgu@yandex.ru

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

© **Anton M. MAKSIMOV**, Cand. Sci. (Pol.), Associated Professor

E-mail: amm15nov@yandex.ru

Federal Center for Integrated Arctic Research named after N.P. Laverov of the RAS, Arkhangelsk, Russia

Abstract. The article deals with the influence of the ethnic and religious structure of the population of large cities of the Russian Arctic on the comfort of the urban space. The authors highlight the basic requirements

* Для цитирования:

Верещагин И.Ф., Максимов А.М. Этноконфессиональные факторы комфортности городского пространства в АЗРФ // Арктика и Север. 2019. № 34. С. 110–132. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.34.110

For citation:

Vereschagin I.F., Maksimov A.M. Ethnic and confessional factors of comfort of the urban space in the Russian Arctic. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 34, pp. 110–132. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.34.110

for the urban space by social groups, based on their ethnic and religious affiliation. The main urban objects and spaces naturally and historically created for the needs of ethnic and religious groups are determined. The study used methods of social mapping, observation, analysis of statistical data. On the example of large cities in the regions of the Russian Arctic, the authors show the unsystematic nature of meeting ethnic and religious needs in the creation of comfortable urban space. According to the authors, this is primarily due to the diverse history of urban settlements in the Arctic zone, as well as the functional purpose of settlements, which differ in number and composition of residents. Based on this differentiation, the corresponding types of urban settlements are distinguished. Based on the relatively successful example of the policy of the capital region, the article makes recommendations for improving the proper administration of the urban municipalities of the Russian Arctic. Attention is drawn to the possible features of such a policy, considering the specifics of the Arctic cities and migration processes taking place in the region.

Keywords: *ethno-cultural diversity, ethno-confessional composition of the population, the comfort of the urban space, the Arctic zone of the Russian Federation.*

Введение

Формирование комфортного городского пространства сейчас является весьма актуальной темой. Ощувив себя уже в постиндустриальной эпохе, горожанин понимает, что его пространство не может складываться только из жилых и торгово-промышленных зон. У него существует масса потребностей, в том числе духовного характера, которые он бы хотел удовлетворить в городском пространстве. Это же должна понимать и администрация муниципалитета, чтобы в реализации своей управленческой деятельности не совершить ошибки. Она должна коммуницировать с городской общественностью для понимания того, как следует развивать городской ландшафт. Но ошибочно было бы ограничиваться дорогами и парковыми зонами — комфортность городского пространства испытывает влияние массы факторов, в том числе этноконфессионального характера.

Культовые сооружения изначально определяли логику развития городского поселения. Как отмечает Г.Л. Гольц, «создание сети храмовых сооружений в регионах и больших пространственно-культурных общностях людей <...> сыграло важную роль в развитии урбанизированных структур, появление которых вводило в жизнь закономерности их функционирования» [1, Гольц Г.Л., с. 49]. Очевидно, что отечественные города отчасти пострадали в архитектурном плане от советской эпохи (хотя в значительной степени и приобрели): многие культовые сооружения были разрушены или перепрофилированы. В последние десятилетия их восстанавливают, и это важно, поскольку «наследие несет в себе культурные и цивилизационные коды нации; на нём основывается идентичность как отдельных городских обществ, так и нации в целом; утрата наследия неизбежно ведет к тому, что общество теряет опору и корни, без которых невозможно никакое развитие» [2, Городков А.В., с. 10].

Н.П. Шепелев, М.С. Шумилов отмечали, что «современные градостроители не имеют опыта построения систем культовых сооружений, а простое перенесение предшествующего опыта и традиций не всегда сможет дать положительные результаты в условиях функционирования современного многоэтажного города и устремившейся вверх застройки» [3, Шепелев Н.П., Шумилов М.С., с. 23]. Авторы считали, что необходимо разрабатывать программы развития городских культовых систем с учётом выбора места и вместимости помещений. И в

этом отношении градостроителям и муниципалитетам следует ориентироваться на мнение лидеров этноконфессиональных групп, которым стоит разрабатывать свои документы рекомендательного и методического характеров.

Ю.В. Катаева обращает внимание на то, что благодаря нерегулируемой миграции и изменениям этносоциального состава горожан, возникают проблемы сосуществования представителей этнических групп, взаимодействия этнонациональных культур и урегулирования конфессиональных разногласий [4, Катаева Ю.В., с. 133]. Данные проблемы должны решаться на уровне муниципалитета. Я.К. Копытова считает, что «в основе городского планирования должна быть заложена идея мультикультурализма, позволяющая снизить социальную напряжённость и обеспечить интеграцию приезжего населения в город» [5, Копытова Я.К., с. 45]. Вероятно, это должно выражаться и в создании этнокультурных объектов в городской среде.

Но власть не стремится внести ясность в политику муниципалитетов относительно этноконфессиональных факторов комфортности городского пространства. Согласно Своду правил СП 42.13330.2011 «Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений», принятому в Министерстве регионального развития РФ, планировочную структуру городских поселений следует формировать, предусматривая среди прочего «комплексный учёт архитектурно-градостроительных традиций, природно-климатических, историко-культурных, этнографических и других местных особенностей»¹. В документе указывается то, что культовые сооружения могут размещаться в жилых и общественно-деловых зонах. В приложении к правилам, которое характерно названо «Нормы расчёта учреждений и предприятий обслуживания и размеры их земельных участков», указана категория «Институты культового назначения», при этом речь идёт исключительно о православных учреждениях: 7,5 храмов на 1 000 православных верующих, размещение предполагает согласование с местной епархией. Но в целом в правилах ничего не сказано про этноконфессиональные учреждения в городской среде.

Федеральный приоритетный проект «Формирование комфортной городской среды», рассчитанный на период 2017–2020 гг., также не берёт в расчёт этноконфессиональные факторы комфортности. В качестве обязательных и первоочередных мероприятий указываются, например, благоустройство дворовых территорий, благоустройство мест массового отдыха, обустройство объектов инфраструктуры для доступности городской среды среди маломобильных групп населения, создание инфраструктуры спорта, благоустройство популярных зон торговли². Этноконфессиональные объекты могут подойти только под мероприятие «формирование культурной ценности (идентичности) города». Но в целом государственная власть не

¹ СП 42.13330.2011 Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200084712> (дата обращения: 11.10.18).

² Стратегическое направление развития «ЖКХ и городская среда» // Минстрой России. URL: <http://www.minstroyrf.ru/trades/zhishno-kommunalnoe-hozyajstvo/strategicheskoe-napravlenie-razvitiya-zhkh-i-gorodskaya-sreda/> (дата обращения: 11.10.18).

обращает внимания на подобные факторы, оставляя при этом широкое поле для возможностей власти на региональном уровне. Мы не можем не признать, что официально наше государство свободно от предпочтений как в этнонациональном, так и конфессиональном плане, и все этнические группы и конфессии равноудалены от него. Однако всё же, по нашему мнению, для сохранения межэтнического и межконфессионального мира необходимо в сфере управления муниципалитетами иметь в виду и этноконфессиональные факторы.

Сегодня важный вопрос комфортности городского пространства поднимается и в арктических городах, что связывает его с не менее актуальной тематикой развития Арктической зоны Российской Федерации. Исследователи отмечают неравномерность экономического развития регионов, входящих в АЗРФ. Российская Арктика характеризуется монопрофильной ресурсно-сырьевой экономикой, контрастностью западного и восточного секторов. Но при этом регионы Арктики не лишены инновационных возможностей [6, Zaikov K.S., Kalinina M.R., Kondratov N.A., Tamitskii A.M.]. Однако арктические регионы (особенно их города) испытывают серьёзное влияние миграционных процессов. С одной стороны, в те регионы, которые являются экономически привлекательными (например, Ямало-Ненецкий автономный округ), направляется иммиграция из других территорий (в том числе с постсоветского пространства). Но с другой стороны, молодёжь самой Арктики часто не стремится связать свое будущее с родным регионом. Для западного сектора АЗРФ это более характерно, чем для восточного [7, Zaikov K.S., Katorin I.V., Tamitskii A.M., с. 236].

Конечно же, серьёзное внимание уделяется сегодня и этноконфессиональной ситуации в Арктической зоне РФ. Государство проводит разностороннюю политику в Арктике, затрагивающую сохранение межэтнического мира, особое отношение к коренным малочисленным народам, поддержку четырёх традиционных для России конфессий (православие, ислам, иудаизм и буддизм), миграционную политику [8, Zaikov K., Tamitskiy A., Zadorin M.]. Но в начале статьи мы должны обратить внимание на важный момент, а именно на сложность определения этноконфессионального состава городов АЗРФ. Во-первых, данные по этнонациональному составу по субъектам Российской Федерации мы имеем благодаря Всероссийской переписи населения 2010 г. и различным этносоциологическим исследованиям в регионах. Но в обоих случаях этническая идентификация индивида происходит с его слов, что вносит определённую долю условности в цифры статистики. Например, дети и даже внуки от межэтнических браков, которых в советское время в Арктических городах было достаточно, не могут быть однозначно отнесены к определенной этнической группе; они сами идентифицируют себя с более привлекательной этничностью. Во-вторых, следует принимать во внимание серьёзные потоки эмиграции и иммиграции, в том числе не фиксируемые статистикой и исследованиями. Временная и сезонная миграции также влияют на этнонациональный состав. Тем не менее, мы должны основываться на официальных данных. В частности динамику этнонационального состава населения Российской Арктики проследила Ф.Х. Соколова [9, Соколова Ф.Х.]. Данные переписи 2010 г. дают нам представление о численно-

сти наиболее многочисленных этнических групп и доле городского населения в каждом субъекте АЗРФ (табл. 1). При этом, как правило, представители коренных малочисленных народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока не живут в городах.

Таблица 1

Численность населения наиболее многочисленных этнических групп по субъектам АЗРФ и доля городского населения по переписи населения 2010 г.³

	Мурманская область	Республика Карелия	Архангельская область	Ненецкий АО	Республика Коми	Ямало-Ненецкий АО	Красноярский край	Республика Саха (Якутия)	Чукотский АО
Азербайджанцы	3841	1793	2605	157	4858	9291	16341	2040	107
Башкиры	914	162	394	49	2333	8297	2955	1819	125
Белорусы	12050	23345	5810	283	8859	6480	9900	2527	364
Вепсы	82	3423	18	-	23	3	7	4	-
Карелы	1376	45570	180	2	180	23	68	17	3
Коми	1649	182	4583	3623	202348	5141	159	32	7
Коми-ижемцы	472	-	1	1	5725	108	3	-	-
Немцы	725	490	848	10	5441		22363	1540	108
Ненцы	149	4	8020	7504	503	29772	3633	23	22
Русские	642310	507654	1148821	26648	555963	312019	2490730	353649	25068
Татары	5624	1888	2335	209	10779	28509	34828	8122	451
Украинцы	34268	12677	16976	987	36082	48985	38012	20341	2869
Финны	273	8577	69	-	112	78	303	126	1
Ханты	9	6	9	1	48	9489	14	5	1
Чуванцы	-	-	-	-	-		5	3	897
Чуваши	1782	867	1357	75	5077	3471	11036	123	166
Чукчи	3	3	1	-	2	2	9	670	12772
Эвенки	5	2	14	13	6	42	4372	21008	18
Эвены	3	2	-	-	-	2	27	15071	1392
Эскимосы	1	-	-	-	-	-	10	11	1529
Якуты	16	15	18	3	15	10	1468	466492	62
Доля городского населения (в %)	92,8	78	75,7	67,8	76,9	84,7	76,3	64,1	64,8

С определением конфессионального состава ситуация обстоит ещё сложнее. Всероссийская перепись 2010 г. не включала вопрос о конфессиональной принадлежности, поэтому рассуждать о конфессиональном составе можно только на основе социологических исследований. В регионах периодически проводятся собственные исследования, всероссийский репрезентативный опрос был проведён в 2012 г. по заказу службы «Среда» Фондом «Общественное мнение». Более актуального и настолько масштабного исследования в данной сфере не проводилось, но опрос не охватил Ненецкий и Чукотский автономные округа. Получившаяся картина представлена в таблице 2.

³ Всероссийская перепись населения 2010 года. Том 11-1. Соотношение городского и сельского населения по субъектам Российской Федерации (в процентах к общей численности населения). Том 11-4. Численность населения наиболее многочисленных национальностей по субъектам Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 11.10.18).

Таблица 2

Отношение к вере граждан по субъектам АЗРФ (наиболее частые ответы в %)⁴

	Мурман- ская область	Респуб- лика Карелия	Архан- гельская область	Ненец- кий АО	Рес- публи- ка Коми	Ямало- Ненец- кий АО	Красно- ярский край	Респуб- лика Саха (Якутия)
РПЦ	42	27	29	62,4	30	42	30	38
верят в Бога, но не исповедуют конкретную религию	28	44	32	6,2	41	14	35	17
не верят в Бога	12	18	16	25,1	14	8	15	26
исповедуют традиционную религию своих предков, поклоняются богам и силам природы	<1	<1	1	1	1	1	<1	13
ислам	<1	<1	<1	<1	1	18	<1	2
протестантизм	<1	1	<1	<1	<1	<1	<1	<1

Тем не менее, основываясь на цифрах статистики, можно представить себе размеры этноконфессиональных групп, что позволит определить их потребности обрядового и культового характера в городской среде.

Этноконфессиональные требования, предъявляемые к городу

Прежде всего, следует выделить те этноконфессиональные требования, которые определяют комфортность городского пространства. А также определить, возможно ли их применение в принципе.

Верующему, которому необходимо регулярно реализовывать те или иные богослужебные практики, как правило, необходимо помещение. В основном, в различных конфессиях богослужение является публичным мероприятием, в котором должны принимать участие все члены религиозной общины. Следовательно, для этого необходимо отдельное архитектурное сооружение, которое будет вмещать в себя всех желающих. В случае религиозных праздников может потребоваться не только помещение, но и территория, прилегающая к храму той или иной конфессии (например, для крестных ходов). Объектом, привлекающим различных верующих, может быть не только храм, но и тот или иной символ, памятник (например, поклонный крест). В силу этого в рамках городского пространства встаёт вопрос, насколько комфортно будет верующим горожанам совершать необходимые религиозные действия. Он складывается, как минимум, из двух составляющих: 1) насколько удобно расположен объект относительно районов проживания (комфортно ли до него добираться); 2) насколько удобно расположен объект относительно соседних построек (комфортно ли проводить обряды).

⁴ Проект Среда. URL: <http://sreda.org/arena> (дата обращения: 11.10.18); Ненецкий автономный округ. URL: <http://smi.adm-nao.ru/otnosheniya-v-nao/sociologicheskoe-issledovanie-obshchestvennogo-mneniya-po-voprosam-toler/> (дата обращения: 11.10.18).

На подобный вопрос (и подвопросы) следует смотреть не только с позиции самого верующего, но и с позиции людей, не входящих в его религиозную общину (иноверцев или атеистов). Расположение сооружения культового назначения вблизи от других подобных зданий иноверцев может приводить к разного рода недопониманиям и конфликтам. Хотя в нашей стране конфликты на религиозной почве (тем более между служителями различных конфессий) крайне редки. Но для светского человека, не идентифицирующего себя с конфессией или верой, наличие культового сооружения или религиозного символа может быть раздражающим фактором. Крестный ход православных, перекрывающий ближайшие к храму улицы, призывы на молитву мусульман, оглашаемые на окрестные кварталы, колокольный звон христианских церквей или публичное принесение жертвы в исламе – всё это может определять дискомфорт в городской среде. Иногда подобное раздражение приводит к ненависти на религиозной почве и к осквернению храмов, как в Мурманске⁵, и сносу памятников, как в Архангельске⁶.

Таким образом, наличие и расположение необходимых конфессиональных учреждений и религиозных символов, безусловно, является фактором комфортности городского пространства. Можно то же самое сказать относительно не только храмов или молебных помещений, но и расположения общины. Однако, как правило, в данном случае имеется в виду адрес, по которому юридически зарегистрирована религиозная организация, и это важно не столько верующим, сколько контролирующим органам.

Ещё одним фактором является возможность практиковать свои этнонациональные традиции и обычаи. В XXI в. в состоянии уже постиндустриального общества значительная часть урбанизированных этносов (русские, украинцы, татары и другие) перестают нуждаться в этом. Они уже во многом являются частью единого социокультурного пространства, начавшего формироваться в советское время. Этнонациональные традиции крепки в сельской местности, например, у коренных малочисленных народов. Для городских жителей в силу иного стиля жизни традиции своего народа остаются часто в рамках фольклора. Иногда проводится определённая ассоциация этноса и конфессии (например, русский «значит» православный, татарин — мусульманин, еврей — иудей и т.п.). Даже конфессия порой становится способом этнической, а не религиозной идентификации⁷, и в таком случае этнические традиции подменяются конфессиональными. В силу этого центром притяжения горожан, стремящихся реализовать свои этнонациональные традиции, опять-таки становится храм соответствующей конфессии (церковь, костёл, кирха, мечеть, синагога и прочее). Но кроме него, конечно же, следует выделить различные национальные центры (помещения национально-культурных автономий, диаспор и прочее), в которых собираются представители тех

⁵ В Мурманске осквернен Храм Спаса на водах. URL: <https://credo.press/58311/> (дата обращения: 11.10.18).

⁶ Вандалы снова спилили поклонный крест в Архангельске. URL: <https://www.pravmir.ru/vandalyi-snova-spilili-poklonnyiy-krest-v-arhangelske/> (дата обращения: 11.10.18).

⁷ 30% православных считают, что Бога нет. URL: <https://takiedela.ru/2017/04/takaya-rossiya-cerkov/> (дата обращения: 11.10.18).

или иных этносов для поддержания коммуникации и сохранения традиций. Но, как правило, эти объекты располагаются в офисах в деловых зданиях, которые находятся в центре города. Нельзя назвать подобное положение комфортным, однако не каждое этнонациональное объединение может себе позволить себе отдельное здание. Поэтому логично, что часто функции подобного учреждения совмещаются с религиозными функциями в рамках одного здания.

Кроме того, к объектам этнонационального значения можно отнести различные памятники и памятные места в городе. Это могут быть не только скульптуры, изображающие выдающихся единокровцев, но и этнические кладбища. К сожалению, подобные объекты также могут становиться раздражающими для инородцев. Для арктических регионов практически не характерна ксенофобия и конфликты на национальной почве, но всё же исключения, например, в виде антисемитизма, возможны. Таким образом, удовлетворённость этнонациональных потребностей также является фактором комфортности городского пространства.

Администрации любого города в своей градостроительной политике необходимо учитывать эти факторы. Учитывая открытость пространственных перемещений по России представителей различных этнонациональных и конфессиональных групп, следует задумываться о перспективах развития города. Реновация старых городских пространств должна предполагать не только строительство новых жилых или общественно-деловых зон, но и объектов культового и обрядового назначения, исходя из потребностей горожан. Конечно, это не делается за счёт муниципалитета, региона или государства. Однако предугадывать потребности горожан стоит. То же самое касается новых застраиваемых зон, в которых должны быть предусмотрены места для размещения этноконфессиональных объектов. Грамотная администрация мониторит настроения горожан, их этноконфессиональный состав по округам города, и поэтому она готова к подобным вызовам. В реализации потребностей этнонациональных и конфессиональных групп администрация согласовывает градостроительную политику с их легитимными представителями. Например, запросы тех или иных национально-культурных автономий должны удовлетворяться администрацией по мере возможностей; выбор места строительства культовых сооружений также должен осуществляться с учётом мнения лидеров соответствующих конфессий. Именно посредством коммуникации администрации муниципалитета с этноконфессиональными группами можно добиться успеха в развитии городского пространства.

Одним из примеров городов России, в которых этноконфессиональные потребности наиболее успешно удовлетворяются в рамках городской среды, можно назвать, конечно же, Москву. Динамично развивающийся мегаполис, в котором проживают представители всех основных конфессий России, заранее задумался не только о сохранении и распространении парковых зон, прокладке общественно важных коммуникаций, строительстве магистралей, но и о создании целой сети конфессиональных учреждений. В городе в разном соотношении представлены храмы православных (в том числе старообрядцев), католиков, протестантов

(разных направлений), мусульман, иудеев, буддистов и других. Самым крупным религиозным объединением традиционно является Русская Православная Церковь. Ей же принадлежит масштабный, амбициозный проект «Программа-200», который реализуется фондом «Поддержки строительства храмов города Москвы» при участии Правительства Москвы. По данной программе предполагается строительство двухсот новых православных церквей на территории всех округов города так, чтобы они были в так называемой шаговой доступности (около 1 км). Финансируется фонд строительства только за счёт благотворительности, мэрия Москвы всего лишь бесплатно выделяет под строительство земельные участки и помогает с прокладыванием коммуникаций.

Аргументировался подобный проект в 2010 г. именно нехваткой храмов для православного населения. В начале 90-х гг. в столице было 254 храма и часовни, в 2000 г. – 519 (в основном за счёт восстановления старых объектов)⁸. При создании фонда строительства патриарх Кирилл отмечал, что для достижения среднего значения по России (11,2 тысячи человек на один приход) в Москве нужно построить 591 храм⁹. Но по программе всё-таки предложено строительство чуть более двухсот. Предполагается вводить в эксплуатацию по десять храмов в год, хотя за восемь лет по программе построено только 45¹⁰.

Программа вызвала ожесточённые дискуссии о необходимости такого строительства. Как минимум потому, что достоверных данных о количестве воцерковлённых православных верующих в Москве (да и по всей России) просто нет, а социологические опросы часто грешат расхождениями в цифрах. Но даже если мы не можем утверждать о наличии на сегодняшний момент достаточного количества православных, нуждающихся в храмах, можно признать, что РПЦ во многом действует на опережение, понимая, что катехизация населения, осуществляемая каждодневно, должна (в смысле целевой установки) привести к появлению того самого количества верующих. Однако в реальности ожесточённые дискуссии уже не раз в Москве приводили к столкновениям по поводу строительства храма посреди парка. Самый яркий пример был в парке «Торфянка» в 2015–2016 гг.¹¹

Тем не менее, если рассматривать «Программу-200» с позиции удовлетворения профессиональных потребностей, то следует признать её позитивный эффект. При безусловных проблемах с выбором мест для строительства, вызывающем споры, сама идея создания сети православных храмов играет положительную роль в создании комфортной городской среды.

⁸ Программа «200 храмов» – факты и цифры. URL: <https://www.pravmir.ru/programma-200-hramov-fakty-i-tsifry/> (дата обращения: 11.10.18).

⁹ Программа строительства православных храмов в Москве. URL: http://www.200hramov.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=269&Itemid=2 (дата обращения: 11.10.18).

¹⁰ В Москве появится 21 новый храмовый комплекс. URL: <https://www.pravmir.ru/v-moskve-poyavitsya-21-novyyiy-hramovyyiy-kompleks/> (дата обращения: 11.10.18).

¹¹ Храмострой увяз в «Торфянке». URL: http://www.ng.ru/facts/2015-07-01/1_temples.html (дата обращения: 11.10.18).

Иначе дело обстоит с другими конфессиями, которые в основном смиряются с небольшим количеством храмов в Москве. Однако существенной проблемой по-прежнему является нехватка мечетей в мегаполисе. На сегодняшний день в Москве пять мечетей, но принадлежат они разным исламским организациям (Духовное управление мусульман Российской Федерации, Центральное духовное управление мусульман России и шииты). Ежегодный наплыв мигрантов увеличивает потребность в этих духовных учреждениях. Не раз во время больших праздников мусульмане вынуждены были молиться на улице, перекрывая движение. Но ещё большее раздражение горожан вызывало жертвоприношение на улицах города¹². Отчасти эти проблемы были сняты, в том числе реконструкцией в 2011–2015 гг. соборной мечети в Москве. Но вполне вероятно Москве в скором времени потребуется программа строительства мечетей аналогично программе РПЦ.

Таким образом, мы видим, что Москва не является идеальным городом с точки зрения удовлетворения этноконфессиональных потребностей в рамках городской среды. Однако наблюдаются позитивные процессы, которые позволяют сравнивать подобную ситуацию с состоянием городов интересующей нас Арктической зоны Российской Федерации.

Города Арктической зоны Российской Федерации

Современное этнокультурное пространство Российской Арктики включает в себя представителей более ста этнических групп с различными верованиями и традициями. Помимо численности и состава коренных народов, населяющих данные территории, следует учитывать динамику миграции представителей различных этносов в наиболее привлекательные, динамично развивающиеся регионы (Ненецкий и Ямало-Ненецкий округа, Республику Саха (Якутию) и Красноярский край). Представители коренных малочисленных народов в основном проживают в сельской местности (82,2%), а в городах концентрируется новопоселенческое население [10, Этнонациональные, с. 84–85, 122]. За последнее время наблюдается тенденция роста количества выходцев из Средней Азии и Закавказья, что, безусловно, в перспективе может поменять социокультурное пространство городов.

В городах и посёлках городского типа АЗРФ проживает почти 2 млн человек (89,3%), в сельской местности – около 250 тыс. человек (10,7%) [11, Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н., с. 128]. Такая геодемографическая ситуация понятна — в тяжёлых условиях Крайнего Севера и при традиционном образе жизни значительной части представителей коренных жителей население не могло не сосредотачиваться в городах. При этом, безусловно, зарождение и развитие городов Арктической зоны происходят под влиянием различных факторов: географического положения, природно-климатических условий, природно-ресурсного потенциала прилегающих территорий, специализации хозяйства и административных функций [10, Этнонациональные, с. 84–85, 130]. Всего в АЗРФ насчитывается 41 населённый пункт с

¹² У мусульман праздник жертвоприношения. URL: <https://faith.pravda.ru/religions/islam/15-11-2010/1057535-kurban-0/> (дата обращения: 11.10.18).

официальным статусом города. Распределены они по территории АЗРФ, конечно же, неравномерно (Рис. 1): наибольшая концентрация наблюдается в Мурманской области.

Рис. 1. Распределение городов по территории АЗРФ.

Городские поселения Арктической зоны можно типологизировать на основании различных критериев. Во-первых, они дифференцированы по численности населения. Согласно Своду правил СП 42.13330.2011 «Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений», в России существует формальное разделение населённых пунктов на крупнейшие (свыше 1 млн человек), крупные (от 250 тыс. до 1 млн человек), большие (от 100 до 250 тыс. человек), средние (от 50 до 100 тыс. человек) и малые (до 50 тыс. человек)¹³. Как видно из таблицы 3, на территории АЗРФ нет крупнейших городов, что, очевидно, связано с трудными для проживания климатическими условиями, а также проблемами транспортной коммуникации в условиях Крайнего Севера. Крупными городами являются только Мурманск и Архангельск. Большинство же городов относятся к малым. Однако здесь следует оговориться, что статус города подчас является весьма условным, так как некоторые посёлки городского типа давно уже обогнали по численности населения «города». Например, численность населения посёлка городского типа Никель (Мурманская область) составляет 11437 человек, а города Мезень (Архангельская область) — 3 267 человек.

Таблица 3

Сведения о типах городов в Арктической зоне РФ¹⁴

Территория	Крупнейшие	Крупные	Большие	Средние	Малые
Мурманская область	0	1	0	2	13
Республика Карелия	0	0	0	0	2
Архангельская область	0	1	1	0	3
Ненецкий автономный округ	0	0	0	0	1
Республика Коми	0	0	0	1	0
Ямало-Ненецкий автономный округ	0	0	2	0	6
Красноярский край	0	0	1	0	2
Республика Саха (Якутия)	0	0	0	0	2
Чукотский автономный округ	0	0	0	0	3
Итого	0	2	4	3	32

¹³ СП 42.13330.2011 Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200084712> (дата обращения: 11.10.18).

¹⁴ Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2018 года. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/bul_dr/mun_obr2018.rar (дата обращения: 11.10.18).

Города Арктической зоны РФ различаются также исходя из разного их назначения, что в том числе определяет и состав городского населения. Выделяют опорные города (Архангельск и Мурманск), которые, по сути, являются базами для освоения арктического пространства и потому наиболее многочисленными и многозадачными. Также выделяют базовые города, которые выполняют разнообразные административные, культурные, транспортные и другие функции [12, Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н., с. 43]. Наследием советского прошлого остаются промышленные (часто монопрофильные) города и закрытые административно-территориальные образования. Данные типы испытывали и испытывают различное влияние миграционных процессов, в том числе миграции представителей иного социокультурного пространства. Например, Архангельск сейчас принимает в первую очередь внутрирегиональную миграцию, хотя на протяжении XX в. сюда в силу разных причин стекались представители различных регионов страны со своими культурными особенностями. А города Ямало-Ненецкого округа по-прежнему принимают межрегиональные миграционные потоки: в основном это сезонная миграция рабочих-вахтовиков, но есть и безвозвратная миграция.

Типологизировать города Арктической зоны РФ по этноконфессиональным признакам вряд ли представляется возможным, так как абсолютное большинство населения относится к русскому этносу, который в конфессиональных предпочтениях традиционно склоняется к официальному православию (о проблемах определения этноконфессионального состава упомянуто во введении статьи). В крайнем случае можно дифференцировать города по количеству представителей того или иного этноса или конфессии.

История также даёт основание для типологизации городов Арктики. Лишь небольшая часть из них была основана различными колонизаторами (переселенцами, монахами, казаками и другими) в древние времена (например, Архангельск, Кемь, Кандалакша, Салехард, Среднеколымск и другие). Часть городов была основана в конце XIX — начале XX вв., что было связано с возникновением государственного интереса к освоению Крайнего Севера и, соответственно, с организованной миграцией во вновь создаваемые поселения (например, Мурманск, Полярный, Анадырь и другие). Более половины городов Арктики были созданы в советское время практически с нуля, часто на месте разработок полезных ископаемых. Причём стоит даже разделить их на города, основанные в довоенное время, когда нередко для строительства пункта и работы в нём привлекались заключённые (например, Воркута), и города, основанные в послевоенное время, когда развитие населённых пунктов было подчинено энтузиазму геологов (например, Новый Уренгой).

Именно эти историко-культурные особенности создания сети городов в Арктике определяют степень удовлетворённости этноконфессиональных потребностей в городской среде. В старых городах (даже если в дореволюционное время они были всего лишь небольшими поселениями) естественным образом преобладало русское население. Даже в Сибири и на Дальнем Востоке города лишь периодически привлекали представителей ко-

ренных малочисленных народов, особенно если они были кочевыми. В силу этого естественно, что в конфессиональном плане в старых городах преобладало официальное православие, что выражалось в наличии одного или нескольких храмов, которые, конечно же, воспринимались необходимыми в этноконфессиональном плане для комфортной жизни в городе. В более молодых городах, созданных до революции, тоже, как правило, успевали построить церкви: например, в Александровске (ныне Полярный). Но очевидно, что далеко не все дореволюционные конфессиональные сооружения смогли пережить годы советской борьбы с религией. В лучшем случае здания перепрофилировались под нужды народного хозяйства и советской власти. Редки примеры церквей, сохранивших возможность осуществлять богослужение.

Естественно, что в подобных условиях создать в молодых городах советской Арктики конфессиональные учреждения и сооружения не представлялось возможным. По большому счёту, тогда и потребности в них не существовало. Но новая эпоха в 90-е гг. XX в. породила всплеск интереса к религии. Это было связано и с обращением к собственным корням (не только у русских), и с поиском мировоззренческих ориентиров в состоянии социальной анонимии, и с желанием замолотить грехи прошлого, и, безусловно, с элементарной модой. В итоге в старых городах постепенно начинаются восстановления разрушенных храмов и мучительные процессы реституции сохранившегося конфессионального имущества. И в старых, и в новых городах разворачивается строительство культовых сооружений, при этом важно отметить, что иной раз даже большую активность показывают представители не официального православия, а ислама и протестантских деноминаций. Как правило, создание подобных объектов городской среды действительно является ответом на запрос населения. Но то, что мы имеем на практике сейчас, выглядит довольно хаотично и бессистемно.

Как правило, в малых городах Арктики обязательно присутствует один или два православных храма, и в большинстве случаев есть религиозное учреждение одной из протестантских деноминаций. Если город относится к старым поселениям, то встречаются случаи, когда православный храм представляет собой оригинальное дореволюционное строение (либо восстановленное в последние 20–25 лет на прежнем месте). А значит, располагается он в самом центре города, доступном для нужд местного населения. При основании поселения в России будь то в XVI в. или XIX в. его центром всегда считалось то или иное учреждение общественного назначения, и конечно, церковь была местом притяжения прихожан, к ней должны были сходиться удобные пути. Поэтому в подобных городах и сегодня церковь находится в удобном месте для удовлетворения конфессиональных нужд горожан, что в том числе делает городское пространство комфортным. Так, например, в Мезени (Архангельская область) старый собор (хоть и сильно перестроенный) находится на главном проспекте города, что позволяет проводить обряды с участием всех желающих.

В молодых же городах церкви строились и строятся в местах, доступных для застройки. И если в центре свободного места, благодаря плотной застройке советского времени, уже нет,

то храм приходится располагать на окраине. Так, например, в Тарко-Сале (Ямало-Ненецкий автономный округ) храмы располагаются вдалеке от большинства жилых построек. Существуют, конечно, исключения. Например, в Певеке (Чукотский автономный округ) под церковь было переоборудовано заброшенное здание, бывший жилой дом в центре города.

Что касается протестантских организаций, то в значительном количестве случаев они зарегистрированы в жилых помещениях многоквартирных домов. Среди православных и мусульманских организаций также распространена регистрация в жилых помещениях¹⁵. Но всё же они обычно имеют свои отдельные, вместительные сооружения для комфортного участия в богослужениях горожан. А вот молельные помещения протестантских деноминаций и располагаются в тех же жилых помещениях (иногда в частных домах). Конечно же, это связано в первую очередь с малочисленностью и раздробленностью протестантских общин, а также отсутствием поддержки со стороны муниципалитетов (часто протестантские деноминации воспринимаются общественностью настороженно¹⁶). На первоначальном этапе жизни религиозной общины верующим, возможно, удобно собираться на квартире у пресвитера. Но при расширении общины необходимо строительство своего специального сооружения. При этом для него также остается место на отшибе города (например, баптистский храм в Апатитах, Мурманская область) или в лучшем случае в перспективном для застройки районе (например, лютеранская церковь в Кеми, Республика Карелия). Существуют, конечно, и исключения. Например, в Кандалакше (Мурманская область) евангелисты и адвентисты расположились к центру города намного ближе, чем православный храм.

Особая ситуация складывается в отношении представителей других конфессий. Католики зарегистрированы как община только в Архангельске, Норильске и Мурманске, и собственный храм есть только в последнем. Буддисты зарегистрированы только в Архангельске и Северодвинске, но и там своих храмов не имеют. Иудаизм представлен в организациях Мурманска, Норильска, Северодвинска и Архангельска, где недавно появился свой храм. Более успешно в плане создания собственных объектов развивается ислам. На сегодняшний момент мечети располагаются в десяти городах Арктической зоны РФ, шесть из которых относятся к Ямало-Ненецкому автономному округу. На первый взгляд это может быть удивительным, исходя из того, что коренными для региона считаются ненцы, селькупы, ханты, для которых нехарактерен ислам, и того, что регион имеет суровый климат, не привлекательный для миграции. Но определяющим фактором для иммиграции является, конечно, экономическое положение региона и его добывающая отрасль. Уже сегодня среди населения региона 5,6% татар, 1,7% башкир, 7% представителей народов Кавказа и Средней Азии. С начала 2000-х гг. произошел рост числа последних в 1,4 раза. Доля мусульман в населении Ямало-Ненецкого автономного округа выросла с 1,7% до 12% [10, Этнонациональные, с. 132, 228]. В

¹⁵ Информация о зарегистрированных некоммерческих организациях // Информационный портал Министерства юстиции Российской Федерации. URL: <http://unro.minjust.ru/NKO.aspx> (дата обращения: 11.10.18).

¹⁶ Напр.: Религиозная конкиста в Арктике. URL: <http://rusnord.ru/life/37969-religioznaya-konkista-v-arktike-otvet-arhangel'skogo-sektoveda-nenec'komu-pravozaschitniku-borisu-dulnevu.html> (дата обращения: 11.10.18).

основном эти люди проживают именно в городах. При этом не следует забывать и про вахтовиков, которые также могут нуждаться в духовных практиках в мечетях. Поскольку города данного региона в основном застраивались в советское время, когда невозможно было и думать о создании культовых сооружений, мечети строились там, где позволяли условия, и поэтому в основном находятся на окраинах городов. Наиболее удачным вариантом размещения духовных учреждений нам представляется Ноябрьск (Ямало-Ненецкий автономный округ), в котором относительно близко расположены и православные церкви, и храмы протестантов, и мечеть (рис. 2).

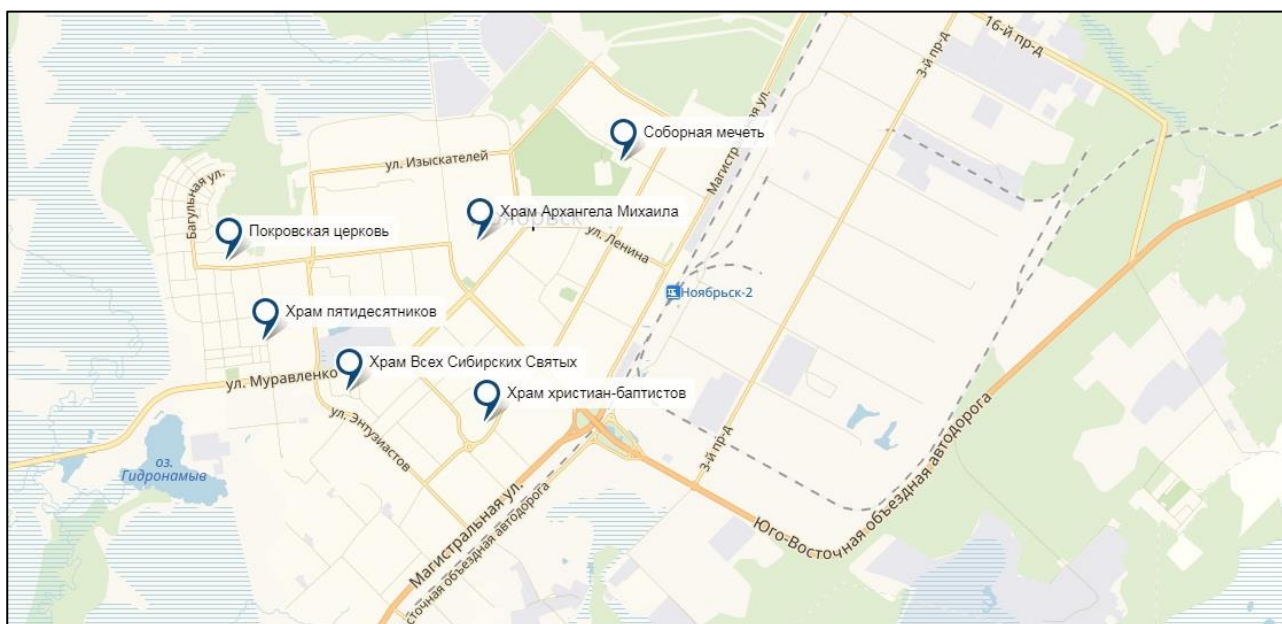

Рис. 2. Расположение объектов культового назначения в г. Ноябрьск.

Вместимость храмов различна, но также важно, что прилегающей территории, как правило, достаточно для комфортного размещения верующих во время праздников и на улицах. Это существенный фактор комфортности городского пространства.

Кейсы опорных городов российской Арктики

Представляется важным отдельно рассмотреть кейсы двух опорных городов АЗРФ: Архангельска и Мурманска. Оба города по численности населения относятся к крупным городам, но различаются по своему происхождению.

Архангельск — старый город, начало которому положено в конце XVI в. Он изначально создавался рядом с духовными сооружениями Михайло-Архангельского монастыря. В дальнейшем, когда монастырь был перенесён на окраину, православные культовые сооружения по-прежнему определяли логику развития города. Несколько центральных улиц начинались у тех или иных храмов (и имели соответствующие названия), таким образом, логично, что жители этих «микрорайонов» становились прихожанами данных храмов. Поскольку Архангельск изначально создавался для задач международной торговли, неудивительно, что уже в XVII–XVIII вв. здесь начали селиться представители европейских народов, в том числе те, что исповедовали католичество и протестантизм. Они имели свои костёл и

кирху, которые являлись для них центром сохранения национальных традиций. К началу XX в. в Архангельске сформировались также еврейская и татарская общины, имевшие соответственно синагогу и мечеть. Они, конечно, располагались уже не на главных проспектах (Набережной и Троицком), но всё же не на окраинах.

В советское время значительная часть сооружений культового назначения была либо уничтожена (как, например, Троицкий кафедральный собор, Успенская и Благовещенская церкви, католический костёл и другие), либо перепрофилированы под нужды советской власти (как, например, Троицкая церковь, кирха, мечеть). Практически не закрывался в советское время кладбищенский Ильинский храм, который долгое время являлся кафедральным собором епархии.

С наступлением новой эпохи все сохранившиеся сооружения культового назначения стали постепенно передаваться в ведение соответствующих конфессий. Православная церковь не только получила назад и восстановила часть своих храмов, но и развернула планомерное строительство церквей в различных округах города. Сегодня в каждом округе есть свой центр притяжения верующих, однако вместимость этих сооружений не всегда удовлетворительна. Расположение их тоже не всегда удобно, части горожан приходится добираться до своих приходов на городских автобусах. Размещение храмов редко позволяет проводить богослужения на улице, в том числе крестные ходы. Наиболее удобную прилегающую территорию имеет новый Храм Александра Невского, она позволяет ему становится социально значимым объектом, проводить мероприятия, в том числе не связанные с религиозной деятельностью. Восстановленный на прежнем месте Успенский храм за счёт прекрасного выхода к реке и прогулочной аллее привлекает к себе молодёжь. Ильинский же храм крайне неудобен во многом, потому что изначально был кладбищенской церковью. Взамен него уже несколько лет на пожертвования строится большой кафедральный собор во имя Архангела Михаила в самом центре города, где находится транспортная развязка. Собор находится на просторной площади, которую предполагается реконструировать с учётом религиозных потребностей¹⁷. Несмотря на то что государство в России официально равноудалено от всех конфессий, логично, что эту территорию для строительства культового сооружения получила именно РПЦ. Православие считается традиционным для этих мест, и поэтому вполне может поддержать удовлетворение потребностей значительного числа граждан. Точно так же местная епархия уже договаривается с муниципалитетом о перспективах строительства новых храмов. Так, например, поклонным крестом обозначено место будущего строительства храма на маленьком участке в самом центре Архангельска (недалеко от мечети!). Глава города И.В. Годзиш откровенно заявляет о том, «что нужно зарезервировать земельные участки под будущие храмы и воскресные школы, чтобы в дальнейшем не сталкиваться с ситуацией, когда такого рода объект необходим населению, и его приходится бук-

¹⁷ В Архангельске обсуждают новый вид площади Профсоюзов. URL: <http://dvinatoday.ru/city/v-arkhangelske-obsuzhdayut-novyy-vid-ploshchadi-profsoyuzov/> (дата обращения: 11.10.18).

важно втискивать в существующую застройку»¹⁸. Отдельно обговаривается, что территории вокруг храмов будут благоустроены, что имеет немаловажное значение в реализации программы «Формирование комфортной городской среды».

Другие конфессии также постепенно восстанавливают свои позиции. В начале 2018 г. была восстановлена мечеть, в новых исторических условиях оказавшаяся в географическом центре Архангельска¹⁹. Хотя это и восстановление исторической справедливости, стоит признать, что мечеть фактически зажата между домами. Её площадь и прилегающая территория крайне малы для совершения праздничных богослужений. Улицы, на которых располагается мечеть, довольно узки, а вокруг не остаётся свободных пространств. Учитывая миграционные потоки из мусульманских регионов (хоть и не такие значительные, как в Ямало-Ненецком автономном округе), надо предполагать, что потребность в мечети будет возрастать. Следовательно, уже сейчас надо задумываться о строительстве новых мусульманских объектов в перспективных округах города (особенно в тех, где могут концентрироваться представители исламских народов).

Также в конце 2018 г. в Архангельске состоялось открытие синагоги²⁰. Это было не восстановление, а строительство на новом месте. Хотя географически синагога находится в центре города, но в весьма неудобном месте, вдалеке от транспортных развязок, рядом со стройками и техническими зонами. Но само по себе здание позиционируется не просто как синагога, оно имеет многофункциональный характер: религиозное назначение, общественное пространство, обучающая аудитория, кафе и прочее. Для немногочисленного еврейского населения это здание является местом сохранения национальных традиций.

В Архангельске также широко представлены протестантские деноминации, часть их молельных помещений располагается в квартирах или частных домах (например, Новоапостольская церковь в самом центре города, рядом с мечетью). Эти пространства вполне достаточны для размещения небольшого количества верующих соответствующих протестантских деноминаций. Выделяются среди прочих Адвентисты седьмого дня, которые приобрели территорию в наиболее перспективном для застройки округе Архангельска и выстроили своё кирпичное здание, имеющее прилегающую территорию. Сейчас это весьма удобное место для прихожан, и храм вполне вписывается в городской ландшафт.

В итоге можно сказать, что Архангельск вполне удовлетворяет разнообразные потребности горожан в отправлении культа. Но расположение тех или иных культовых сооружений порой является неудобным. В ходе интенсивной застройки центральных округов не остаётся места для перспективного создания просторных объектов этноконфессионального

¹⁸ В округе Майская горка построят храм, воскресную школу и православный детский сад. URL: <http://arhcity.ru/?page=0/45602> (дата обращения: 11.10.18).

¹⁹ Минарет из бревен. URL: <https://rg.ru/2018/02/03/reg-szfo/v-arhangelske-otkrylas-samaia-severnaia-mechet-v-rossii.html> (дата обращения: 11.10.18).

²⁰ Синагога «Звезда Севера» открылась в Архангельске. URL: <http://arhcity.ru/?page=0/48105> (дата обращения: 11.10.18).

назначения. В окраинных округах, особенно перспективных для жилой застройки, уже сейчас необходимо предусмотреть места для возможного строительства православных храмов, мечетей и прочих религиозных учреждений.

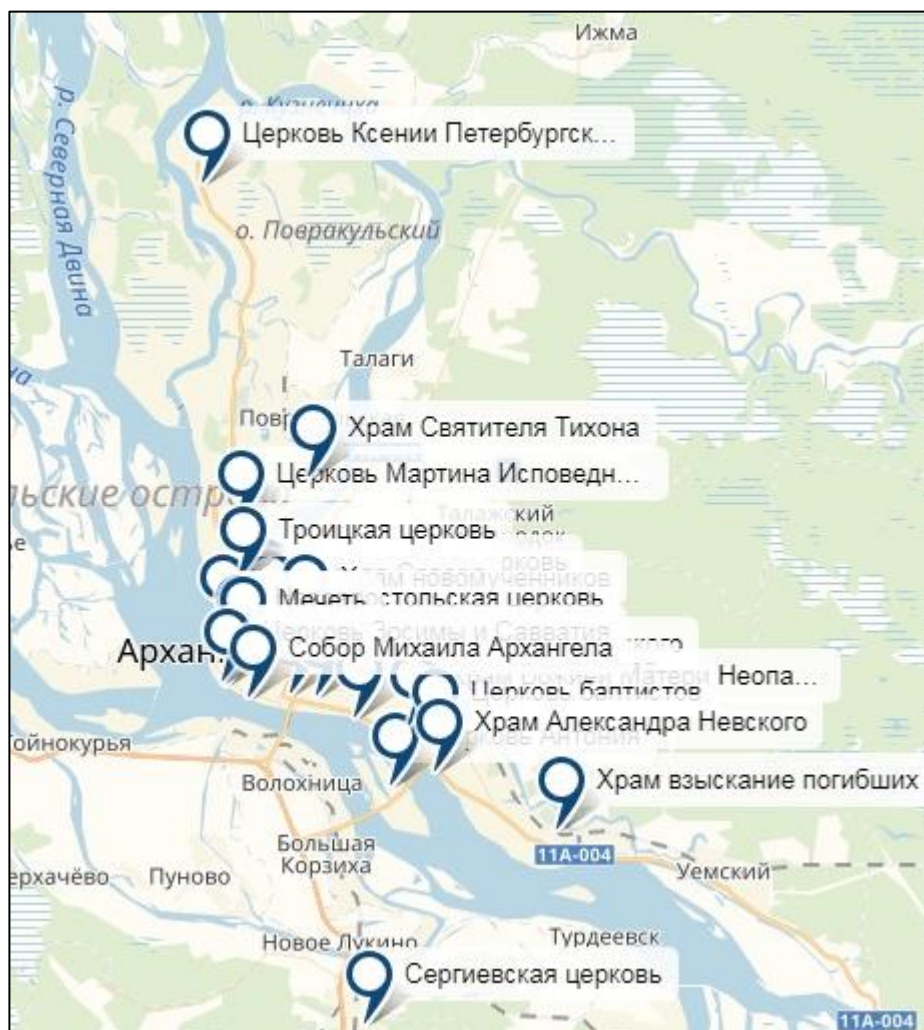

Рис. 3. Расположение объектов культового назначения в г. Архангельск.

Мурманск — относительно молодой город, он был заложен последним в Российской империи. И, как это было принято, начало ему положило строительство православного храма (во имя Николая Чудотворца). Но из-за революции этот храм так и не был достроен, на его месте располагается Дворец культуры (весьма символично для советского времени). Впоследствии в конце советской эпохи храм всё же был построен, только в совершенно другом месте: на южной окраине города. Тогда же была построена ещё и церковь Трифона Печенгского. Основное строительство развернулось уже на рубеже XX–XXI вв. Особенно активным в принятии решений о строительстве различных культовых сооружений был 2004 г.²¹

Мурманск так же, как Архангельск, имеет православные храмы практически в каждом округе города. Однако в самом центре города (как в географическом, так и общественно-политическом и культурном планах) у православных есть только часовня во имя Николая Чудотворца рядом с местом незавершённого строительства первого храма. Это и неудивитель-

²¹ В Мурманске построят десять новых храмов. URL: <https://www.murmansk.kp.ru/daily/23453/217779/> (дата обращения: 11.10.18).

но: при плотной застройке советского времени каждое пространство города имело определённое назначение. И сейчас хоть и сохранились зелёные зоны в центре города, это не означает, что они пусты. Уместить туда хотя бы небольшой храм не представляется возможным не только по техническим нормативам, но и по соображениям общественного резонанса. Величественная Церковь Спаса Нерукотворного Образа (Морской храм) находится на периферии города. Пространство вполне удобно: неподалеку находятся районы многоквартирных домов, при этом сам храм стоит на открытом пространстве. На этом месте предполагается строительство нового Спасо-Преображенского морского кафедрального собора²². Кроме того, уже возведено 13 церквей: три православных церкви созданы на основе приспособленных для богослужения помещений, а остальные десять возводились на пожертвования с нуля.

Католики в Мурманске присутствовали с начала строительства города и даже получили разрешение на строительство костёла, которое, впрочем, не состоялось из-за революции²³. Свои храмы местные католики обрели только в современную эпоху. Величественный католический храм Святого Михаила хоть и находится на окраине города, но при этом в парковой зоне с широкими пространствами. Католическая церковь Святой Елены также находится вдалеке от транспортных развязок, но недалеко от неё находятся корпуса Мурманского государственного технического университета. Собственную территорию и с нуля выстроенное просторное здание имеют новоапостольцы, евангелисты, баптисты. Их общины в основном распределены по окраинам города, что с точки зрения развития города вполне логично и перспективно. Также мусульмане Мурманска имеют собственный многофункциональный молельный дом на окраине города²⁴. Неподалеку в двухэтажном доме располагается Мурманское отделение Общества сознания Кришны.

Как и Архангельск, Мурманск является городом, вытянутым вдоль водного пространства с севера на юг, что определяет труднодоступность социокультурных объектов для всех жителей города. Но географический ландшафт Мурманска вносит дополнительные особенности. Расположение объектов является часто неудобным, что ограничивает удовлетворение этноконфессиональных потребностей в городской среде. При этом город относительно молодой и перспективный, поэтому уже сейчас необходимо задумываться о том, что на севере, востоке и юге города стоит запланировать возможные участки под строительство этноконфессиональных сооружений.

²² Камень во главе угла. URL: <https://rg.ru/2017/08/17/murmanskij-morskoj-sobor-zhdet-svoego-mecenata.html> (дата обращения: 11.10.18).

²³ История прихода в городе Мурманск. URL: <http://cathmos.ru/content/ru/section-2009-10-30-12-24-44> (дата обращения: 11.10.18).

²⁴ Централизованная религиозная организация община мусульман г. Мурманск. URL: <http://murm.nordumma.ru/news/> (дата обращения: 11.10.18).

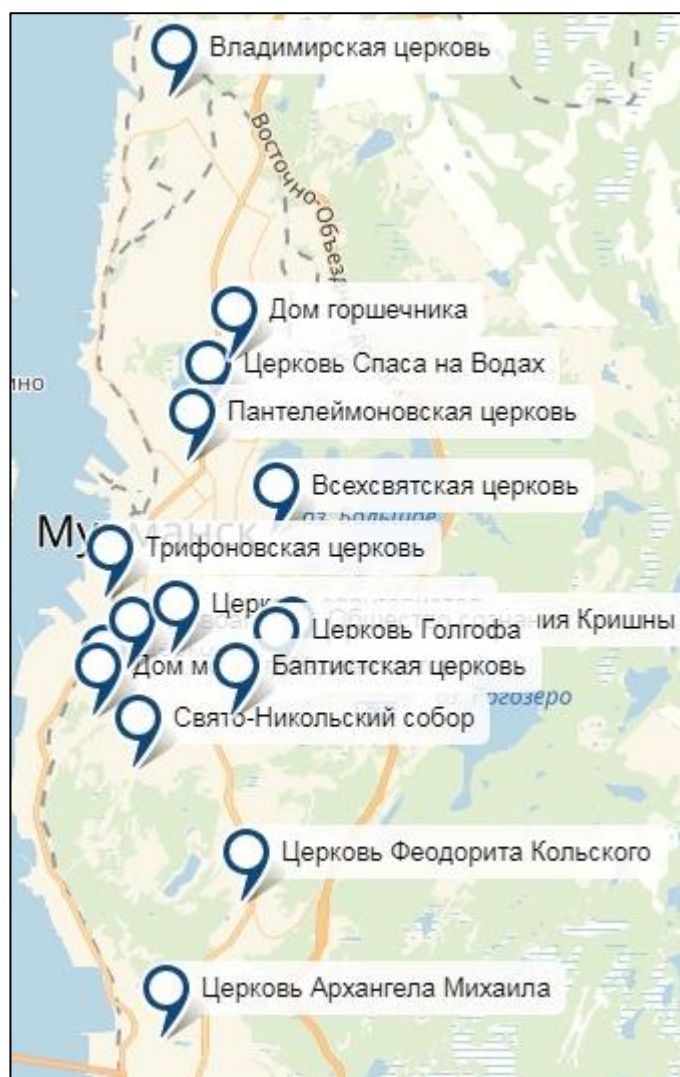

Рис. 4. Расположение объектов культового назначения в г. Мурманска.

Заключение

Таким образом, очевидным становится то, что формирование комфортной городской среды невозможно без учёта этноконфессиональных факторов. Расположение и функциональные возможности этноконфессиональных учреждений или объектов имеют большое значение в жизни городских сообществ. Пример крупнейшего мегаполиса России Москвы показывает, как следует формировать комфортную городскую среду. Этот опыт следует учитывать и в городах российской Арктики, пространство которых сформировалось в основном в советское время без внимания к этноконфессиональным факторам. Начиная с 90-х гг. XX в., в этих муниципалитетах хаотично создавались культовые и этнонациональные сооружения и объекты. В итоге сегодня очевидным является бессистемный характер размещения этих объектов. Современная этноконфессиональная и миграционная ситуация в АЗРФ порождает необходимость пересмотреть отношение регионов и муниципалитетов к идее комфортности городской среды. Несмотря на то, что в крупных, опорных городах данного региона – Архангельске и Мурманске — представлен значительный спектр этноконфессиональных групп, не все из них в достаточной мере удовлетворены расположением своих культовых и этнонаци-

ональных учреждений. Большим, средним и малым городам российской Арктики, вероятно, ещё предстоит столкнуться с этноконфессиональными факторами формирования комфортной городской среды.

Исходя из вышесказанного, хотелось бы дать несколько рекомендаций администрациям муниципалитетов. Поскольку строительство новых городов в АЗРФ в ближайшем будущем маловероятно, эти рекомендации относятся не только к ныне существующим городам, но и к посёлкам городского типа, которые в скором времени могут официально приобрести статус городов.

Т.О. Сарвут отмечает, что необходимо не только обеспечивать жителям городов Арктических регионов достойный уровень комфорта, но и создавать социокультурные объекты. При этом следует учитывать исторически сложившиеся принципы организации как коренного, так и укоренившегося населения [13, Сарвут Т.О., с. 170–171]. Считаем это правильным, однако поскольку государство (в лице государственной и муниципальной власти) в России отделено от этнических и конфессиональных предпочтений, администрация не может самостоятельно участвовать в создании подобных объектов. Городским властям необходимо регулярно заниматься мониторингом общественного мнения, а также этноконфессионального состава городского населения. Публичные слушания, часто проводимые формально, не раскрывают всего спектра мнений и потребностей жителей муниципалитета. Исходя из убеждений и интересов горожан, следует планировать реновацию прежних городских зон и перспективную застройку. При планировании новых городских зон необходимо систематически выделять пространства для создания объектов этнического или культового назначения. Это не означает, что администрация города будет вкладывать средства в строительство. Более правильно было бы вынести на народное обсуждение вопрос о застройке подобных участков. Если у населения будет необходимость в создании этноконфессионального объекта, то администрация города должна будет согласовать план дальнейших действий с лидерами или организациями соответствующей этнической группы или конфессии. Будущий объект должен встраиваться в городской ландшафт и вносить свой вклад в формирование комфортного городского пространства.

Благодарности и финансирование

Статья подготовлена в рамках исследования, поддержанного грантом Российского фонда фундаментальных исследований — проект № 18-411-290010 «Модели коммуникативного управления в развитии городского пространства (на примере Архангельской области)».

Литература

1. Гольц Г.Л. Город и его культурно-уровневые показатели в определении и измерении урбанизации // Город как социокультурное явление исторического процесса. М.: Наука, 1995. С. 47–60.

2. Городков А.В. Некоторые культурологические аспекты сохранения исторической застройки города // Региональная культура: инновационные аспекты развития: материалы международной научно-практической конференции / Под ред. Т.И. Рябовой. Брянск: БГИТА, 2014. С. 9–17.
3. Шепелев Н.П., Шумилов М.С. Реконструкция городской застройки. М.: Высшая школа, 2000. 271 с.
4. Катаева Ю.В. Асимметрия интересов субъектов преобразования городской среды как фактор ее несбалансированного развития // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2013. № 3 (18). С. 129–137.
5. Копытова Я.К. Градостроительные аспекты обеспечения миграционных процессов // Устойчивое развитие территорий / Сборник докладов международной научно-практической конференции. М.: МИСИ–МГСУ, 2018. С. 43–46.
6. Zaikov K.S., Kalinina M.R., Kondratov N.A. Tamitskii A.M. Innovation course of economic development in the Northern and Arctic territories in Russia and in the Nordic countries // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2017. Vol. 10. No. 3. Pp. 59–77. DOI 10.15838/esc/2017.3.51.3
7. Zaikov K.S., Katorin I.V., Tamitskii A.M. Migration attitudes of the students enrolled in Arctic-focused higher education programs // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2018. Vol. 11. No. 3. Pp. 230–247. DOI 10.15838/esc.2018.3.57.15
8. Zaikov K., Tamitskiy A., Zadorin M. Legal and political framework of the federal and regional legislation on national ethnic policy in the Russian Arctic // The Polar Journal. 2017. No. 1 (7). Pp. 125–142. DOI 10.1080/2154896X.2017.1327748
9. Соколова Ф.Х. Этнодемографические процессы в Российской Арктике // Арктика и Север. 2015. № 21. С. 151–164.
10. Этнонациональные процессы в Арктике: тенденции, проблемы и перспективы: монография / И.Ф. Верещагин, К.С. Зайков, А.М. Тамицкий, Т.И. Трошина, Ф.Х. Соколова, Н.К. Харламповева и др.; / Под ред. Н.К. Харламповевой. Архангельск: САФУ, 2017. 325 с.
11. Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. Расселение населения в российской Арктике: теория и практика // Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ: VII Уральский демографический форум с международным участием: сборник статей. Т. 1: Социология и история воспроизводства населения России. Екатеринбург, 2016. С. 126–132.
12. Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. Особенности расселения населения в Арктической зоне России // Арктика: экология и экономика. 2016. № 2 (22). С. 40–50.
13. Сарвут Т.О. О принципах формирования среды обитания в российской Арктике // Устойчивое развитие территорий / Сборник докладов международной научно-практической конференции. М.: МИСИ–МГСУ, 2018. С. 170–172.

References

1. Gol'ts G.L. Gorod i ego kul'turno-urovnevye pokazateli v opredelenii i izmerenii urbanizatsii [The city and its cultural and level indicators in defining and measuring urbanization]. *Gorod kak sociokul'turnoe javlenie istoricheskogo processa* [The city as a socio-cultural phenomenon of the historical process], Moscow, Nauka Publ., 1995, pp. 47–60. (In Russ.)
2. Gorodkov A.V. Nekotorye kul'turologicheskie aspekty sohraneniya istoricheskoy zastroyki goroda [Some cultural aspects of the preservation of the historical buildings of the city]. *Regional'naja kul'tura: innovacionnye aspekty razvitiya: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Regional culture: innovative aspects of development]. Ed. by T.I. Rjabova. Brjansk, BGITA Publ., 2014, pp. 9–17. (In Russ.)
3. Shepelev N.P., Shumilov M.S. *Rekonstrukcija gorodskoj zastroyki* [Reconstruction of city building]. Moscow, Vysshaja shkola Publ., 2000, 271 p. (In Russ.)
4. Kataeva Ju.V. Asimetrija interesov subjektov preobrazovanija gorodskoj sredy kak faktor ee nesbalansirovannogo razvitiya [Asymmetry of interests of subjects of urban environment transfor-

- mation as a factor of its unbalanced development]. *Perm University Herald. ECONOMY*, 2013, no. 3 (18), pp. 129–137.
5. Kopytova Ja.K. Gradostroitel'nye aspekty obespechenija migracionnyh processov [Town planning aspects of migration processes]. *Ustojchivoe razvitie territorij: sbornik dokladov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Sustainable development of territories], Moscow, MISI–MGSU Publ., 2018, pp. 43–46. (In Russ.)
 6. Zaikov K.S., Kalinina M.R., Kondratov N.A. Tamitskii A.M. Innovation course of economic development in the Northern and Arctic territories in Russia and in the Nordic countries. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 3, pp. 59–77. DOI 10.15838/esc/2017.3.51.3
 7. Zaikov K.S., Katorin I.V., Tamitskii A.M. Migration attitudes of the students enrolled in Arctic-focused higher education programs. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 3, pp. 230–247. DOI 10.15838/esc.2018.3.57.15
 8. Zaikov K., Tamitskiy A., Zadorin M. Legal and political framework of the federal and regional legislation on national ethnic policy in the Russian Arctic. *The Polar Journal*, 2017, no. 1 (7), pp. 125–142. DOI 10.1080/2154896X.2017.1327748
 9. Sokolova F.H. Jetnodemograficheskie processy v Rossijskoj Arktike [Ethno-demographic processes in the Russian Arctic]. *Arctic and North*, 2015, no. 21, pp. 151–164.
 10. *Jetnonacional'nye processy v Arktike: tendencii, problemy i perspektivy: monografija* [Ethnonational processes in the Arctic: trends, problems and prospects: a monograph]. I.F. Vereshhagin, K.S. Zajkov, A.M. Tamickij, T.I. Troshina, F.H. Sokolova, N.K. Harlamp'eva i dr.; / Ed by. N.K. Harlamp'eva. Arhangel'sk: NArFU Publ., 2017, 325 p. (In Russ.)
 11. Fauzer V.V., Lytkina T.S., Fauzer G.N. Rasselenie naselenija v rossijskoj Arktike: teorija i praktika [Settlement in the Russian Arctic: Theory and Practice]. *Dinamika i inercionnost' vosproizvodstva naselenija i zameshhenija pokolenij v Rossii i SNG: VII Ural'skij demograficheskij forum s mezhdunarodnym uchastiem: sbornik statej* [Dynamics and inertia of reproduction of the population and replacement of generations in Russia and the CIS: VII Ural demographic forum with international participation]. Vol. 1: Sociologija i istorija vosproizvodstva naselenija Rossii. Ekaterinburg Publ., 2016, pp. 126–132.
 12. Fauzer V.V., Lytkina T.S., Fauzer G.N. Osobennosti rasselenija naselenija v Arkticheskoy zone Rossii [Features of population settlement in the Arctic zone of Russia]. *Arctic: Ecology and Economy*, 2016, no. 2 (22), pp. 40–50.
 13. Sarvut T.O. O principah formirovanija sredy obitanija v rossijskoj Arktike. Ustojchivoe razvitie territorij: sbornik dokladov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [On the principles of habitat formation in the Russian Arctic. Sustainable development of territories]. Moscow, MISI–MGSU Publ., 2018, pp. 170–172.

УДК 94:[323.1+316.42](985)(045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.34.133

Стратегические приоритеты и практические формы реализации этнополитики в арктических субъектах Российской Федерации *

© **СОКОЛОВА Флера Харисовна**, доктор исторических наук, профессор

E-mail: f.sokolova@narfu.ru

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия

© **ЗОЛОТАРЕВ Олег Васильевич**, доктор исторических наук, профессор

E-mail: kimoopd@syktsu.ru

Сыктывкарский государственный университет имени П. Сорокина, Сыктывкар, Россия

© **МАКСИМОВА Любовь Анатольевна**, кандидат исторических наук, доцент

E-mail: lmaks@syktsu.ru

Сыктывкарский государственный университет имени П. Сорокина, Сыктывкар, Россия

© **СИБИРЯКОВ Игорь Вячеславович**, доктор исторических наук, профессор

E-mail: sibirjkovig@mail.ru

Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия

Аннотация. В статье на основе комплексного анализа источников представлена эволюция стратегических приоритетов и практических форм реализации этнополитики в российских регионах на примере арктических субъектов Российской Федерации в постсоветский период. Доказано, что этнополитика каждого арктического субъекта РФ имеет свои отличительные особенности, обусловленные комплексом причин объективного и субъективного характера. Более отчетливо дифференциация региональных национальных практик проявлялась в 1990-х гг., когда в регионе, как и в стране в целом, наблюдались процессы суверенизации и политизации этничности. С урегулированием федеративных отношений, разграничением полномочий между центром и субъектами РФ на рубеже XX-XXI вв. арктические регионы начинают выстраивать свою этнополитику в соответствии со стратегическим видением центра. Однако этнополитика исследуемых субъектов первого десятилетия XXI вв. была больше направлена на демонстрацию этнокультурного многообразия в ущерб идеям консолидации российского общества, что создавало почву для этнокультурной мобилизации и этноэгоизма. С принятием Стратегии национальной политики РФ 2012 года, в которой концептуальные основы нациестроительства были смещены в пользу укрепления единства многонационального народа и государства на принципах общегражданской солидарности, политика арктических регионов начинает встраиваться в общероссийскую логику урегулирования межэтнических отношений. Вопросы этничности в современной федеральной повестке дня тесно увязаны с проблемами безопасности. Данные социологических исследований и мониторингов межнациональной напряженности свидетельствуют, что региональные власти арктических субъектов контролируют ситуацию в области межэтнических отношений. Арктические субъекты относятся к регионам с низкой и очень низкой межэтнической напряженностью. Вместе с тем в латентной фазе находятся противоречия между местным населением и мигрантами, старожилами и новопоселенцами, рядом русских субэтносов и коренными малочисленными народами за равенство прав и привилегий.

Ключевые слова: межэтнические отношения, региональная этнополитика, Российская Арктика, этничность.

* Для цитирования:

Соколова Ф.Х., Золотарев О.В., Максимова Л.А., Сибиряков И.В. Стратегические приоритеты и практические формы реализации этнополитики в арктических субъектах Российской Федерации // Арктика и Север. 2019. № 34. С. 133–158. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.34.133

For citation:

Sokolova F.Kh., Zolotarev O.V., Maksimova L.A., Sibiriyakov I.V. Strategic priorities and forms of the applying ethnopoli-
tics in the Arctic areas of the Russian Federation. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 34, pp. 133–158. DOI:
10.17238/issn2221-2698.2019.34.133

Strategic priorities and forms of the applying ethnopolitics in the Arctic areas of the Russian Federation

© **Flera Kh. SOKOLOVA**, Dr. Sci. (Hist.), Professor

E-mail: f.sokolova@narfu.ru

Northern (Arctic) federal university named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

© **Oleg V. ZOLOTAREV**, Dr. Sci. (Hist.), Professor

E-mail: kimoopd@syktsu.ru

Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin, Syktyvkar, Russia

© **Liubov A. MAKSIMOVA**, Cand. Sci. (Hist.), Associated Professor

E-mail: lmaks@syktsu.ru

Syktyvkar State University named Pitirim Sorokin, Syktyvkar, Russia

© **Igor V. SIBIRYAKOV**, Dr. Sci. (Hist.), Professor

E-mail: sibirjkovig@mail.ru

South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia

Abstract. The article is dealing with the process of evolution of strategic priorities and practical forms of the realization of the ethnic policy in Russia on the example of the Arctic regions in the post-Soviet period. It is proved that the ethnopolitics of each Arctic region of the Russian Federation has its distinctive features, due to the complex of the reasons of its climatic, socio-economic, political and cultural nature. The differentiation of regional, national practices was more clearly manifested in the 1990s when in the Arctic regions, as well as in the whole country, the processes of sovereignty and politicization of ethnicity were observed. With the normalization of relations between the Federal center and regions, the separation of powers between the center and the entities of the Russian Federation at the turn of XX-XXI centuries, the Arctic regions are starting to build their ethnonational policy according to the strategic vision of the center. However, in the first decade of the XXI century, the ethnopolitics of the Arctic regions was more focused on the demonstration of ethnocultural diversity to the detriment of the ideas of consolidation of Russian society, which created the basis for ethnocultural mobilization and ethnic-egoism. The Strategy of the national policy of the Russian Federation 2012, contains conceptual foundations of nation-building and is biased in favor of the strengthening the unity of the multiethnic people and the state on the principles of civil solidarity. The policy of the Arctic regions begins to integrate into the all-Russian logic of the normalization of inter-ethnic relations. Ethnicity-related issues in the contemporary agenda are intimately connected with the security ones. The results of the sociological surveys and monitoring of the interethnic tensions suggest that regional authorities can control the current situation. Arctic territories are considered as the regions with the low and meager rate of ethnic tensions. However, contradictions between local people and migrants, old-timers and new settlers, Russian ethnic groups and indigenous peoples for similar rights and privileges are in the latent stage.

Keywords: *interethnic relations, regional ethnopolitics, the Russian Arctic, ethnicity.*

Введение

В полиэтнической России практически на всём протяжении её исторического развития национальный вопрос являлся одним из ключевых. Как правило, межэтнические отношения обострялись в периоды кардинальных общественных трансформаций и ослабления центральной власти. Политизация этничности была характерна для периода революционных процессов 1917 г. и вновь проявилась в 1990-х гг. С одной стороны, актуализация национального вопроса обусловлена исторически сложившейся моделью взаимодействия центра с регионами на принципах централизации власти. С другой стороны, он является следствием социально-экономического кризиса, этнического неравенства, просчётов и ошибок в проведении этнополитики. С третьей, в его основе лежит субъективный компонент, а именно

стремление этнополитических лидеров к расширению властных полномочий и обладанию ресурсами, особенно в регионах, имеющих значительный экономический потенциал. Свой вклад в мобилизацию этничности порой невольно вносит национальная интеллигенция, которая систематически актуализирует проблему сохранения и возрождения культуры предков. В современном мире мощным катализатором межэтнических конфликтов и противоречий являются глобальные мировые тренды, в частности, расширение трансграничных связей, интенсификация миграционных процессов и межкультурных контактов. Взаимодействие народов, имеющих существенные различия в моделях поведения и мировоззрения, таит угрозу обострения межэтнических отношений и ксенофобских настроений.

В политической практике арктического региона этнический компонент обусловлен совокупностью внешних и внутренних факторов, общемировых, общероссийских, региональных и локальных трендов. Этнокультурный ландшафт арктического региона представлен практически всеми народами России, выходцами из стран ближнего зарубежья, Азиатско-Тихоокеанского региона, Европы, особенно её североευропейской части. Здесь значительно представительство автохтонных этнических групп, о чём свидетельствует конституционно-правовой статус территориальных образований. Отметим, что 6 из 9 арктических субъектов России созданы с учётом национального компонента: Республики Карелия, Коми и Саха (Якутия), Ненецкий, Ямало-Ненецкий и Чукотский автономные округа. Арктика — территория исконного обитания карелов, коми, якутов, там проживают 18 из 47 коренных малочисленных народов России: вепсы, долганы, кереки, кеты, манси, нганасаны, ненцы, саамы, селькупы, ханты, чуванцы, чукчи, чулымцы, эвенки, эвены, энцы, эскимосы, юкагиры.

К факторам внешней среды следует отнести актуализацию проблемы обеспечения прав и гарантий коренных народов планеты мировым сообществом. В частности, Конвенцией Международной организации труда № 169 от 27 июня 1989 г. «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» было положено начало отказу от политики ассимиляции этих народов в культуры титульных наций. За коренными народами признавались основные права и свободы человека, в том числе на самостоятельный выбор приоритетов экономического и культурного развития¹.

В контексте общемировых трендов предотвращения глобальной экологической катастрофы, разрушения традиционной среды обитания в процессе промышленного освоения Арктики тематика коренных народов, обеспечения их прав и свобод стала приоритетной и в деятельности региональных организаций — Арктического совета, Баренцева Евро-Арктического региона.

Попытки осмысления глубинных основ этничности, истоков, генезиса, закономерностей развития этнической культуры, проблем межкультурного взаимодействия и разработки

¹ «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах». Конвенция Международной организации труда от 27.06.1989, № 169. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/iol169.shtml. (дата обращения 14.12.2018).

эффективных моделей государственной этнонациональной политики обусловили огромный массив исследований по проблеме. Большую исследовательскую традицию имеет концептуальное обоснование основных категорий этнополитики. В частности, предметом острых научных дискуссий является интерпретация понятий «этнос» и «нация», которые в противоположном ключе трактуются сторонниками примордиализма и инструментально-конструктивистского подхода [1, 2, 3, 4, 5]. Значительный пласт научной литературы посвящён анализу государственных механизмов урегулирования взаимоотношений с конкретными объектами национальной политики: коренными и коренными малочисленными народами страны, мигрантами [6, 7]. В последние годы объектом внимания исследователей становится национальная политика современной России [8, 9, 10, 11, 12, 13].

За рубежом сформировалась серьёзная методологическая база для изучения *этнополитических процессов* (термин «этнополитика» в зарубежной историографии синонимичен термину «национальная политика» в советской / российской). Работ зарубежных авторов, посвящённых анализу этнополитических процессов на постсоветском пространстве не много, так как, в основном, они изучались в контексте исследования политической системы России. Более того, ещё с конца 50-х гг. XX в. в ведущих зарубежных университетах создавались специализированные центры «русских» («славянских») исследований². Именно их научные разработки легли в основу зарубежной историографии этнополитики РФ.

Представление об этнополитике России как о неоимпериалистской было и остаётся доминирующей концепцией в зарубежной историографии. По мнению сторонников данного подхода, империалистические тенденции в российской политике проявляются в отношениях с постсоветскими государствами, а также в отношениях федеральной власти РФ с её нерусским населением [14, 15]. Проявлением неоимпериализма считается лидирующая роль России в урегулировании межэтнических конфликтов на постсоветском пространстве и забота о соотечественниках, оказавшихся за границей после распада СССР, составляющих, по мнению исследователей, «пятую колонну» России за рубежом [16]. Однако неоимпериалистический подход в исследовании российской этнополитики подвергается критике со стороны ряда зарубежных исследователей, которые аргументированно доказывают, что многие конфликты, происходившие в России и на постсоветском пространстве в 1990-е гг., не имели этнополитического характера, а отражали столкновение интересов региональных элит, а российские власти никогда не стремились мобилизовать русских за рубежом [17].

В целом среди достоинств зарубежной историографии этнополитики России можно отметить широкое использование сравнительных и междисциплинарных методов исследования, из недостатков — использование аксиом об «имперском менталитете» этнических русских, применение «двойных стандартов» при исследовании различных этнических групп,

² Такие центры существовали в Гарвардском, Колумбийском и Калифорнийском университетах в США, Школа славянских и восточноевропейских исследований Лондонского университета, Кембриджский университет — в Великобритании.

недостаточное внимание к проблемам русских в России. Важно отметить, что в условиях современных обществ, сформировавшихся на постсоветском пространстве, с присущим им высоким уровнем межэтнической напряжённости, изучение этнополитических процессов помимо приращения теоретического знания имеет ярко выраженную практическую значимость. Она заключается в выработке государственной национальной политики, адекватной внешним и внутренним вызовам, стоящим перед Россией; политики, способной обеспечить устойчивое развитие, мир и межнациональное согласие.

Региональный срез историографии представлен массивом работ этнографического плана посвящённых анализу истоков этничности и культуры коренных малочисленных народов. В последние годы активизировались попытки осмысления этносоциальных процессов и межэтнических отношений в арктических субъектах Российской Федерации [18, 19, 20, 21]. Анализу в сравнительном контексте подвергаются правовые и политические основы федерального и регионального законодательства в области этнонациональной политики [22]. Очевидны научные достижения в области изучения этнополитики арктических субъектов и практики её реализации [23, 24].

Однако территориальная ограниченность исследований, выполненных, как правило, на примере конкретных субъектов или группы регионов, актуализирует проблему формирования целостного видения и понимания специфики региональных моделей этнонациональной политики, их эволюции в постсоветский период российской истории. Не претендуя на полноту освещения в рамках статьи, попытаемся выявить особенности формирования и реализации этнонациональной политики арктических субъектов РФ в постсоветский период.

Теоретическая основа исследования базируется на синтезе достижений примордиалистского и конструктивистского подходов. Развернутое авторское обоснование методологического подхода и сущности концептов «этнос» и «нация» представлено в работе А.М. Максимова и Ф.Х. Соколовой [25, с. 136]. На наш взгляд, сочетание двух исследовательских парадигм в анализе феномена этничности обусловлено его многоаспектностью. В этом смысле междисциплинарность не превращает имеющиеся подходы в эклектику, но стремится к их взаимообогащению.

Источниковая база исследования представлена уставами национально-территориальных образований арктического региона, стратегиями и концепциями национальной политики, в которых определены региональные приоритеты этнополитики, нормативно-правовые, организационно-управленческие и финансовые механизмы её реализации. Степень эффективности региональных органов управления в области урегулирования межнациональных отношений выявлялась на основе сопоставления планов и отчётов по реализации стратегий национальной политики. В целях выявления уровня межнациональной напряжённости использовались данные социологических исследований, выполненных независимыми организациями.

Согласно Указу Президента Российской Федерации от 2 мая 2014 г. № 296, в Арктическую зону Российской Федерации (АЗРФ) полностью включены территории четырёх субъектов РФ (Мурманская область, Ненецкий, Чукотский и Ямало-Ненецкий автономные округа) и частично территории Архангельской области, Красноярского края, республик Коми и Саха (Якутия), ряд островов, расположенных в Северном Ледовитом океане³. В 2017 г. в соответствии с изменениями, внесёнными в указ, список сухопутных территорий дополнился тремя муниципальными образованиями Республики Карелия⁴. В контексте значимости комплексного подхода к исследованию проблемы представляется неправомерным проведение разграничительных линий внутри арктических субъектов РФ, которые являются целостными подсистемами, где политики и практики муниципального и субъектного уровней тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены. В связи с этим территориальные рамки исследования будут расширены до 9 арктических субъектов РФ.

Этнонациональная политика арктических субъектов 1990-х гг.

На 1 января 2018 г. общая численность постоянного населения арктических субъектов РФ составляла 7 800 тыс. чел.⁵, что на 23% меньше по сравнению с 1989 г.⁶ В числе ведущих этносоциальных тенденций следует отметить: отрицательное миграционное сальдо, интенсивность миграционного обмена, обусловленную широким распространением вахтового метода работы, положительная демографическая динамика — преимущественно среди якутов и коренных малочисленных народов Арктики. Вследствие обозначенных процессов за исследуемый период существенно видоизменилась этнонациональная структура населения. В частности, общая численность русских сократилась на 23,2%, их удельный вес среди населения в целом по российской Арктике уменьшился с 77,5% до 75,8%, что ниже средних российских значений на 5,1%. В Чукотском АО и республике Саха (Якутия) они уже составляют менее 50% населения: 49,6% и 36,9% соответственно. В Ненецком и Ямало-Ненецком АО, республике Коми удельный вес русских едва превышает 60%. В числе наметившихся тенденций — существенное увеличение удельного веса коренных малочисленных народов на территориях их традиционного проживания. В Ненецком и Ямало-Ненецком автономных округах удельный вес ненцев возрос на 5,9% и на 1,3% соответственно и составил 17,8% и 5,7% населения территории. На своей исторической родине удельный вес чукчей возрос с 7,6% до 25,3%, в Якутии удельный вес якутов, эвенов и эвенков среди населения возрос на 16,6% и

³ «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» Указ Президента Российской Федерации от 02.05.2014 г. № 296. URL: <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?3631997> (дата обращения: 14.12.2018).

⁴ «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 2 мая 2014 года «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации». Указ Президента РФ № 287 от 29 июня 2019. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42021> (дата обращения: 07.02.2019).

⁵ Подсчитано авторами по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_14p/Main.htm (дата обращения: 14.12.2018).

⁶ Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1989 г. Численность населения СССР, РСФСР и её территориальных единиц по полу. // Демоскоп Weekly 2015. № 651-652. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg1.php (дата обращения: 14.12.2018).

достиг 52,5% [26, с. 160–161]. Следует отметить, что динамика роста коренных малочисленных народов Арктики обеспечивалась как демографическими, так и недемографическими факторами. Среди них: более высокий уровень рождаемости при определённом снижении уровня смертности, ускорение процессов этнической самоидентификации, социально-экономические соображения, когда на фоне принятых государством нормативных актов о гарантиях прав коренных малочисленных народов стало выгодно иметь принадлежность к этим этническим группам.

За исследуемый период наметилась тенденция миграционного оттока выходцев из европейской части постсоветского пространства (украинцы, белорусы, молдаване) и бывших автономных республик (татары, башкиры, чуваш и др.). Их численность сократилась в 3,5 и 1,5 раза соответственно. Одновременно в 1,5–4 раза увеличилось представительство выходцев из ряда бывших среднеазиатских и закавказских республик (Армении, Азербайджана, Киргизии, Узбекистана, Таджикистана). Особо привлекательны для них динамично развивающиеся регионы: Ямало-Ненецкий АО, Красноярский край, республика Саха (Якутия), хотя их рост наблюдается практически по всем арктическим субъектам [26, с. 161].

Как и в целом по стране, национальная политика арктических субъектов эволюционировала во времени. Условно её можно разделить на три периода. Первый этап приходится на 1990-е гг., когда в условиях радикальных общественных трансформаций в арктических субъектах превалировали процессы этнической мобилизации и этнополитического самоопределения. Федеральными законами от 6 октября 1999 г. «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и от 7 мая 2002 г. «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», которые установили принцип единства государственной власти, акценты сместились в сторону этнокультурного самоопределения и развития⁷. С принятием в 2012 г. Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г., стартовал новый период.⁸ Его характерной особенностью является начало встраивания этнополитики арктических субъектов в общегосударственную логику формирования российской гражданской нации на основе этнокультурного многообразия.

⁷ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». ФЗ РФ №184-ФЗ от 06.10.1999 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_14058/ (дата обращения: 27.02.2019); О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». ФЗ РФ №47-ФЗ от 07.05.2002. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901817319> (дата обращения: 27.02.2019).

⁸ «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 г. № 1666 // Собрание законодательства РФ. 2012. № 52. Ст. 74–77.

На фоне распада СССР и «парада суверенитетов» в 1990-х гг. в арктических субъектах активизировались процессы этнической самоорганизации и этнополитического самоопределения. Получили распространение этноцентричные идеологии, которые нередко культивировали сами органы региональной власти в целях обретения большей политической самостоятельности или получения дополнительного федерального субсидирования.

Межэтническую напряжённость в регионе нередко подогревали коренные народы из зарубежных стран, которые призывали сородичей к этнической консолидации и совместной борьбе за свои права. На первый взгляд, внешне безобидные и естественные процессы этнической консолидации и расширения международного сотрудничества народов в условиях слабой межрегиональной координации и консолидации усилий арктических субъектов по совместному регулированию межнациональных отношений, культивирование идей межэтнических различий в стране, таили угрозу дезинтеграционных процессов в стране и регионе.

Потенциально конфликтогенным фактором выступал возможный рост напряжённости в отношениях между коренными малочисленными народами и другими этническими и социальными группами, которые на фоне льгот и преференций этническим меньшинствам оказались ущемлёнными в правах. Свидетельство тому — активное муссирование поморской темы в 1990-х гг., попытки добиться для них статуса коренных малочисленных народов. Справедливо утверждение Шабая Ю.П. о том, что недальновидная федеральная политика, а именно введённый запрет на занятия морским промыслом для поморов, резкое ограничение квот на вылов рыбы, в отличие от этнических групп, получивших статус «коренных малочисленных народов», усугубляли их экономическое положение и обостряли межэтническую напряжённость. [13, с. 43–44].

Социально-экономический кризис, обострившийся в преимущественно дотационных арктических регионах на фоне перехода к рыночной экономике, таил в себе потенциал роста межэтнической напряжённости. Справедливо утверждение И.В. Карабаша, что «межэтническая напряжённость предполагает конкуренцию и конфликты этносов за различные ресурсы и доминирование этнических элит в той или иной социокультурной среде» [27, с. 154].

В 1990-х — начале 2000-х гг. в арктических регионах определялся предмет ведения и полномочия регионов, формировалось видение по вопросам политического, экономического и культурного развития народов, населяющих территории субъектов. Обозначенные аспекты нашли отражение в основных законах (уставах и конституциях) северных циркумполярных регионов, что в целом свидетельствует о стремлении региональных элит содействовать развитию этносов в рамках целостности страны.

Несколько диссонировал в этом плане Основной закон Республики Саха (Якутия) 2002 г., где указывалось, что республика Саха часть принадлежащих ей прав добровольно и на основе Федеративного и иных договоров передает на определённый срок в ведение органов государственной власти Российской Федерации, сохраняя за собой право на самоопределение при свободном волеизъявлении народа. Согласно документу, республика сохраняла за

собой право на постановку вопроса о приостановлении действия или об отмене федеральных законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации в случае, если они нарушают Федеративный или иной договор, либо приняты в нарушение полномочий и предметов ведения Республики Саха (Якутия). В русле явно доминирующих в стране примордиалистских трактовок нации как этноса, достигшей высшей стадии развития, подобные формулировки позволяли этнополитическим лидерам республики в последующем заявить о своём праве выхода из состава Российской Федерации. Сохраняя за собой право на отделение от РФ, республика одновременно планировала строго пресекать любые попытки покушения на собственную территориальную целостность. Статьей 4.2. Основного закона призывы к насилию и насильственному ниспровержению конституционного строя и к нарушению территориальной целостности Республики Саха (Якутия) преследовались законом⁹.

В данном контексте вполне применима к анализу этнополитической ситуации в регионах мысль, высказанная Л.А. Мусаелян о том, что политическая и экономическая элита национальных республик СССР к концу перестройки активно эксплуатировала марксистский принцип права наций на политическое самоопределение, но после развала страны «категорически отказала в этом праве другим народам, которые некогда волевым решением властей оказались в составе республик» [10, с. 36]. Экспертами Центра изучения национальных конфликтов отмечается, что в Якутии в 1990-е гг. происходили межэтнические конфликты, наблюдалось формирование региональных этнократий и выдавливание русского населения, многие решения принимались сквозь призму межэтнических отношений¹⁰.

В связи с тем, что Арктика — территория преимущественного проживания коренных малочисленных народов (их удельный вес среди населения арктических субъектов превышает 4%, а в ряде территорий достигает 10–25%), в уставных документах особое внимание уделялось защите их прав и интересов [28, с. 58]. В свою очередь в уставе Архангельской области делалась заявка на получение статуса коренного малочисленного народа для поморов. В частности, отмечалось, что на территории области «поддерживаются и поощряются традиции русского поморского Севера»¹¹.

В 1990-х гг. концептуальное видение национальной политики документально оформилось лишь в ряде арктических субъектов России: Республиках Коми и Саха (Якутия), Красноярском крае.

Арктические субъекты с республиканским статусом свои приоритеты в области национальной политики обозначили раньше федерального центра. Республика Коми утвердила

⁹ Конституция (Основной закон) Республики Саха (Якутия). Утвержден Законом РС(Я) от 17.10.2002 54-3 N 445-II с дополнениями и изменениями. URL: <http://iltumen.ru/content/konstitutsiya-osnovnoi-zakon-respubliki-sakha-yakutiya> (дата обращения: 18.12.2018).

¹⁰ ЦИНК. Гроздь гнева. Рейтинг межэтнической напряженности в регионах России. Весна-осень 2014 гг. URL: <http://club-rf.ru/thegrapesofwrath/02/#analiz> (Lfnf j,hfotybz 14/12/2018) (дата обращения 18.12.2018).

¹¹ Устав Архангельской области от 20.03.2001 N 104 с дополнениями и изменениями. URL <http://www.dvinaland.ru/-erf95d3u> (дата обращения: 18.12.2018).

свою концепцию национальной политики на два месяца раньше Москвы¹², а республика Саха (Якутия) ещё в 1995 г.¹³ Оба документа идентичны по части признания необходимости достижения гражданского мира и межнационального согласия на территории собственных республик. В них значимыми признаны права личности на свободное этническое самоопределение и удовлетворение интересов и запросов, связанных с национальной принадлежностью. Однако в Концепции национальной политики Республики Саха (Якутия) 1995 г., задолго до введения понятия «российская нация» для обозначения многонационального народа РФ (Стратегия национальной политики РФ 2012 г.), появился термин «якутяне», которым региональные лидеры именовали полиэтничную общность республики, актуализируя тем самым проблему гражданской консолидации народов республики и формирования региональной идентичности. Признание суверенитета и территориальной целостности Республики Саха (Якутия), уважение истории, традиций, культуры, языка и национального достоинства народов Республики Саха (Якутия) обозначены в числе основополагающих принципов национальной политики.

Концепция региональной национальной политики Красноярского края была принята Законодательным собранием субъекта 21 января 1999 г. Основные положения документа в целом соответствуют положениям Концепции государственной национальной политики Российской Федерации 1996 г. В то же время в условиях усиления центробежных тенденций в стране в документе был сделан особый акцент на необходимости сохранения «территориальной целостности и многовекового полиэтничного единства России и края». Примечательно, что в условиях всплеска этничности и обвинений в адрес русских, которые якобы навязывали свою культуру другим народам, в Концепции Красноярского края актуализируется проблема возрождения и сохранения культуры русского этноса, которая «не имела возможности для развития в связи с подменой русской культуры наднациональной «общечеловеческой» культурой, отсутствием комплексных программ её развития»¹⁴.

В субъектах с республиканским статусом начинает оформляться институциональная основа региональной этнополитики. В 1991 г. был создан Комитет по национальной политике и межнациональным отношениям при Совете министров Республики Карелия, в 1993 г. — Государственный комитет по делам национальностей в структуре правительства Коми, в 1994 г. департамент по делам народов и федеративным отношениям Республики Саха (Якутия) [23, с. 104].

¹² О Концепции государственной национальной политики Республики Коми. Указ Главы республики Коми от 24.04.1996 №118. URL: <http://docs.cntd.ru/document/473200813> (дата обращения: 19.12.2018).

¹³ Концепция государственной национальной политики Республики Саха (Якутия). одобрена Постановлением Правительства РС(Я) от 13.10.1995. №446. URL: <http://www.dfoportal.info/area05x/partiehu/article-xyzdbm5.htm> (дата обращения: 19.12.2018).

¹⁴ «О Концепции региональной национальной политики Красноярского края». постановление Законодательного собрания Красноярского края от 21.01.1999 №5-263П. URL: <http://docs.cntd.ru/document/985501757> (дата обращения: 19.12.2018).

В начале 1990-х гг. на этнополитику страны и арктических регионов существенное влияние оказывали процессы этнической мобилизации и самоорганизации. Так, состоявшиеся в 1991 г. съезды представителей карельского и коми народов инициировали вопросы урегулирования взаимоотношений между региональными органами и созданными этническими объединениями в сфере совершенствования национального законодательства¹⁵.

Во многом откликом на этнические запросы населения стал федеральный закон «О языках народов Российской Федерации», который предоставил право территориям с республиканским статусом устанавливать свои государственные языки¹⁶. А в 1992 г. законодательное оформление государственных языков республик произошло в республиках Коми (РК) и Саха (Якутия) (РС(Я))¹⁷.

В целом в период 1990 — начала 2000-х гг. в арктических субъектах политика в сфере межнациональных отношений ещё не приобрела концептуальной стройности. Редким исключением являлась Республика Саха (Якутия), которая первой в стране разработала и утвердила методологически выверенную стратегию национальной политики. В большинстве же регионов регулирование межнациональных отношений осуществлялось инерционно, скорее в контексте отклика на этнические запросы общества и возникавшие проблемы. На стадии становления находился процесс институционального и нормативно-правового оформления национальной политики. Ключевыми вопросами повестки дня являлись оформление этнического статуса и расширение этнополитической самостоятельности регионов. На местах в это время фактически не нашли отклика значимые для урегулирования межэтнических отношений и поддержки гражданских инициатив в области сохранения и возрождения этнических культур федеральные законы второй половины 1990-х гг., в частности «О национально-культурной автономии» от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ и «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» ФЗ от 30 апреля 1999 г. N 82-ФЗ и др.¹⁸

Этнокультурная практика региональной национальной политики

Как справедливо отмечает В.Ю. Зорин, урегулирование федеративных отношений на рубеже XX–XXI вв., разграничение полномочий центра и субъектов, постепенное укрепление

¹⁵ Карелия официальная. Официальный интернет-портал Республики Карелия. V съезд карелов. URL: http://gov.karelia.ru/Power/Committee/National/karel_congr.html (дата обращения: 28.02.2019); Республика коми. Официальный портал. Съезд коми народа. URL: http://rkomi.ru/left/fu_mir/sjezd/ (дата обращения 28.02.2019).

¹⁶ «О языках Российской Федерации» ФЗ РФ от 25 окт. 1991 г. № 1807-1. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524/ (дата обращения: 07.08.2017).

¹⁷ О государственных языках Республики Коми: закон Респ. Коми от 28 мая 1992 г. URL: <http://minnats.rkomi.ru/left/doc/normrk/> (дата обращения: 07.08.2017). О языках Республики Саха (Якутия): закон РС(Я) от 16 окт. 1992 г. № 1170-XII. URL: <https://www.sakha.gov.ru/obschestvo/jazykovaya-politika/normativnye-pravovye-akty/zakony-respubliki-saha-jakutija-yazikovoi-sovet/zakon-respubliki-saha-jakutija-o-jazykah-v-respublike-saha-jakutija> (дата обращения: 07.08.2017).

¹⁸ «О национально-культурных автономиях» ФЗ РФ. №74-ФЗ от 17.06.1996. URL: <http://base.garant.ru/135765/> (дата обращения 28.02.2019); «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» ФЗ РФ №82-ФЗ от 30.04. 1999 г. URL: <http://base.garant.ru/180406/> (дата обращения: 28.02.2019).

вертикали власти заложили основы для ослабления политизированности этносов и способствовали становлению этнокультурной доктрины этнополитики [29, с. 144–145]. Анализ этнонациональной практики арктических субъектов подтверждает данное утверждение. В арктических субъектах первого десятилетия XX в. начинают постепенно реализовываться основные положения Концепции государственной национальной политики РФ 1996 г. и федеральные законы, направленные на урегулирование межэтнических отношений на основе принципов единства и целостности России с учётом и по согласованию с этнокультурными потребностями народов, населяющих страну.

В исследуемых регионах оформляется и расширяется нормативно-правовая основа этнополитики, начинают реализовываться региональные целевые программы, направленные на различные объекты национальной политики¹⁹. Анализ документальных источников свидетельствует о том, что основными направлениями деятельности региональных органов в этой сфере являлись: создание условий для национально-культурного самоопределения народов, сохранение и возрождение культуры и языков региона; обеспечение прав коренных малочисленных народов.

Получают развитие этнокультурные общественные объединения. Только за период 2000–2011 гг. в арктических субъектах было создано более 150 культурно-национальных автономий (НКО) и землячеств²⁰. Так, согласно закону «О культурно-национальных автономиях республики Коми» от 2005 г., этнокультурные объединения получали право на решение вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры на основе добровольной самоорганизации. В целях обеспечения диалога власти с этническими сообществами при министерстве национальной политики (до 2007 г. Государственный комитет по делам национальностей) был создан Консультативный совет по делам национально-культурных автономий, куда вошли представители ведущих республиканских НКО²¹. Совет получил право на внесение предложений в органы государственной власти по вопросам национально-культурного развития и участие в разработке республиканских целевых программ в области развития национальных языков и культуры. Аналогичный совет, но только из представителей карелов, вепсов и финнов был создан при Главе Республики Карелия²². В целях обеспечения координации и взаимодействия региональных и местных этнокультурных

¹⁹ Об утверждении Концепции государственной национальной политики в Архангельской области. постановление Правительства Архангельской области от 9.04.2007 № 67-па. URL: <http://docs.cntd.ru/document/462608824> (дата обращения: 18.12.2018); «Региональная целевая программа «Гармонизация национальных и конфессиональных отношений, формирование гражданского согласия в Республике Карелия на 2007–2011 годы» («Карелия — территория согласия»). Распоряжение Правительства Республики Карелия от 25.01.2007 г. № 22р-П и постановление Законодательного Собрания Республики Карелия от 22.02.2007 г. № 245-IV ЗС. URL: <http://www.gov.karelia.ru/Power/Committee/National/archives.html> (дата обращения: 28.02.2019).

²⁰ Информационный портал Минюста РФ. О деятельности некоммерческих организаций. URL: <http://unro.minjust.ru/NKAs.aspx> (дата обращения: 28.02.2019).

²¹ «О национально-культурной автономии в Республике Коми» Закон Республики Коми от 28.06.2005 года № 58-РЗ. URL: <http://minnats.rkomi.ru/left/doc/normrk/> (дата обращения: 28.02.2019).

²² Национальная политика по развитию культур прибалтийско-финских народов в Республике Карелия. URL: <http://www.gov.karelia.ru/Power/Committee/National/040225.html> (дата обращения: 28.02.2019).

и общественных объединений между собой и региональной властью начинают создаваться Советы национальностей (Архангельск, 2007 г.), Гражданские ассамблеи (Красноярский край, 2011 г.).

Мощный импульс в арктических субъектах в эти годы получила политика по поддержке родных языков (особенно государственных языков республик) и развитию национальной школы. В Республике Саха (Якутия) в 2001 г. была утверждена Концепция школьного языкового образования. В 2005–2007 гг. реализовывалась Государственная целевая программа языкового строительства [30, с. 454]. В Республике Коми было разработано и реализовано несколько целевых республиканских программ по развитию и сохранению государственных языков Республики Коми. В Карелии — республиканская программа «Финно-угорская школа Республики Карелия» (2000–2002 гг.) и «Этнокультурное образование в Республике Карелия на 2003–2005 годы», направленные на улучшение возможностей для изучения родных языков и культуры карелов, вепсов и финнов на всех уровнях образования и формирование системы образования и воспитания детей и молодёжи на этнокультурных традициях²³

Однако в условиях отсутствия чёткого нормативно-правового регулирования статусов государственного языка РФ и языков республик, разграничения объёмов федерального и национально-регионального компонентов учебных планов и содержательного наполнения последних, изучение культуры и языка региона нередко осуществлялось в ущерб федеральной части учебного плана. Следствием этого стали автономизация регионального (национально-регионального) компонента, установление его приоритетности по отношению к федеральному, понижение уровня владения русским языком. Так, по данным Всероссийской переписи 2010 г., самый низкий процент владения русским языком был среди якутов (89,6%)²⁴. Нередко этнокультурные образовательные учреждения превращались в инструмент этнической мобилизации. Интерес к изучению родных языков и культуры зачастую искусственно подогревался этнической интеллигенцией без учёта реальных запросов населения. Анализ статистических данных свидетельствует о том, что всплеск интереса к изучению родных языков, наблюдавшийся в 1990-х гг., начал затухать в первом десятилетии XX в. Так, к 2000 г. общая численность коми, изучающих родной язык, возросла в 6,6 раза, якутов — в 1,7 раза. [31, с. 117–118]. К 2011 г. положительная динамика сохранялась лишь в Якутии (рост почти в 2 раза). Противоположная динамика наметилась в Республике Коми (сокращение в 1,2 раза), что привело к будированию темы об обязательности изучения государственного языка республик всеми детьми школьного возраста без исключения.

²³ Мероприятия по национальному развитию и межнациональному сотрудничеству народов, проживающих в Республике Карелия, на 2002-2005 годы URL: <http://www.gov.karelia.ru/Power/Committee/National/inform.html> (дата обращения: 09.08.2017); Отчет о работе Государственного комитета Республики Карелия по делам национальной политики в 2003 году. URL: <http://www.gov.karelia.ru/Power/Committee/National/archives.html> (дата обращения: 09.08.2017).

²⁴ Всероссийская перепись населения 2010 г. Национальный состав и владение языками, гражданство. Том. 4. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 28.02.2019).

В 2000-х гг. самостоятельным объектом национальной политики становятся коренные малочисленные народы Арктики. Региональное законодательство этого периода представлено массивом нормативных документов, направленных на обеспечение прав и гарантий малочисленных народов в соответствии с федеральными нормативными актами²⁵.

В частности, были законодательно оформлены места их традиционного проживания и традиционные виды хозяйственной деятельности, актуализируется проблема защиты исконной среды обитания, обозначены меры по поддержке традиционных видов жизнедеятельности и улучшения социального положения малочисленных народов. Предоставлены правовые гарантии в области защиты языков коренных малочисленных народов, сохранения и возрождения их культуры. В регионах начинают разрабатываться планы мероприятий, направленные на реализацию «Концепции устойчивого развития коренных малочисленных

²⁵ «Основы правовых гарантий коренных малочисленных народов севера Красноярского края» Закон Красноярского края №7-1215 от 01.06.2003. URL: <http://docs.cntd.ru/document/985006116> (дата обращения: 02.03.2019); «О защите исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Красноярского края». Закон Красноярского края №11-5343 от 25.10.2010. URL: <http://docs.cntd.ru/document/985020863> (дата обращения: 02.03.2019); «О социальной поддержке граждан, проживающих в Таймырском Долгано-Ненецком муниципальном районе Красноярского края» Закон Красноярского края №7-2660 от 18.12.2008. URL: <http://docs.cntd.ru/document/985014971> (дата обращения: 02.03.2019); «О государственной поддержке коренных малочисленных народов Севера в Мурманской области, осуществляющих виды традиционной хозяйственной деятельности» Закон Мурманской области № 984-01-ЗМО от 30.06.2008 URL: <http://docs.cntd.ru/document/913513909> (дата обращения: 02.03.2019); «О перечне труднодоступных и отдаленных местностей и территориях компактного проживания коренного малочисленного народа Севера Российской Федерации в Мурманской области» Закон Мурманской области № 447-01-ЗМО от 04.12.2003; (дата обращения: 02.03.2019); «О государственной поддержке традиционных видов хозяйствования и промыслов коренных малочисленных народов Севера на территории Ненецкого автономного округа». Закон НАО от 28.01.2008 № 1-ОЗ URL: <http://docs.cntd.ru/document/819035883> (дата обращения: 02.03.2019); «Об общинах коренных малочисленных народов Севера в Ненецком автономном округе». Закон НАО от 01.10.2008 № 58-03. URL: <http://docs.cntd.ru/document/819067552> (дата обращения: 01.03.2019); «Об оленеводстве в Ненецком автономном округе». Закон НАО от 15.03.2002 № 341-03 URL: <http://docs.cntd.ru/document/800300987> (дата обращения: 01.03.2019); «О территории компактного проживания коренных малочисленных народов Севера в Ненецком автономном округе». Закон НАО от 21.05.2007 № 65-03. URL: <http://docs.cntd.ru/document/819003685> (дата обращения: 28.02.2019); «О государственном регулировании развития морского зверобойного промысла в Чукотском автономном округе» Закон Чукотского автономного округа от 09.02.1999 № 09-ОЗ. URL: <http://docs.cntd.ru/document/805044029>. (дата обращения: 28.02.2019); «О государственном регулировании и государственной поддержке развития северного оленеводства в Чукотском автономном округе». Закон Чукотского автономного округа от 08.06.2007 № 57-ОЗ. URL: <http://docs.cntd.ru/document/819012491>. (дата обращения: 28.02.2019); "О защите исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе" Закон ЯНАО от 06.10.2006 N 49-ЗАО. URL: <https://dkmns.yanao.ru/about/500/>. (дата обращения: 28.02.2019); "О государственной поддержке общин коренных малочисленных народов Севера и организаций, осуществляющих виды традиционной хозяйственной деятельности на территории Ямало-Ненецкого автономного округа" Закон ЯНАО от 28.12.2005 N 114-ЗАО. URL: <https://dkmns.yanao.ru/about/500/>. (дата обращения: 28.02.2019); «О Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа" Постановление Законодательного Собрания ЯНАО от 09.12.2009 N 1996. URL: <http://www.dkmns.ru/departament/normativno-pravovye-akty/> (дата обращения: 28.02.2019).

народов Севера, Сибири и Дальнего Востока».²⁶ Начинает оформляться институт уполномоченных по правам коренных малочисленных народов (Красноярский край)²⁷.

Начинает оформляться официальный статус языков коренных малочисленных народов²⁸. Создаются условия для развития их языков и национальных школ. Так, в 2010 г. более 50% детей коренных малочисленных народов Арктики изучали родной язык в школе²⁹. Формируется система преимущественно взаимосвязанного обучения родным языкам в дошкольных учреждениях, начальной и средней школе.

Именно в эти годы получают развитие СМИ и литература на языках народов региона. Расширяется сеть культурно-просветительских учреждений (центры и дома фольклора и традиционных ремесел, этнографические музеи). Широко практикуется проведение дней национальных культур и этнокультурных мероприятий.

Подводя итоги, следует отметить, что в первое десятилетие XXI в. арктических субъектах формируется и развивается этноправовая основа региональной политики. Закладываются основы для обеспечения взаимодействия и баланса интересов всех субъектов этнополитики (федеральный центр, региональные органы управления, этнические общественные объединения). В числе конкретных механизмов реализации урегулирования межэтнических отношений начинают практиковаться целевые республиканские и региональные программы.

Однако в условиях дефицита финансовых средств многие намерения (преодоление социально-экономической дифференциации регионов, улучшение социального положения коренных малочисленных народов и др.) оказывались скорее декларациями. Был дан мощный импульс возрождению и развитию этнических культур и этнокультурной мобилизации народов. Вместе с тем, широкая демонстрация культурных различий скорее создавала почву для этнического эгоизма и возводила барьеры в межэтническом взаимодействии.

Этнокультурное развитие народов зачастую осуществлялось в ущерб идеям достижения межнационального согласия и укрепления единства российской государственности на принципах гражданской солидарности. Редкое исключение — Республика Карелия, где на фоне межэтнических конфликтов 2006 г. была утверждена и начала реализовываться региональная целевая программа «Гармонизация национальных и конфессиональных отношений,

²⁶ «О концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока» Распоряжение Правительства РФ №132-р от 04.02.2009. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/94908/> (дата обращения: 28.02.2019).

²⁷ «Об уполномоченном по правам человека в Красноярском крае» Закон Красноярского края. URL: <http://docs.cntd.ru/document/985011867> (дата обращения: 28.02.2019).

²⁸ О статусе языков коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия): закон РС(Я) от 20 февр. 2004 г. № 243-III. URL: <https://www.sakha.gov.ru/obschestvo/jazykovaya-politika/normativnye-pravovye-akty/zakony-respubliki-saha-jakutija-yazikovo-ivoi-sovet/zakon-respubliki-saha-jakutija-20-fevralja-2004-goda-111-z-n-243-iii-o-statuse-jazykov-korenyh-malochislennyh-narodov-severa-respubliki-saha-jakutija> (дата обращения: 02.03.2019); "О родных языках коренных малочисленных народов Севера на территории Ямало-Ненецкого автономного округа" Закон ЯНАО от 05.04.2010 N 48-ЗАО. URL: <https://dkmns.yanao.ru/about/500/> (дата обращения: 02.03.2019).

²⁹ Составлено по: Экономические и социальные показатели районов проживания коренных малочисленных народов Севера — 2010 год. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_23/Main.htm (дата обращения: 28.02.2019).

формирование гражданского согласия в Республике Карелия на 2007–2011 годы» («Карелия — территория согласия»)³⁰. Как справедливо отмечает Ю.П. Шабает, «население отдельных регионов и российский социум в целом не рассматривались политиками и различными антрепренерами (включая этнических антрепренеров) как целостные гражданские сообщества, но представлялись лишь как некая сумма этнических групп, имеющих разные исторические судьбы и специфические культурные ценности» [23, с. 93].

На преодоление наметившихся негативных тенденций, принятие неотложных мер по укреплению единства страны был направлен Указ Президента РФ «Об обеспечении межнационального согласия» от 7 мая 2012 г., в соответствии с которым администрации Президента совместно с правительством было поручено разработать новую концепцию национальной политики страны³¹.

Путь к укреплению единства и основ гражданственности

Новый этап государственной национальной политики, направленный на укрепление единства и духовной общности народов России, основ нациестроительства на принципах гражданственности при одновременной поддержке этнокультурного многообразия был положен в 2012 г. утверждением Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.³²

Принятие Стратегии дало импульс региональному законодательству, что отразилось в утверждённых в последние годы стратегиях национальной политики арктических регионов, планах по их реализации и региональных программах³³.

³⁰ Итоговый доклад о выполнении региональной целевой программы "Гармонизация национальных и конфессиональных отношений, формирование гражданского согласия в Республике Карелия на 2007-2011 годы" ("Карелия — территория согласия") URL: <http://www.gov.karelia.ru/Power/Committee/National/archives.html> (дата обращения: 02.03.2019).

³¹ «Об обеспечении межнационального согласия» Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. №602. URL: Ресурсный центр в сфере национальных отношений). URL: <http://xn----8sbnatxcctbeddbtj9c2e.xn--p1ai/russian-federation/about> (дата обращения: 02.03.2019).

³² Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» от 19.12.2012 г. № 1666 // Собрание законодательства РФ. — 2012. — № 52. — Ст. 7477.

³³ «Об утверждении региональной стратегии государственной национальной политики в Архангельской области на период до 2025 года»: постановление Правительства Архангельской области от 27.05.2014 №222-пп с изменениями на 18.11.2014. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/462608824> (дата обращения 25.12.2018); «О Концепции государственной национальной политики Республики Коми»: указ Главы республики Коми от 24.04.1996 №118. URL: <http://docs.cntd.ru/document/473200813> (дата обращения: 25.12.2018); «Об утверждении Стратегии национальной политики в Республике Коми на период до 2025 года»: распоряжение Правительства Республики Коми от 15.04.2015 г. № 133-р. — URL: <http://minnats.rkomi.ru/left/doc/normrk/> (дата обращения 25.12.2018); «О стратегии государственной национальной политики в Ненецком автономном округе на период до 2015 года»: постановление губернатора НАО от 10.02.2016. №5-пр. — URL: <http://smi.adm-nao.ru/otnosheniya-v-nao/normativnye-pravovye-akty-v-sfere-nacionalnoy-politiki/> (дата обращения: 27.12.2018); «Об утверждении Концепции государственной национальной политики Ямало-Ненецкого автономного округа»: постановление Правительства Ямало-Ненецкого автономного округа от 03.08.2012 года № 630-П — URL: http://xn--80aealotwbjpid2k.xn--80aze9d.xn--p1ai/power/iov/information_politics_dep/normative_legal_acts/#bc (дата обращения: 27.12.2018); «Об утверждении плана мероприятий по реализации в Красноярском крае в 2016–2018 годах Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 годах»: распоряжение Губернатора Красноярского края от 29.03.2016. URL: <http://www.zakon.krsstate.ru/0/doc/31285>

В настоящее время практически во всех арктических субъектах реализуются государственные и региональные программы по укреплению единства российской нации и гармонизации межэтнических отношений, по поддержке этнокультурного развития народов, проживающих в регионе. В Архангельской области, Красноярском крае, Ненецком и Ямало-Ненецком АО в рамках ФЦП «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 гг.)» реализуются одноимённые региональные программы или подпрограммы³⁴. Мурманская область выполняет подпрограмму «Укрепление этнокультурного многообразия, гражданского самосознания и патриотизма в Мурманской области» в рамках госпрограммы «Государственное управление и гражданское общество»³⁵. Республика Карелия в рамках государственной программы «Развитие институтов гражданского общества и развитие местного самоуправления, защита прав и свобод человека и гражданина» на 2014–2020 гг. реализует подпрограмму «Сохранение единства народов и этнических общностей Карелии»³⁶.

В Республике Коми принята региональная программа «Республика Коми — территория межнационального мира и согласия (2014–2020 годы)»³⁷. В Республике Саха (Якутия) в рамках государственной программы «Гармонизация межэтнических отношений в республике Саха (Якутия) на 2012–2017 гг.» предусмотрены мероприятия по укреплению межэтниче-

(дата обращения: 27.12.2018); «О плане мероприятий по реализации в 2016–2018 годах Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года в Мурманской области»: постановление Правительства Мурманской области от 9.11.2015 N 498-ПП URL: <http://mvpmk.gov-murman.ru/documents/npa/npa/> (дата обращения: 27.12.2018).

³⁴ «Об утверждении государственной программы Архангельской области «Развитие местного самоуправления в Архангельской области и государственная поддержка социально-ориентированных некоммерческих организаций (2014–2020 годов)»: постановление Правительства Архангельской области от 08.10.2013. №464-пп. — URL: <http://dvinaland.ru/-6a4uab4u> (дата обращения: 05.01.2019); «Об утверждении государственной программы Красноярского края «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов Красноярского края»: постановление Правительства Красноярского края от 30.09.2014 №442-п. — URL: http://www.zakon.krsstate.ru/dat/bin/docs_attach/33388_442_p.pdf (дата обращения 05.01.2019); «Об утверждении государственной программы Ненецкого Автономного округа «Реализация региональной политики Ненецкого автономного округа в сфере международных, межрегиональных и межнациональных отношений, развития гражданского общества и информации»: постановление администрации НАО от 30.12.2014 № 537-п. — URL: <http://www.consultant.ru/law/review/reg/rlaw/rlaw9132014-11-21.html> (дата обращения: 07.01.2019); «Об утверждении комплексной программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России в Ямало-Ненецком автономном округе на 2014 — 2020 годы»: постановление Правительства Ямало-Ненецкого автономного округа от 20.11.2014 № 929-П. — URL: http://xn--80aealotwbjpid2k.xn--80aze9d.xn--p1ai/documents/postions/detail/72810/?sphrase_id=140289 (дата обращения: 07.01.2019).

³⁵ «Об утверждении Государственной программы Мурманской области «Государственное управление и гражданское общество»: постановление Правительства Мурманской области от 30.09.2013 № 555-ПП. — URL: <http://property.gov-murman.ru/upload/iblock/e4c/gosprogramma.pdf> (дата обращения 08.01.2019)

³⁶ Государственная программа Республики Карелия «Развитие институтов гражданского общества и развитие местного самоуправления, защита прав и свобод человека и гражданина» на 2014–2020 годы: постановление Правительства Республики Карелия от 19 декабря 2013 года № 365-П. — URL: <http://www.gov.karelia.ru/gov/Legislation/lawbase.html?lid=11243> (дата обращения: 11.01.2019)

³⁷ «Об утверждении региональной программы Республики Коми по укреплению единства российской нации и этнокультурному развитию народов России «Республика Коми — территория межнационального мира и согласия (2014–2020 годы)»: постановление Правительства Республики Коми от 19.12.2013 N 514. — URL: <http://minnats.rkomi.ru/content/4298/%D0%9F%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%BE%D1%82%2019.12.2013%20%D0%B3.%20%E2%84%96%20514.pdf> (дата обращения: 11.01.2019).

ских и межрелигиозных отношений, а также поддержка коренных малочисленных народов Севера³⁸. Одновременно в рамках государственной программы «Реализация семейной, демографической и молодежной политики в республике Саха (Якутия) 2014–2017 гг.» реализуется подпрограмма «Патриотическое воспитание молодежи», целью которой является гражданское образование и патриотическое воспитание подрастающего поколения, содействие формированию правовых, культурных и нравственных ценностей среди молодежи, укрепление единства многонационального народа Российской Федерации (российской нации)³⁹. В Чукотском АО на протяжении 2014–2015 гг. реализовывалась госпрограмма «Укрепление единства российской нации, этнокультурное развитие народов России и государственная поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций», однако её действие было приостановлено с января 2016 г.⁴⁰ В настоящее время комплекс мер, направленных на укрепление межнациональных отношений и создание единого культурного пространства осуществляется в рамках государственной программы «Развитие образования, культуры и молодежной политики Чукотского автономного округа в 2014–2018 годах»⁴¹.

Комплекс заявленных в региональных программных документах мероприятий и индикаторы эффективности в целом соответствуют общефедеральным установкам. Однако, следует отметить, что для арктических регионов, как и для федерального центра характерно увлечение демонстрацией этнокультурного многообразия территорий в ущерб формированию общероссийских ценностей и установок. Субъекты, входящие в АЗРФ, чрезвычайно дифференцированы в плане финансового обеспечения реализуемых программ, что с одной стороны обусловлено их возможностями, с другой – выбранными приоритетами. Так республики Коми и Саха (Якутия) на реализацию программ, направленных на гармонизацию межнациональных отношений выделяют ежегодно более 120 млн руб., Мурманская область свыше 40 млн руб., тогда как Архангельская область лишь в пределах 1-2 млн руб.⁴² Соответ-

³⁸ Государственная программа Республики Саха (Якутия) «Гармонизация межэтнических отношений в республике Саха (Якутия) на 2012-2017 годы»: в ред. Указов Президента РС(Я) от 14.03.2013. №1931, от 12.11. 2013 №2301, Указов Главы РС(Я) от 29.08.2014 №2845, от 30.03.2015. №384. URL: <http://old.sakha.gov.ru/node/17712> (дата обращения: 12.01.2019).

³⁹ «О государственной программе Республика Саха (Якутия) «Реализация семейной, демографической и молодежной политики в республике Саха (Якутия) на 2014-2017 годы»: в редакции Указов Главы Республики Саха (Якутия) от 06.10.2014 N 15, от 27.01.2015 N 300, от 20.07.2015 N 616, от 11.04.2016 N 1079). URL: <http://docs.cntd.ru/document/424027933> (дата обращения: 12.12.2018).

⁴⁰ «Об утверждении государственной программы «Укрепление единства российской нации, этнокультурное развитие народов России и государственная поддержка социально-ориентированных некоммерческих организаций в Чукотском автономном округе на 2014-2020 годы»: постановление Правительства Чукотского автономного округа от 20.12.2013 N 516. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/460216505> (дата обращения: 11.12.2018).

⁴¹ «Об утверждении Государственной программы «Развитие образования, культуры, спорта, туризма и молодежной политики Чукотского автономного округа на 2016-2020 годы»: постановление Правительства Чукотского автономного округа от 29.12.2015 №658. URL: http://xn--80atapud1a.xn--p1ai/power/priority_areas/open-budget/government-programs/development-education-2016-2020.php (дата обращения: 11.12.2018).

⁴² Отчет об исполнении государственной программы Республики Саха (Якутия) «Гармонизация межэтнических отношений в Республике Саха (Якутия) на 2012-2017 годы». URL: <https://www.sakha.gov.ru/files/front/download/id/1336498> (дата обращения 11.12.2018); «Об утверждении региональной программы Республики Коми по укреплению единства российской нации и этнокультурному развитию народов России «Республика Коми – территория межнационального мира и согласия (2014-2020 годы)»:

ственно, различными будут и ожидаемые эффекты. Регионы с меньшими финансовыми возможностями ограничиваются, как правило, узким кругом мероприятий.

С другой стороны, объёмы финансирования мероприятий различной направленности позволяют выявить предпочтения регионов в области межнациональных отношений. Так, Ненецкий АО на реализацию мероприятий, направленных на укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России в 2015 г. выделил 1,4 млн рублей; тогда как на программу «Сохранение и развитие коренных малочисленных народов Севера в Ненецком автономном округе» — более 40 млн руб.⁴³ В Республике Саха (Якутия) на реализацию программы гармонизация межнациональных отношений в 2015 г. выделено более 120 млн руб., тогда как на меры, направленные на укрепление единства многонационального народа Российской Федерации в рамках программы «Реализация семейной, демографической и молодежной политики в республике Саха (Якутия) 2014–2017 годы», — в 5 раз меньше: около 26 млн руб.⁴⁴

Заключение

В целом анализ практики реализации национальной политики в арктических субъектах в постсоветский период свидетельствует о том, что регионы начинают выстраивать свою деятельность в соответствии со стратегическим видением федерального центра, хотя имеются особенности, обусловленные национальным составом территорий и этнополитической ситуацией в конкретном субъекте. В 8 из 9 арктических субъектов, которые являются территориями компактного проживания коренных малочисленных народов, осуществляется ши-

постановление Правительства Республики Коми от 19.12. 2013 N 514. — URL: <http://minnats.rkomi.ru/content/4298/%D0%9F%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%BE%D1%82%2019.12.2013%20%D0%B3.%20%E2%84%96%20514.pdf> (дата обращения 13.11.2018); «Об утверждении Государственной программы Мурманской области «Государственное управление и гражданское общество»: постановление Правительства Мурманской области от 30.09.2013 № 555-ПП. URL: <http://property.gov-murman.ru/upload/iblock/e4c/gosprogramma.pdf> (дата обращения 05.11.2018); «Развитие местного самоуправления в Архангельской области и государственная поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций (2014–2020 годы)»: распоряжение Правительства Архангельской области от 29.03.2016 № 101-рп. URL: <http://portal.dvinaland.ru/upload/iblock/ee3/101-rp.pdf> (дата обращения: 05.11.2018).

⁴³ Годовой отчёт о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы Ненецкого автономного округа «Реализация региональной политики Ненецкого автономного округа в сфере международных, межрегиональных и межнациональных отношений, развития гражданского общества и информации» за 2015 год. URL: <http://smi.adm-nao.ru/informaciya-ob-uchastii-v-gosudarstvennyh-i-inyh-programmah/godovye-otchety-o-vypolnenii-gosudarstvennyh-programm/> (дата обращения 05.01.2019); Годовой отчет о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы Ненецкого автономного округа «Сохранение и развитие коренных малочисленных народов Севера в Ненецком автономном округе» за 2015 год. URL: <http://smi.adm-nao.ru/informaciya-ob-uchastii-v-gosudarstvennyh-i-inyh-programmah/godovye-otchety-o-vypolnenii-gosudarstvennyh-programm/> (дата обращения: 12.06.2017).

⁴⁴ Отчёт об исполнении государственной программы Республики Саха (Якутия) «Гармонизация межэтнических отношений в Республике Саха (Якутия) на 2012-2017 годы». URL: <https://www.sakha.gov.ru/files/front/download/id/1336498> (дата обращения 15.07.2018); «О государственной программе Республика Саха (Якутия) «Реализация семейной, демографической и молодежной политики в республике Саха (Якутия) на 2014-2017 годы: в редакции Указов Главы Республики Саха (Якутия) от 06.10.2014 N 15, от 27.01.2015 N 300, от 20.07.2015 N 616, от 11.04.2016 N 1079). URL: <http://docs.cntd.ru/document/424027933> (дата обращения: 13.12.2018).

рокий комплекс мер, направленных на сохранение и возрождение традиционных видов жизнедеятельности, повышение качества жизни и развитие традиционной культуры этнических меньшинств. В регионах, привлекательных для трудовых мигрантов (Республики Коми и Саха (Якутия), Красноярский край, Ямало-Ненецкий автономный округ), актуализируется и оформляется система социально-культурной адаптации международных мигрантов. В Архангельской области, где более 93% населения являются русскоязычными и приток мигрантов незначителен, основное внимание уделяется вопросам укрепления единства российской нации и вопросам этнокультурного развития народов России.

За исследуемый период в арктических субъектах создана обширная нормативно-правовая база, регулирующая различные аспекты национальных отношений, призванная обеспечить конкретные механизмы реализации конституционных прав граждан на свободное использование и развитие родных языков, сохранение этнокультурной самобытности и традиционных видов жизнедеятельности народов, проживающих в регионе. Произошло институциональное оформление национальной политики, во всех региональных органах управления созданы соответствующие структуры (министерства национальной политики, департаменты народов Севера, агентства по межнациональным отношениям, агентства по развитию северных территорий и поддержке коренных малочисленных народов и др.), занимающиеся вопросами формирования и реализации национальной политики. Получили развитие институты гражданского общества. В настоящее время в арктических субъектах действуют около 400 этнических общественных объединений, в том числе региональные отделения Ассоциации коренных малочисленных народов России, национально-культурные автономии. В целях обеспечения взаимодействия региональных органов власти с институтами гражданского общества создана широкая сеть координационных и общественных советов при главах регионов и исполнительных органах власти, куда входят представители национально-культурных автономий и этнических общественных организаций.

Реализация государственной национальной политики осуществляется на основе программно-целевого подхода. Приняты и реализуются региональные программы по гармонизации межнациональных отношений, по укреплению единства российской нации и этнокультурному развитию народов России, по обеспечению устойчивого социально-экономического и культурного развития коренных малочисленных народов, по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. На конкурсной основе социально-ориентированные некоммерческие организации получают поддержку проектов, направленных на гармонизацию межнациональных отношений.

Создана обширная этнокультурная инфраструктура, сеть центров национальных культур, домов дружбы народов. Ежегодно в арктических субъектах проводится большое количество этнокультурных мероприятий: межнациональных форумов, конференций, круглых столов, семинаров, мастер-классов, фестивалей, смотров-конкурсов, тематических вечеров,

смотров-конкурсов народного творчества и др., способствующих формированию позитивной этнической и региональной идентичности, укреплению единства народов страны.

Все 9 регионов, входящих в АЗРФ, относятся к регионам с низкой и очень низкой межэтнической напряжённостью⁴⁵. Вместе с тем, за период осени 2013 — осени 2014 гг. наблюдалось ухудшение ситуации в Красноярском крае, Республике Саха (Якутия) и Ямало-Ненецком автономном округе, которые за последние полгода из категории регионов с очень низкой межэтнической напряжённостью перешли в разряд территорий с низкой межэтнической напряжённостью. На наш взгляд, это обусловлено рядом факторов: оттоком старожильческих, адаптированных к местным условиям народов и одновременно увеличением численности мигрантов новой волны. В исследуемых регионах наблюдается приток трудовых мигрантов из других регионов страны, которые, как правило, работают вахтовым методом, находятся на территории временно и не испытывают особой потребности в адаптации к местным условиям.

Обостряет ситуацию высокая социально-имущественная дифференциация, разница в уровне оплаты труда между мигрантами, которые зачастую оседают в промышленно развитых регионах и получают более высокую заработную плату по сравнению с коренным населением территорий. Так, при среднемесячной номинальной заработной плате в Республике Саха (Якутия) в 55 128 руб., а в Чукотском АО в 77 874 руб., средняя заработная плата коренных малочисленных народов, занятых в традиционных отраслях едва превышает 23 тыс. руб.⁴⁶ Межэтническая напряжённость в республике Саха (Якутия) может обостряться в связи с ухудшением этнического самочувствия русских, которые в республике оказались в ситуации этнического меньшинства. Согласно данным Всероссийской переписи 2010 г., удельный вес русских среди населения Якутии составлял 36,9%⁴⁷. Аналогичная тенденция наблюдается в республиканских органах управления, где по признанию бывшего главы Республики Саха (Якутия) Борисова Е.А., соблюдается соотношение 60% на 40% в пользу якутов⁴⁸. По нашему мнению, в арктических субъектах возможно обострение отношений по линии титульные этносы / коренные малочисленные народы, где первых, в отличие от последних, ограничивают в квотах на занятия традиционными видами жизнедеятельности.

Определённый очаг напряжённости создает этническая интеллигенция арктических субъектов, которая выражает недовольство современной национальной политикой Россий-

⁴⁵ ЦИНК. Гроздь гнева. Рейтинг межэтнической напряженности в регионах России: осень 2013 — весна 2014 года. URL: <http://club-rf.ru/thegrapesofwrath/01/> (дата обращения 15.12.2018); ЦИНК. Гроздь гнева. Рейтинг межэтнической напряженности в регионах России: весна — осень 2014 года. URL: <http://club-rf.ru/thegrapesofwrath/02/> (дата обращения: 15.12.2018).

⁴⁶ Новости Якутии. 16.12.2015. URL: <http://news.ykt.ru/article/38161> (дата обращения: 17.06.2018).

⁴⁷ Подсчитано авторами по: Всероссийская перепись населения 2010 года. Население по национальности и владению русским языком по субъектам РФ. Том. 04-04 URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 15.01.2019).

⁴⁸ Интервью Президента Республики Саха (Якутия) Борисова Е.А. газете «Якутия». 15.11.2013. URL: <http://old.gazetayakutia.ru/index.php/archive/item/7948-egor-borisov-o-patriotizme-i-natsionalizme> (дата обращения: 15.02.2019).

ской Федерации, направленной на укрепление единства российского народа и нациестроительство на принципах гражданского единства и солидарности. Данная установка федерального центра была подвергнута острой критике участниками Всероссийской научно-практической конференции «Культура и политика межнациональных и межконфессиональных отношений», проведённой Якутским научным центром Сибирского отделения РАН совместно с Правительством Республики Саха (Якутия) 29 октября 2015 г.⁴⁹ Участники конференции поддержали принятие федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 гг.)». Однако был признан неудачным термин «российская нация» для обозначения полиэтнического населения Российской Федерации. В числе аргументов отмечалось, что в отличие от стран западной Европы, где нации-государства создавались в условиях моноэтничности, Россия формировалась как союз самостоятельных народов и этнонаций, исконно проживающих на территории объединённого государства. Было признано, что теоретически гражданская нация противоречит существованию этнических наций России, каковыми считают себя татары (татарская нация), чуваша (чувашская нация), башкиры (башкирская нация), чеченцы (чеченская нация), якуты (якутская нация) и др. Представители национальной и политической элиты регионов выражали обеспокоенность по поводу смены приоритетов в национальной политике России, связанных с постепенным отходом от стратегии спонсирования этнокультурного многообразия.

По нашему мнению, интеллигенция национально-территориальных объединений, отрекаясь от советской национальной практики, пока не может отказаться от марксистской концепции нациестроительства и трактовки нации как этнонации, что нередко противоречит реальным интересам и потребностям граждан. Заметим, что согласно поправкам от 6 декабря 2018 г., внесённым в Стратегию национальной политики РФ 6 декабря 2018 г., термин «российская нация» получил содержательное наполнение: «многонациональный народ Российской Федерации (российская нация) — сообщество свободных равноправных граждан Российской Федерации различной этнической, религиозной, социальной и иной принадлежности, обладающих гражданским самосознанием»⁵⁰.

В целом в условиях интенсификации межэтнических взаимодействий процесс инкорпорации этнических меньшинств в более сильные культуры неизбежен. Эти тенденции отчётливо проявляются не только в общероссийском масштабе, но и на конкретно региональном уровне. Так, по данным Всероссийской переписи 2010 г., 65,3 % эвенов, 81,2 % эвенков, 94 % долган, проживающих в Республике Саха (Якутия), считали родным якутский язык. Для сравнения: в Красноярском крае 81,3 % долган и 41,3 % эвенков продолжали сохранять свою

⁴⁹ Обсуждение проблем межэтнических отношений на Всероссийской конференции в Якутске. URL: http://national-mentalities.ru/news/obsuzhdenie_problemy_mezhetnicheskikh_otnoshenij_na_vserossijskoj_konferencii_v_yakutske/ (дата обращения: 15.08.2018).

⁵⁰ «О внесении поправок в Стратегию национальной политики Российской Федерации на период до 2015, утвержденную Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. №1666». Указ Президента РФ от 06.12.2018 г. №703. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/59348> (дата обращения: 15.02.2019).

этническую идентичность⁵¹. В этой ситуации вряд ли правомерно принудительное возрождение этничности, когда, к примеру, в школах вводится обязательное изучение государственных языков республик.

Литература

1. Дробижева Л.М. Этничность в современном обществе: новые подходы, старые мифы, социальные практики // Вестник Института социологии. 2010. № 1. С. 429–442.
2. Соколовский С.В. Институты и практики производства и воспроизводства этничности // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. М.: Наследие ММК, 2005. Вып. 11. С. 144–167.
3. Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.
4. Cornell S., Hartmann D. Ethnicity and Race: Making Identities in a Changing World. London: Pine Forge Press, 1998. 282 p.
5. Smith A. The Ethnic Origin of Nations. Oxford: Blackwell Publishers, 1986. 332 p.
6. Григорьев С.А. Российская политика на Севере: опыт адаптации коренных малочисленных народов Якутии в конце XX века // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 8. С. 38–45.
7. Петров Ю.Д. Малочисленные народы Севера: государственная политика и региональная практика. Под ред. Ю.Д. Петрова; Якут. гос. ун-т им. М.К. Аммосова. М.: Academia, 1998. 191 с.
8. Зорин В.Ю. Государственная национальная политики России и современность / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. 225. М.: ИЭА РАН, 2011. 33 с.
9. Кокшаров Н.В. Современная национальная политика России // CREDO NEW. Теоретический журнал. 2003. № 2.
10. Мусаелян Л.А. Национальный вопрос в России: опыт прошлого и некоторые аспекты его современного политико-правового решения // Вестник Пермского университета. 2010. Выпуск 4 (10). С. 32–48.
11. Попков Ю.В., Костюк В.Г. Социокультурно-ориентированная национальная политика: сущность, реалии и возможности в современной России // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2012. Том 10. Вып. 2. С. 102–109.
12. Зайков К.С., Тамицкий А.М., Задорин М.Ю. Основы этнонациональной политики государства на примере Российской Федерации // Федерализм. 2016. № 3 (83). С. 145–158.
13. Шабаетов Ю.П., Рожкин Е.Н., Садохин А.П. Стратегические контексты и практические формы национальной политики в современной России // Культура и цивилизация. 2014. № 4. С. 26–69.
14. Russia: a return to imperialism? / Ed. by U. Raanan, K. Martin. New York: St. Martin's Press, 1996. 216 p.
15. The New Russian Nationalism: Imperialism, Ethnicity and Authoritarianism 2000–2015 / Ed. by P. Kolstø, H. Blakkisrud. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016. 456 p.
16. Smith G. The post-Soviet states: mapping the politics of transition. London: Arnold, 1999. 271 p.
17. Поварницын Б.И. Англо-американская историография национальной политики СССР и постсоветских государств, 1985–2000 гг. / Автореф. дисс. д-ра ист. наук, Москва: РУДН, 2003. 34 с.
18. Рожкин Е.Н., Шабаетов Ю.П. Мониторинг ситуации в сфере межнациональных отношений в республике Коми: информационный бюллетень / Под. ред. Е.Н. Рожкина. Сыктывкар, 2014. Вып. 5. 44 с.
19. Фаузер В.В. Мониторинг экономических и социальных процессов (на примере межнациональных отношений) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. №6 (24). С. 110–123.

⁵¹ Подсчитано по: Всероссийская перепись населения 2010 г. Национальный состав и владение языками, гражданство. Т. 4. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 11.08.2017).

20. Зайков К.С., Максимов А.М., Тамицкий А.М., Трошина Т.И. Этносоциальная ситуация в арктических регионах России и государственная национальная политика // Полис. Политические Исследования. 2018. № 2. С. 57–67.
21. Зайков К.С., Каторин И.В., Тамицкий А.М. Миграционные установки студентов, обучающихся по образовательным программам высшего образования арктической направленности // Экономические и социальные перемены: Факты, Тенденции, Прогноз. 2018. Т. 11. № 3. С. 230–247.
22. Zaikov K., Zadorin M., Tamitskiy A. Legal and Political Framework of the Federal and Regional Legislation on National Ethnic Policy in the Russian Arctic // The Polar Journal. 2017. Vol. 7. No. 1. Pp. 125–142.
23. Шабаетов Ю.П. Этнополитология и этнополитика в современной России: теория и политические практики // Человек. Культура. Образование. 2015. № 1 (15). С. 92–131.
24. Межнациональное согласие в региональном контексте: сб. науч. ст. / Под ред. Л.М. Дробизевой. М.: Институт социологии РАН, 2015. 125 с.
25. Максимов А.М., Соколова Ф.Х. «Этнос» и «нация» как аналитические категории в этнологии: обзор основных концепций: сб. ст. «Во имя науки – на благо Отечества: К 65-летию В.И. Голдина». Архангельск: САФУ, 2016. С. 119–138.
26. Соколова Ф.Х. Этнодемографические процессы в Российской Арктике // Арктика и Север. 2015. № 21. С. 151–164.
27. Карабаш И.В. Межэтническая напряжённость и конфликты в современной России: основные теоретико-методологические концепции // Теория и практика общественного развития. 2013. № 12.
28. Соколова Ф.Х. Коренные малочисленные народы Арктики: концепт, современное состояние культуры // Арктика и Север. 2013. № 12. С. 51–69.
29. Зорин В.Ю. От национальной политики к этнокультурной: проблемы становления доктрины и практики (1990–2002) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. 6. № 3. С. 122–154.
30. Никифорова Е.П., Борисов Л.П. Языковая образовательная политика в Республике Саха (Якутия) // Современные исследования социальных проблем. 2015. № 9 (53). С. 543–552.
31. Арефьев А.Л. Языки коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в системе образования: история и современность. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2014. 488 с.

References

1. Drobizheva L.M. Etnichnost' v sovremennoy obshchestve: novye podkhody, starye mify, sotsial'nye praktiki [Ethnicity in Modern Society: New Approaches, Old Misconceptions, Social Practices]. *Vestnik Instituta sotsiologii* [Bulletin of the Institute of Sociology], 2010, no. 1, pp. 429–442.
2. Sokolovskiy S.V. Instituty i praktiki proizvodstva i vosproizvodstva etnichnosti [Institutes and practices of production and reproduction of ethnicity]. *Etnometodologiya: problemy, podkhody, kontseptsii*, Moscow, Nasledie MMK Publ., 2005, part 11, pp. 144–167.
3. Tishkov V.A. *Rekviem po etnosu: Issledovaniya po sotsial'no-kul'turnoy antropologii* [Requiem for ethnos: Research on the socio-cultural anthropology]. Moscow, Nauka Publ., 2003, 544 p. (In Russ.)
4. Cornell S., Hartmann D. *Ethnicity and Race: Making Identities in a Changing World*. London, Pine Forge Press Publ., 1998, 282 p.
5. Smith A. *The Ethnic Origin of Nations*. Oxford: Blackwell Publishers, 1986, 332 p.
6. Grigor'ev S.A. Rossiyskaya politika na Severe: opyt adaptatsii korennykh malochislennykh narodov Yakutii v kontse XX veka [Authorities and the North indigenous peoples of Yakutia: experience of relationships at the end of the XX-th century]. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy*, 2010, no. 8, pp. 38–45.
7. Petrov Yu.D. *Malochislennyye narody Severa: gosudarstvennaya politika i regional'naya praktika* [Arctic Indigenous Peoples: public policy and regional practice]. Ed. by Yu.D. Petrov. Moscow, Academia Publ., 1998, 191 p. (In Russ.)

8. Zorin V.Yu. Gosudarstvennaya natsional'naya politiki Rossii i sovremennost' [The state national policy in the Russia and the modernity], *Issledovaniya po prikladnoy i neotlozhnoy etnologii*. Vyp. 225. M.: IEA RAS, 2011, 33 p. (In Russ.)
9. Koksharov N.V. Sovremennaya natsional'naya politika Rossii [Modern national policy of Russia]. *CREDO NEW. Teoreticheskiy zhurnal*, 2003, no. 2.
10. Musaelyan L.A. Natsional'nyy vopros v Rossii: opyt proshlogo i nekotorye aspekty ego sovremennogo politiko-pravovogo resheniya [National Issue in Russia: Experience of the Past and Some Aspects of its Modern Political and Legal Determination], *Vestnik Permskogo universiteta* [Perm University Herald. Juridical sciences], 2010, part 4 (10), pp. 32–48.
11. Popkov Yu.V., Kostyuk V.G. Sotsiokul'turno-orientirovannaya natsional'naya politika: sushchnost', realii i vozmozhnosti v sovremennoy Rossii [Socio-cultural orientation of the national politics in modern Russia: essence, realities and possibilities], *Vestnik NGU, Seriya: Filosofiya* [Vestnik NGU, Series: Philosophy], 2012, vol. 10, no. 2, pp. 102–109.
12. Zaykov K.S., Tamitskiy A.M., Zadorin M.Yu. Osnovy etnonatsional'noy politiki gosudarstva na primere Rossiyskoy Federatsii [The basic of ethno-national policy on the example of the Russian Federation]. *Federalizm*, 2016, no. 3 (83), pp. 145–158.
13. Shabaev Yu.P., Rozhkin E.N., Sadokhin A.P. Strategicheskie konteksty i prakticheskie formy natsional'noy politiki v sovremennoy Rossii [Strategic contexts and practical forms of national politics in present-day Russia]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 2014, no. 4, pp. 26–69.
14. *Russia: a return to imperialism?* Ed. by U. Raanan, K. Martin. New York: St. Martin's Press Publ., 1996, 216 p.
15. *The New Russian Nationalism: Imperialism, Ethnicity and Authoritarianism 2000–2015*. Ed. by P. Kolstø, H. Blakkisrud. Edinburgh: Edinburgh University Press Publ., 2016, 456 p.
16. Smith G. *The post-Soviet states: mapping the politics of transition*. London: Arnold Publ., 1999, 271 p.
17. Povarnitsyn B.I. *Anglo-amerikanskaya istoriografiya natsional'noy politiki SSSR i postsovetikh gosudarstv, 1985–2000 gg.* [Anglo-American Historiography of the National Policy of the USSR and the Post-Soviet States, 1985–2000]. Moscow: RUDN University, 2003, 34 p.
18. Rozhkin E.N., Shabaev Yu.P. *Monitoring situatsii v sfere mezhnatsional'nykh otnosheniy v respublike Komi: informatsionnyy byulleten'* [Monitoring of the situation in the field of interethnic relations in the Komi Republic]. Ed. by E.N. Rozhkin. Syktyvkar, 2014, 44 p.
19. Fauzer V.V. Monitoring ekonomicheskikh i sotsial'nykh protsessov (na primere mezhnatsional'nykh otnosheniy) [Monitoring of economic and social processes (the case of inter-ethnic relations)]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2012, no. 6 (24), pp. 110–123.
20. Zaykov K.S., Maksimov A.M., Tamitskiy A.M., Troshina T.I. Etnosotsial'naya situatsiya v arkticheskikh regionakh Rossii i gosudarstvennaya natsional'naya politika [Ethnosocial Situation in Arctic Regions of Russia and the State National Policy]. *Polis. Politicheskie Issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2018, no. 2, pp. 57–67.
21. Zaykov K.S., Katorin I.V., Tamitskiy A.M. Migratsionnye ustanovki studentov, obuchayushchikhsya po obrazovatel'nym programmam vysshego obrazovaniya arkticheskoy napravlenosti [Migration Attitudes of the Students Enrolled in Arctic-Focused Higher Education Programs], *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: Fakty, Tendentsii, Prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2018, vol. 11, no 3, pp. 230–247.
22. Zaikov K., Zadorin M., Tamitskiy A. Legal and Political Framework of the Federal and Regional Legislation on National Ethnic Policy in the Russian Arctic. *The Polar Journal*, 2017, vol. 7, no. 1, pp. 125–142.
23. Shabaev Yu.P. Etnopolitologiya i etnopolitika v sovremennoy Rossii: teoriya i politicheskie praktiki [Ethnopolitology and ethnopolitics in modern Russia: theory and political practice]. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie* [Human. Culture. Education], 2015, no. 1 (15), pp. 92–131.
24. *Mezhnatsional'noe soglasie v regional'nom kontekste: sb. nauch. st.* [Interethnic consent in a regional context]. Ed. by L.M. Drobizheva. Moscow, IS RAS Publ., 2015, 125 p.
25. Maksimov A.M., Sokolova F.Kh. «Etnos» i «natsiya» kak analiticheskie kategorii v etnologii: obzor osnovnykh kontseptsiiy [“Ethnos” and “Nation” as Analytical Categories in Ethnology: An Overview

- of Basic Concepts]. *“Vo imya nauki — na blago Otechestva: K 65-letiyu V.I. Goldina”* [In the name of science — for the benefit of the Fatherland: On the 65th anniversary of V.I. Goldin]. Arkhangel'sk: NArFU Publ., 2016, pp. 119–138.
26. Sokolova F.Kh. Etnodemograficheskie protsessy v Rossiyskoy Arktike [Ethnic и demographic processes in the Russian Arctic]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2015, no. 21, pp. 151–164.
27. Karabash I.V. Mezhetnicheskaya napryazhennost' i konflikty v sovremennoy Rossii: osnovnye teoretiko-metodologicheskie kontseptsii [Interethnic tension and conflicts in the modern Russia: main theoretic and methodological conceptions]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], 2013, no. 12.
28. Sokolova F.Kh. Korennye malochislennye narody Arktiki: kontsept, sovremennoe sostoyanie kul'tury [Indigenous people of the Arctic: concept, the current status of culture]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2013, no. 12, pp. 51–69.
29. Zorin V.Yu. Ot natsional'noy politiki k etnokul'turnoy: problemy stanovleniya doktriny i praktiki (1990–2002) [From national policy to ethnocultural: problems of the formation of doctrine and practice (1990–2002)]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 2003, vol. 6, no. 3, pp. 122–154.
30. Nikiforova E.P., Borisov L.P. Yazykovaya obrazovatel'naya politika v Respublike Sakha (Yakutiya) [obrazovatel'naya politika v Respublike Sakha (Yakutiya)] [The Language Education Policy in the Sakha Republic (Yakutia)]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Russian Journal of Humanities], 2015, no. 9 (53), pp. 543–552.
31. Aref'ev A.L. *Yazyki korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka v sisteme obrazovaniya: istoriya i sovremennost'* [Languages of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East in the education system: history and modernity]. Moscow, Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniya i marketinga Publ., 2014, 488 p.

ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ REVIEWS AND REPORTS

УДК [32:070](98+739.8)(045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.34.159

Освещение проблем Арктического региона в современной международной журналистике: примеры и особенности *

© **АВДОНИНА Наталья Сергеевна**, кандидат политических наук, доцент

E-mail: natalia.avdonina1987@gmail.com

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия

© **ВОДЯННИКОВА Ольга Игоревна**, студентка 3 курса

E-mail: vodyannikova.olia@yandex.ru

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия

© **ЖУКОВА Анна Александровна**, студентка 3 курса

E-mail: ann.zhukova98@gmail.com

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия

Аннотация. Статья посвящена обзору проблем Арктического региона, представленных в современной международной журналистике на примере путевого очерка международного журналиста С. Пашкевича «Письма с края света. Путешествие в Русскую Америку» и телепрограммы «30 дней в Арктике с Вилле Хаапасало». Данные информационные источники выбраны как образцы международной журналистики, освещающей проблемы Арктического региона в разных форматах (печать и телевидение) и в долгосрочной перспективе. В результате проведённого анализа можно отметить общую тематику журналистских произведений — образ жизни местных жителей. Выбор проблематики обусловлен жанровыми особенностями представленных текстов: если письма Пашкевича представляют собой скорее лирическое журналистское сочинение, целью которого является демонстрация жизни «русских» аляскинцев с акцентом на общей русско-американской истории, то телепрограмма Вилле Хаапасало сочетает в себе развлекательный и информационный компоненты, и в определённой степени развлекательная составляющая (рассказы об охоте, рыбалке, участие ведущего в этих занятиях) уравнивается акцентированием внимания зрителя на различных проблемах, с которыми сталкиваются жители Арктического региона России.

Ключевые слова: Арктика, печатная журналистика, телевизионная журналистика, Аляска, инфотейнмент, международная журналистика, коренные народы.

The problems of the Arctic region in modern international journalism: examples and features

© **Natalia S. AVDONINA**, Cand. Sci. (Polit.), Associated Professor

E-mail: natalia.avdonina1987@gmail.com

Northern (Arctic) Federal university named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

© **Olga I. VODYANNIKOVA**, 3-rd year student

E-mail: vodyannikova.olia@yandex.ru

Northern (Arctic) Federal university named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

* Для цитирования:

Авдонина Н.С., Водяникова О.И., Жукова А.А. Освещение проблем Арктического региона в современной международной журналистике: примеры и особенности // Арктика и Север. 2019. № 34. С. 159–164. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.34.159

For citation:

Avdonina N.S., Vodyannikova O.I., Zhukova A.A. The problems of the Arctic region in modern international journalism: examples and features. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 34, pp. 159–164. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.34.159

© Anna A. ZHUKOVA, 3-rd year student

E-mail: ann.zhukova98@gmail.com

Northern (Arctic) Federal university named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

Abstract. The article is devoted to the review of problems of the Arctic region presented in modern international journalism on the example of the travel essay by the international journalist S. Pashkevich "Letters from the Edge of the World. Traveling to Russian America" and the TV program "30 days in the Arctic with Ville Haapasalo". These works are selected as examples of international journalists covering the problems of the Arctic region in different formats (print and tv) and the longterm perspective. As a result of the analysis, we can conclude on the general topic of chosen journalism works – the way of life of residents. The choice of problems is determined by the genre features of the texts presented: if Pashkevich's letters are more of a lyrical journalism work whose purpose is to show the life of "Russian" Alaskans with an emphasis on general Russian-American history; Ville Haapasalo's TV program combines entertainment and information components, and to a certain extent entertaining component (stories about hunting, fishing, participation of the facilitator in these classes) is balanced by the presentation of various problems from which residents of the Arctic region of Russia.

Keywords: *the Arctic, print journalism, television journalism, Alaska, infotainment, international journalism, indigenous people.*

Одной из основных задач международной журналистики является освещение международной политики. С одной стороны, эта информация необходима политикам, с другой, как говорит Армен Оганесян, главный редактор журнала «Международная жизнь», «В каждом из нас живёт гражданин мира, и это залог неизбывного интереса к новому»¹. Жанровое пространство международной журналистики образуют все известные журналистские формы.

Целью данной статьи является обзор освещения проблем Арктического региона в печатной и телевизионной журналистике на примере путевого очерка международного журналиста С. Пашкевича «Письма с края света. Путешествие в Русскую Америку» и телепрограммы «30 дней в Арктике с Вилле Хаапасало».

«Письма с края света. Путешествие в Русскую Америку» представляют собой путевой очерк в эпистолярном жанре. Программа «30 дней в Арктике с Вилле Хаапасало» — пример телевизионного проекта в стиле инфотейнмента, то есть сочетания развлекательного и информационного компонентов. Поскольку большинство людей имеет ограниченный опыт пребывания в различных странах, то представление о зарубежье формируется за счёт различных информационных акторов, в том числе СМИ [1, Aalberg T., с. 388]. Для изучения подачи международных новостей исследователи используют теорию повестки дня, суть которой сводится к следующему: чем больше СМИ уделяют внимание определённым темам, тем большее значение они приобретают для аудитории [2, Wanta W., с. 367]. Теорию повестки дня можно применять не только при контент-анализе массива медиа-текстов различных СМИ, но и внутри изучения конкретного произведения, что будет показано в данной статье.

¹ Международная журналистика – мнения. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/8218> (дата обращения: 06.09.2018).

Основными героями путевых заметок Пашкевича являются священники, рыбаки и краболовы, погонщики собак, коренные жители и сотрудники музеев. К основным темам «Писем с края света» можно отнести следующие: образ жизни простых американцев, жителей Аляски, особенности национальной кухни, жизнь индейских племён, история Аляски. На протяжении всех писем-репортажей автор обращается к историческим фактам, например, рассказывает об основателях Аляски: «А вот Ситка предстала как открытое всем ветрам и миру место, обращённое на океан. Именно здесь двести лет назад Александр Баранов основал Ново-Архангельск, столицу колониальной Русской Америки»². В «Письме первом» есть фрагмент об открытии Аляски русскими. Отметим, что в каждом письме присутствуют исторические факты, поэтому произведение Пашкевича можно сравнить с документальным фильмом, в котором есть кадры настоящего момента и ретроспективные съёмки.

Образ жизни аляскинцев показан на примере жизни собеседников Пашкевича. Автор использует понятие «человек героической судьбы» — человек с нестандартной биографией, необычным родом деятельности, обладающий особыми чертами характера. И дальше он говорит: «Нам посчастливилось общаться с целым рядом таких людей», т. е. этой фразой Пашкевич относит всех встреченных им людей на Русской Аляске к категории «людей героической судьбы»³. К таким людям можно отнести всех встреченных по пути Пашкевичем аляскинцев: сотрудников Береговой охраны на Аляске («Уважаемая мужская профессия, которой занимаются крутые — в лучшем смысле этого слова — ребята»), тот же отец Майкл, который «...когда-то был... калифорнийским хиппи. Затем он обратился к православию, после чего уже принял решение пойти дорогой служения»⁴.

Пашкевич, описывая образ жизни своих собеседников, постоянно подчёркивает, что многие из них — потомки русских путешественников, первооткрывателей Аляски или простых граждан, хотя они и стали частью «плавильного котла»: «Русская Америка — это часть нашей общей с Соединёнными Штатами истории. Её больше не существует и давно ушли те, кто здесь жил, когда над Аляской развивался российский триколор. Однако Русская Америка продолжает жить в названиях на географических картах. Их действительно много, и разбросаны они по всей Аляске!»⁵.

В произведении Пашкевича практически не затрагиваются негативные моменты, наоборот, эти путевые заметки являются редким примером позитивной журналистики, направленной на поиск диалога между странами и культурами на основе общего исторического прошлого. Автор подчёркивает, что Аляска — самобытный край земли, но самое главное золото Аляски — это не природные богатства, а люди, благодаря которым

² Пашкевич С. Письма с края света. Путешествие в Русскую Америку. URL: <https://www.proza.ru/2012/10/16/1255> (дата обращения: 06.09.2018).

³ Там же.

⁴ Пашкевич С. Указ. соч.

⁵ Там же.

этот штат сохранил свою историю. Без них Аляска не продолжила бы своё развитие, поэтому заключительное письмо называется «Подлинное Аляскинское золото»: «Самое главное на Аляске — это не красивая природа, не рыба в океане, не нефть и не золото. Самое главное здесь, то самое подлинное аляскинское золото — это её люди. Они пришли сюда и сделали Аляску такой, какая она есть. Они сберегли эту величественную северную природу — так, что лось можно встретить прямо в Анкоридже, а лежбище морских львов располагается непосредственно в бухте Кодьяка. Они разведали здесь природные богатства — те самые легендарные золото и нефть. Они построили хайвеи, аэропорты и морские пристани. Они облетели эту бескрайнюю землю на одномоторных самолётиках — и они же исходили всю Аляску вдоль и поперёк. Эти люди сохранили здесь память о русском прошлом Аляски, которое стало и их прошлым. И именно они превратили Аляску, этот край света, в фантастическое место, где хочется жить и куда хочется возвращаться»⁶.

Другой по формату является телепрограмма «30 дней в Арктике с Вилле Хаапасало». С одной стороны, это — телепроект о финне, который любит и чтит русские традиции. С каждым путешествием ведущий приобретает опыт, новые умения, знакомства с интересными людьми, узнаёт рецепты традиционных блюд, пробует местные продукты и делится своими впечатлениями со зрителем. С другой стороны, это сюжеты о людях и их судьбах. В каждом выпуске изображена повседневная жизнь людей, их быт и заботы. Проводником ведущего обычно становится местный житель, рассказывающий ему о тайнах и загадках посещаемого места. Он делится с Вилле местными легендами и байками, а в конце передачи они могут вместе приготовить местное блюдо.

Несмотря на позитивные и развлекательные аспекты, что характерно для инфотейнмента, в программе местные жители говорят и о сложностях: открыто и предполагая их решения. На основе интервью ведущего с героями программы можно выделить основные проблемы, которые беспокоят население Арктического региона.

В Мурманске городские жители обеспокоены оттоком населения: мигрируют как в центральную Россию, так и в соседние страны. Одной из проблем, влияющих на миграцию, является трудность ведения бизнеса. Актуальной задачей является необходимость сохранения самобытности коренных народов Кольского полуострова (саамы).

На полуострове Ямал богатые природные ресурсы создают реальную угрозу для привычной жизни коренных народов — ненцев. Полуостров условно разделён на две части, первая принадлежит ненцам, вторая — крупным нефтеперерабатывающим компаниям. Сейчас промышленность сосредоточена на севере полуострова, используются современные технологии обустройства и эксплуатации нефтегазовых месторождений, позволяющие минимизировать экологические риски и ущерб хозяйственной деятельности тундрового населения, ведущего кочевой образ жизни.

⁶ Там же.

Жители Норильска обеспокоены экологической проблемой: «здесь много выхлопов в атмосферу, которые сразу чувствуются приезжему», также многих не устраивает климат, к которому очень сложно привыкнуть неместным. Многих волнует вопрос трудоустройства: «стабильная работа — только на шахте, другой альтернативы нет, а работа эта достаточно опасная».

На полуострове Таймыр остро стоит вопрос о жизнедеятельности коренных народов, сохранившейся ещё со времён Советского Союза. С того времени местным коренным жителям — нганасанам — стали уделять больше внимания. Были разработаны программы, направленные на устойчивое развитие и создание в крае благоприятных и комфортных условий для проживания и традиционного хозяйствования аборигенного населения. Такие программы существуют и сейчас, но проблема заключается в том, что при реализации не всегда учитывается самобытная культура и духовные ценности коренных народов. Также местные жители отмечают влияние «Норникеля» на миграцию оленей и пушных зверей.

В Тикси (республика Саха) отдельно стоит проблема алкоголизма, которую местные жители связывают с суровыми природными и погодными условиями.

В программе «30 дней с Вилле Хаапасало» всегда несколько главных героев: сам ведущий и сопровождающие его местные жители. Например, в выпуске № 5, посвящённом образу жизни ненцев, ведущий через диалоги с жителями показывает их быт.⁷ Стоит отметить, что Хаапасало не просто излагает сухие факты о данной народности. Он проникает в самобытность ненцев, живёт несколько дней в лагере, где обитают три родственные семьи. Только из диалога автора и главного члена семьи зритель узнает о деталях: в ненецких семьях преобладает патриархат, женщины занимаются только убранием чума, родители сами обучают детей оленеводству через специальную кочевую школу, также родители отправляют детей в обычную общеобразовательную школу, а на период каникул привозят детей в тундру. Зрители видят, что ненцы ведут кочевой образ жизни, но это становится ясным не из рассказа ведущего, а благодаря тому, что в передаче показан процесс кочевничества, где проявляется особенность данного народа: умение работать сообща, уважение к гостю и забота о нём, приобщение детей к труду с раннего детства, сохранение покоя и достойных условий для старшего поколения.

Общая тематика анализируемых журналистских произведений — образ жизни местных жителей. Выбор С. Пашкевичем героев оказался очевиден — люди простых профессий. Выбор героев Хаапасало также предсказуем — это местные жители, на себе испытывающие жизненные проблемы в той или иной области. Что касается проблематики, стоит отметить, что подборка обсуждаемых проблем обусловлена жанровыми особенностями анализируемых произведений: если письма Пашкевича представляют собой скорее лирическое журналистское сочинение, написанное с целью показать жизнь

⁷ «30 дней в Арктике с Вилле Хаапасало. Фильм 5». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=gsQhgXRo-eg> (дата обращения: 06.09.2018).

«русских» аляскинцев с акцентом на общей русско-американской истории, то телепрограмма Вилле Хаапасало сочетает развлекательный и информационный компоненты, и в определённой степени развлекательная составляющая (рассказы об охоте, рыбалке, участие ведущего в этих занятиях) уравнивается акцентированием внимания зрителя на различных проблемах, с которыми сталкиваются жители Арктического региона России.

Литература / References

1. Aalberg T., Papathanassopoulos St., Soroka S., James C., Hayashi K., Iyengar S., Jones P., Mazzoleni G., Rojas H., Rowe D., Tiffen R. International TV news, foreign affairs interest and public knowledge. *Journalism Studies*, 2013, no. 14 (3), pp. 387–406.
2. Wanta W., Golan G., Lee Ch. Agenda setting and international news: media influence on public perceptions of foreign nations. *Journal and Mass Communication Quarterly*, 2004, no. 81 (2). pp. 364–377.

УДК [32:070](98+739.8)(045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.34.165

Искусство объединяет:

Третий международный фестиваль снежных скульптур в г. Тромсё *

© **ДЖАНЕЗИН Елена**, руководитель проекта

E-mail: gianesinelena@gmail.com

Оргкомитет Международного фестиваля снежных скульптур, Тромсё, Норвегия

Аннотация. Настоящая статья представляет собой краткий обзор Третьего международного фестиваля снежных скульптур в г. Тромсё, который прошел 23–26 января 2019 г. Мероприятие показано с точки зрения международного сотрудничества на севере Европы в условиях интеграции мировой культуры и кросс-культурного диалога.

Ключевые слова: *Фестиваль снежных скульптур в Тромсё, международное сотрудничество, культура, Норвегия*

Arts unite: The Third International Snow Festival in Tromsø

© **Elena GIANESIN**, project manager

E-mail: gianesinelena@gmail.com

Organizing Committee of the International Snow Sculpture Festival, Tromsø, Norway

Abstract. The article is a brief overview of the Third International Snow Festival in Tromsø, January 23–26, 2019, from the perspective of international cooperation in northern Europe in the context of the world culture integration and cross-cultural dialogue.

Keywords: *Tromsø International Snow festival, international cooperation, culture, Norway*

Мирный диалог культур становится всё более важным в условиях современных международных отношений. Особое значение приобретают общие усилия по налаживанию этого диалога. Именно так формируются элементы новой интегрированной мировой культуры, стремящейся объединить ценностные представления различных регионов мира, утвердить культурное многообразие, развитие открытых, информационных и инновационных сообществ, становление цивилизации знаний. Участие в этом процессе означает использование и дальнейшее развитие накопленного культурного потенциала в интересах мирового сообщества в условиях современной интеграции и регионализации.

Свой вклад в международное культурное сотрудничество привнёс **Третий Международный Фестиваль Снежных Скульптур**, прошедший 23–26 января 2019 г. в самом центре северного норвежского города Тромсё. Одновременно с межкультурной значимостью стоит упомянуть и о его вкладе в популяризацию знаний об Арктике, а также о его роли в качестве одного из туристических аттракторов, важных для коммуны города Тромсё.

* Для цитирования:

Джанезин Э. Искусство объединяет: Третий международный фестиваль снежных скульптур в г. Тромсё // Арктика и Север. 2019. № 34. С. 165–170. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.34.165

For citation:

Gianesin E. Arts unite: The Third International Snow Festival in Tromsø. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 34, pp. 165–170. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.34.165

В этом году дружеская атмосфера, возможность обмена опытом, Арктика и искусство объединили снежных скульпторов из разных уголков Евразии. Фестиваль собрал 8 команд профессиональных скульпторов из Норвегии, Финляндии, Таиланда, России, Великобритании, Украины, Италии и Германии. Сюжеты скульптур варьировались от «арктического капкейка» в исполнении команды Финляндии, до «арктической дружбы тайского дракона и полярного медведя» от скульпторов из Таиланда. Мысли об арктической фауне навевали творения команд Великобритании, Германии и России. Арктическая экзистенциальная философия — в работе команды Украины. Мечты и романтика заполярья — в скульптурах команд Италии и Норвегии.

Искусство объединяет, стирая противоречия, нивелируя культурные и языковые барьеры. Фестиваль получился интересным и по-домашнему теплым. Кому-то удалось завести новых друзей, а кто-то встретился со старыми. Для кого-то он стал хорошим местом для нетворкинга, а кто-то использовал возможности для обмена опытом и строил планы на будущие проекты. Добрая традиция организации фестиваля продолжается с 2014 г.

Первый международный фестиваль снежной скульптуры состоялся в январе 2014 г. В нём приняли участие 5 команд: из Норвегии, Германии, Италии, России и Таиланда. Успех фестиваля растёт год от года. Увеличивается география его участников и зрителей. Организаторам фестиваля уже поступают новые заявки, в том числе и из Латинской Америки.

Фестиваль снежной скульптуры проходит раз в 2 года. В этом году он прошёл при поддержке коммуны города Тромсё, представителей бизнеса, а также Посольства Таиланда в Норвегии и Баренц Секретариата.

Инициатор проведения мероприятия — Тайское общество г. Тромсё. Руководитель общества Ванна Хелнес является также сотрудником Полярного музея при Арктическом университете Норвегии и уже много лет работает над популяризацией полярной истории и культуры, а также занимается организацией разного рода культурных мероприятий. Взаимодействие с командами и организационные вопросы находятся в ведении руководителя проекта Эллены Джианезин, которой помогает группа волонтеров от стран-участниц фестиваля.

Важным моментом фестивальной работы стали мастер-классы для детей, особенно активно проводившиеся во время первого и второго фестивалей, среди участников которых были не только профессиональные скульпторы, но ещё и преподаватели школ искусств. Так, фестиваль стал не только площадкой для кросскультурного общения, укрепления и развития культурных связей между Северной Норвегией и другими странами, обмена опытом, но и возможностью ближе познакомиться с искусством снежной скульптуры, а также его особенностями в разных странах.

Рис. 1. Таиланд. «Арктическая дружба»: скульптура иллюстрирует невероятную и волшебную дружбу между драконом, белым медведем и медвежонком, родившимися в холодных и пустынных землях Арктики.
Фото: Ванна Хелнес.

Рис. 2. Италия. «Мечтая о Северном сиянии»: скульптура изображает женщину, плывущую в лодке-оригами в бурных водах Арктики и ловящую северное сияние.
Фото: Ванна Хелнес.

Рис. 3. Финляндия. «Арктический капкейк»: скульптура представляет собой арктический капкейк в честь этой полярной территории. Предназначен для одного человека. Съешь, пока не поздно!
Фото: Ванна Хелнес.

Рис. 4. Россия. «Зимняя сказка»: Скульптура изображает северный зимний лес с ледяными узорами. Стволы деревьев — колонны, созданные самой природой. В каждом сказочном лесу есть свои жители.
Фото: Ванна Хелнес.

Рис. 5. Украина. «Время жизни»: скульптура показывает, насколько сложной, неожиданной и изменчивой может быть жизнь. Сначала она имеет одно направление, которое потом внезапно меняется. Линия жизни может подниматься, опускаться и подниматься снова, и снова опускаться, и разворачиваться боком... Скульптура состоит из спиралевидной огранённой формы, вращающейся вокруг водоворота и сидячей человеческой фигуры. Композиция основана на очертаниях айсберга в форме спирали, имеет много гравюр, на которых изображены сцены из жизни Арктики.

Фото: Ванна Хелнес.

Рис. 6. Германия. «Точка хюгге»: скульптура представляет собой группу забавных и пухлых тюленей, лежащих вместе на айсберге. «Хюгге» — датское и норвежское слово, обозначающее настроение уюта и комфортного веселья, с ощущением благополучия и удовлетворённости.

Фото: Ванна Хелнес.

Рис. 7. Великобритания. «Играя со своей едой»: скульптура изображает косаток в море. Кит подбрасывает в воздух тюленя, как это часто происходит в дикой природе. Скульптура реалистична и одновременно с юмором, норвежским юмором.
Фото: Ванна Хелнес.

Рис. 8. Норвегия. «Все, что осталось, — это сердце снеговика»: большой снеговик влюбляется в город Тромсё и теряет там своё сердце. Когда наступает весна, оно тает, превращаясь в маленький пруд с водой. Весной прилетают два лебедя и решают остаться в пруду, чтобы вырастить там своих малышей.
Фото: Ванна Хелнес.

РЕЗЮМЕ SUMMARY

Авторы, названия, аннотации, ключевые слова
Authors, titles, abstracts, and keywords

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

ЗАДОРИН М.Ю., МИТЬКО А.В., РАЗИНКОВА Е.О., РАМЗЕЙЕР Н.Ф.Л. Состояние и перспективы развития отечественного судостроения на Севере в первой половине XIX в. глазами губернских чиновников (по данным государственного архива Архангельской области)

ZADORIN M.Yu., MITKO A.V., RAZINKOVA E.O., RAMSEIER N.F.L. The state and perspectives of development of the domestic shipbuilding in the North in the first half of the 19th century through the eyes of provincial officials (data of the State Archive of the Arkhangelsk region)

Аннотация. На основе данных Государственного архива Архангельской области дается оценка состояния купеческого и народного поморского судостроения на Севере в XIX в. Ключевым методом исследования является метод индукции, активно используемый в исторической школе экономической науки, ставящей своей целью, в том числе анализ конкретных экономических ситуаций в конкретном государстве на определённом этапе его исторического развития. В ходе работы был проведён анализ дел и документов Архангельского общества изучения Русского Севера, а также исторических обзоров Архангельского губернского статистического комитета. Сделан вывод в целом о негативном восприятии региональных властей уровня развития товарооборота в Империи, отсутствии качественной «логистики», бюрократической волоките, юридических барьерах по поддержке кораблестроителей, а также технологических преимуществах иностранных рыболовных судов. В качестве конструктивных реформ региональных властей во второй половине XIX в. отмечен план по развитию дорожной инфраструктуры от Архангельска до г. Повенец Олонецкой губернии, развитие шкиперских курсов, создание типовой усовершенствованной модели карбаса и грузовой шхуны для обучения будущих кораблестроителей, шкиперов.

Ключевые слова: *российская Арктика, Крайний Север, Архангельская губерния, островные пространства, историческая география, политическая география, пограничье, кораблестроение.*

Abstract. Based on the data from the State Archive of the Arkhangelsk Region, the article assesses the status of merchant and folk Pomor shipbuilding in the North in the XIXth century. The key method of the research is the induction method, which is actively used in the historical school of economics, which set as its goal, including the analysis of specific economic situations in a state at a certain stage of its historical development. During the process of research the analysis has being made of the certain cases and documents of the Arkhangelsk Society for the Study of the Russian North (1836–1919, fund 83, Inventory No. 1, Case No. 20; Inventory No. 2, case No. 2), as well as historical reviews of the Arkhangelsk Governorate Statistical Committee (fund 6, Inventory No. 7, Case No. 24; Inventory No. 17, Case No. 1, 3, 21, 25). The conclusion was made overall about the negative perception of regional authorities of the level of development of commodity turnover in the Empire, the absence of high-quality “logistics,” bureaucratic red tape, legal barriers to support shipbuilders, as well as technological advantages of foreign fishing vessels. A constructive reform of the regional authorities in the second half of the 19th century meant the plan for the development of road infrastructure between Arkhangelsk and the town of Povenets in the Olonets Province (Governorate), the development of skipper courses, the creation of a typical improved model of a karbas and a cargo schooner for training future shipbuilders, skippers.

Keywords: *the Russian Arctic, Far North, the Arkhangelsk Province, island spaces, historical geography, political geography, borderlands, shipbuilding.*

КУДРЯШОВА Е.В., СОРОКИН С.Э. «Третья миссия» в стратегиях развития арктических университетов
KUDRYASHOVA E.V., SOROKIN S.E. "The third mission" in the Arctic universities' development strategies

Аннотация. В настоящее время особую актуальность приобретает реализация университетами «третьей миссии», которая наряду с образовательной и научной также составляет основу деятельности университетов. Научное осмысление этого вопроса осуществляется российскими и зарубежными учёными. Основными составляющими «третьей миссии» выступают коммерциализация интеллектуальной собственности, трансфер технологий и инновации, становление университета как предпринимательской структуры, непрерывное образование, социальная вовлечённость, поддержка развития регионов, участие в жизни местного сообщества и другие. В статье проводится анализ опыта реализации «третьей миссии» на примере университетов, расположенных в арктической зоне Российской Федерации и ряда зарубежных арктических университетов. Для этого исследуются документы, определяющие стратегическое развитие двух российских (Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова и Мурманский арктический государственный университет) и пяти зарубежных арктических университетов (Университета Копенгагена (Дания), Университета Оулу (Финляндия), Университета Исландии (Исландия), Университета Умео (Швеция) и Технологического университета Лунда (Швеция)). Также анализируются конкретные формы и механизмы, которые применяются университетами в практической работе по данному направлению и делаются выводы, позволяющие оценить характер, особенности, степень освоения университетами основных направлений реализации «третьей миссии».

Ключевые слова: миссия, университет, третья миссия университета, регион, Арктика, региональное развитие.

ОЛСЕН К. Этнотуризм и Баренцев/Евроарктический регион (БЕАР)
OLSEN K. Indigenous tourism and the Barents Euro-Arctic Region (BEAR)

Аннотация. В данной статье утверждается, что этнотуризм следует понимать как сформированный европейскими представлениями о «других», а также более поздним развитием мировой политической мысли. Такие широкие структуры формируют гетерогенные народы, которые обозначены и обозначают себя коренными народами. Кроме того, нынешнее положение этих народов также определяется их отношениями с окружающим их большинством и

Abstract. Currently, applying the "third mission" at universities is of relevance, since it also forms the basis of universities' activities along with education and science. Scientific understanding of this issue had been carried out by Russian and foreign scientists. The main components of the "third mission" are the commercialization of intellectual property, technology transfer, and innovation, the development of a university as an entrepreneurial structure, continuous education, social involvement, support for the development of regions, participation in the life of the local community, etc. The article analyzes the experience of applying the "third mission" on the example of universities located in the Arctic zone of the Russian Federation and some foreign Arctic universities. For this purpose, the documents defining the strategic development of two Russian (Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov and Murmansk Arctic State University) and five foreign Arctic universities (University of Copenhagen (Denmark), University Oulu (Finland), the University of Iceland (Iceland), the University of Umeå (Sweden), and the Luleå University of Technology (Sweden)). Specific forms and mechanisms used by universities are also analyzed. They contribute to the assessment of nature, characteristics, the degree of the "third mission" application carried out by universities.

Keywords: mission, university, universities' third mission, region, the Arctic, regional development.

Abstract. In this article, it is argued that indigenous tourism must be understood as shaped by European ideas of the Other, as well as more recent development in global politics. Such broad and increasingly global structures frame those heterogeneous populations that are labelled and label themselves indigenous. Furthermore, the current situation of these peoples is also shaped by their relationships to surrounding majorities and nation states. Therefore, definitions of indigenous tourism

национальными государствами. Поэтому определения этнотуризма должны основываться скорее на степени контроля меньшинств за туристической деятельностью, чем на идеях о символических культурных особенностях. Рост туризма во многих областях Баренцева / Евроарктического региона предоставляет возможность для сохранения культурных особенностей этнических меньшинств. Тем не менее, они могут сталкиваться с проблемами, поскольку им отводится такое положение в индустрии туризма, при котором другие, более влиятельные субъекты определяют довольно узкую область того, чем является этнотуризм. Данная статья написана на основе современного литературного исследования индигенности, туризма и туризма на территории саамов и опирается на предыдущие исследования о саамах и туризме в Норвегии.

Ключевые слова: коренные народы, Баренц / Евроарктический регион, туризм, саамы, аутентичность.

should rather be built on minorities' degree of control of tourism activities than by ideas of emblematic cultural features. The growth in the tourism industry in many parts of the Barents Euro-Arctic Region also represents an opportunity for representing and maintaining cultural features among minorities. Nevertheless, minorities might also face challenges by being relegated to a position in the tourism industry where other more powerful actors define a rather narrow field of what indigenous tourism is. This article is based on literary studies of contemporary research on indigeneity, tourism and Sámi tourism and draws upon the author's extensive previous research on Sámi tourism in Norway.

Keywords: indigenous peoples, the Barents Euro-Arctic Region, tourism, Sámi, authenticity.

ПИЛЯСОВ А.Н., ЗАМЯТИНА Н.Ю. Освоение Севера 2.0: вызовы формирования новой теории

PILYASOV A.N., ZAMYATINA N.Yu. Development of the North 2.0: challenges of making a new theory

Аннотация. Предлагается создать новую теорию хозяйственного освоения на трёх основных источниках: советской освоенческой школе, европейской школе региональной науки и североамериканской школе фронта. Каждая из этих школ опирается на широкий концептуальный фундамент (размещение производительных сил, эндогенный экономический рост, инновационный поиск), сплав которых способен радикально и позитивно преобразить теорию освоения индустриального времени. Сравнение природы освоенческого процесса сегодня и в советское время обнаруживает существенные отличия: нарастание пространственной и временной неравномерности (поляризованности), многоакторности, глокализации, роли низового «проектного» уровня. Многочисленные реализуемые в российской Арктике и на Севере проекты нового освоения имеют общие черты в виде экспериментального характера, схемы «пилот-клоны» для экономии на опыте, множественности равностатусных баз снабжения и обучения и др. Ведущими акторами глокальности повсеместно выступают крупные ресурсные корпорации, которые задают территориальную структуру процесса нового освоения, а она зависит от внутренней организационной и институциональной структуры самой компании.

Abstract. It is proposed to create a new theory of economic development of the North on three primary sources — the Soviet development school, the European school of regional studies, the North American school of frontier studies. Each of these schools relies on a broad conceptual foundation (location of productive forces, endogenous economic growth, innovative search), the fusion of which is capable of radically and positively transforming the theory of modern time. Comparison of the nature of the development process today and in the Soviet times reveals significant differences: an increase in spatial and temporal irregularity (polarization), multiactorism, glocalization, and the role of the grassroots “design” level. Numerous projects of new development implemented in the Russian Arctic and the North have common features in the form of an experimental nature, pilot-clone schemes for saving on experience, a plurality of equal status supply and training bases, etc. Large resource corporations that lead the world are directing actors of the territorial structure of the process of new development, and it depends on the internal organizational and institutional structure of the company itself.

Ключевые слова: *освоенческий процесс, природа хозяйственного освоения, советская теория освоения, теория фронта, концепция эндогенного экономического роста.*

Keywords: *the North and the Arctic development, glocality, Soviet theory of colonization, frontier theory, endogenous economic growth.*

СЕРОВА Н.А., ГУТОВ С.В. Ключевые тенденции развития инвестиционных процессов в Арктической зоне РФ в 2008–2017 гг.

SEROVA N.A., GUTOV S.V. Key trends of the investment development in the Arctic zone of the Russian Federation in 2008–2017

Аннотация. Статья посвящена изучению трансформаций инвестиционных процессов в Арктической зоне Российской Федерации в условиях кризисов последнего десятилетия. Актуальность исследования определяется тем, что последствиями произошедших экономических потрясений для реализации государственной арктической политики России явились не только финансовые, но и технологические ограничения, что требует проведения ретроспективного анализа инвестиционной активности в Арктической зоне РФ и определения альтернативных вариантов развития инвестиционной сферы в условиях крайне неустойчивой внешнеполитической обстановки. Проведён анализ инвестиционных процессов в Арктической зоне РФ в 2008–2017 гг. и выделены четыре фазы, определившие их развитие: 2008–2010 гг.; 2011–2012 гг.; 2013–2014 гг.; 2015–2017 гг. Выявлено, что инвестиционные процессы в российской Арктике за рассматриваемый период характеризовались довольно резкими колебаниями и неравномерностью распределения инвестиций по регионам. Наибольшие объёмы российских инвестиций в первой фазе были характерны для регионов частично входящих в Арктическую зону РФ, в остальных фазах — для полностью арктических регионов. Такая же ситуация вплоть до 2014 г. была характерна и для иностранных вложений в Арктику, однако с началом «санкционной войны» приток инвестиций из-за рубежа как в полностью арктические регионы, так и Арктическую зону РФ в целом, значительно снизился, и это падение продолжается до сих пор. Представлены прогнозные варианты дальнейшего развития инвестиционных процессов в Арктической зоне РФ при негативном сценарии развития национальной экономики.

Ключевые слова: *Арктическая зона РФ, государственная арктическая политика, приоритетные инвестиционные проекты, кризис, международные санкции, инвестиционные процессы.*

Abstract. This article is devoted to the study of the investments and their transformation in the Arctic zone of the Russian Federation in the conditions of the crisis of the last decade. Current studies indicate the occurred as a result of economic shocks aimed at the implementation of the state Arctic policy, as well as the need for financial and technological constraints that require a retrospective analysis of investment activity in the Arctic zone. The study of investments in the Arctic zone of the Russian Federation in 2008–2017 has four stages identified: 2008–2010; 2011–2012; 2013–2014; 2015–2017. One may see that investments in the Russian Federation are due to quite sharp fluctuations and their uneven distribution across regions. The most significant volumes of Russian investments in the first phase were typical for regions partially located in the Arctic zone of the Russian Federation, and now — for entirely Arctic areas. The same situation was until 2014 with foreign investments in the Arctic. However, after the start of the “sanctions war,” we observed a turning point. Foreign investments in the Arctic areas of the Russian Federation significantly decreased. The decline continues to this day. Predicted options for further investment development in the Arctic zone of the Russian Federation have an adverse scenario for the national economy.

Keywords: *the Arctic zone of the Russian Federation, state Arctic policy, priority investment projects, crisis, international sanctions, investment processes.*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ИНСТИТУТЫ POLITICAL PROCESSES AND INSTITUTIONS

ТОДОРОВ А.А. Перспективы деятельности Международного органа по морскому дну в контексте управления Арктикой

TODOROV A.A. Future work of the International Seabed Authority in the context of the Arctic governance

Аннотация. В статье рассматриваются история создания, правовые основы деятельности Международного органа по морскому дну, его функции, структура, направления его актуальной работы, а также анализируются возможные сферы применения механизмов МОМД в Арктике. Несмотря на продолжающиеся в экспертной среде споры, автор полагает, что Часть XI Конвенции 1982 г. по морскому праву, определяющая основы управления ресурсами Района и деятельности МОМД, применяется к акваториям Арктики точно так же, как и ко всем другим регионам Мирового океана. Основная функция МОМД — регулирование разведки и добычи минеральных ресурсов дна за пределами национальной юрисдикции. Помимо этого Орган будет задействован в решении других задач: реализации положений Конвенции 1982 г. об отчислениях прибрежных государств за освоение ресурсов континентального шельфа за пределами 200 морских миль, участии в налаживании международного сотрудничества в области морских научных исследований в Районе, распределении их результатов и др. Кроме того, в перспективе важное место МОМД видится в участии в комплексном трансграничном и межотраслевом экосистемном управлении акваториями Арктики.

Ключевые слова: *Международный орган по морскому дну, Арктика, Район, минеральные ресурсы, международное сотрудничество, Конвенция по морскому праву 1982 г., континентальный шельф, акватории за пределами национальной юрисдикции.*

Abstract. The article studies the history, legal framework of the International Seabed Authority, its functions, structure and current work. The analysis focuses on potential fields of the ISA activity in the Arctic. Despite the ongoing expert discussions, the author is of the view that Part XI of the 1982 Law of the Sea Convention, setting out the legal basis for the governance of the Area resources and the work of ISA, applies to the Arctic Ocean like to any other part of the world ocean. The primary function of the ISA is to regulate exploration and exploitation of deep seabed non-living resources beyond national jurisdiction. Apart from that, the ISA will be engaged in other issues — implementation of the UNCLOS provisions on the payments by the coastal states concerning the exploitation of non-living resources on the outer continental shelf, coordination of marine scientific research in the Area, dissemination of its results, etc. Moreover, in the future, the ISA could play a significant role in the integrated cross-border and cross-sectoral ecosystem governance of the Arctic Ocean.

Keywords: *International Seabed Authority, the Arctic, Area, mineral resources, international cooperation, UN Convention on the Law of the Sea 1982, continental shelf, maritime areas beyond national jurisdiction.*

СЕВЕРНЫЕ И АРКТИЧЕСКИЕ СОЦИУМЫ NORTHERN AND ARCTIC SOCIETIES

ВЕРЕЩАГИН И.Ф., МАКСИМОВ А.М. Этноконфессиональные факторы комфортности городского пространства в АЗРФ

VERESCHAGIN I.F., MAKSIMOV A.M. Ethnic and confessional factors of comfort of the urban space in the Russian Arctic

Аннотация. В статье рассматривается влияние этнической и конфессиональной структуры населения крупных городов АЗРФ на комфортность городского пространства. Авторы выделяют основные требования, предъявляемые к городскому пространству социальными группами, исходя

Abstract. The article deals with the influence of the ethnic and religious structure of the population of large cities of the Russian Arctic on the comfort of the urban space. The authors highlight the basic requirements for the urban space by social groups, based on their ethnic and religious affiliation. The

из их этнической и конфессиональной принадлежности. Определяются основные городские объекты и пространства, естественно-исторически создаваемые для нужд этнических и конфессиональных групп. В исследовании применены методы социального картографирования, наблюдения, анализа статистических данных. На примере крупных городов регионов АЗРФ авторы показывают бессистемный характер удовлетворения этноконфессиональных потребностей в сфере создания комфортного городского пространства. Это связано в первую очередь с разнообразной историей возникновения городских поселений в Арктической зоне, а также функциональным назначением населённых пунктов, которые различаются по численности и составу жителей. Исходя из данной дифференциации, выделяются соответствующие типы городских поселений. Основываясь на относительно успешном примере политики столичного региона, в статье выдвигаются рекомендации по совершенствованию соответствующей политики городских муниципалитетов АЗРФ. Обращается внимание на возможные особенности подобной политики, учитывая специфику арктических городов и миграционных процессов, происходящих в данном регионе.

Ключевые слова: *этнокультурное разнообразие, этноконфессиональный состав населения, комфортность городского пространства, Арктическая зона РФ.*

main urban objects and spaces naturally and historically created for the needs of ethnic and religious groups are determined. The study used methods of social mapping, observation, analysis of statistical data. On the example of large cities in the regions of the Russian Arctic, the authors show the unsystematic nature of meeting ethnic and religious needs in the creation of comfortable urban space. According to the authors, this is primarily due to the diverse history of urban settlements in the Arctic zone, as well as the functional purpose of settlements, which differ in number and composition of residents. Based on this differentiation, the corresponding types of urban settlements are distinguished. Based on the relatively successful example of the policy of the capital region, the article makes recommendations for improving the proper administration of the urban municipalities of the Russian Arctic. Attention is drawn to the possible features of such a policy, considering the specifics of the Arctic cities and migration processes taking place in the region.

Keywords: *ethno-cultural diversity, ethno-confessional composition of the population, the comfort of the urban space, the Arctic zone of the Russian Federation.*

СОКОЛОВА Ф.Х., ЗОЛОТАРЕВ О.В., МАКСИМОВА Л.А., СИБИРЯКОВ И.В. Стратегические приоритеты и практические формы реализации этнополитики в арктических субъектах Российской Федерации
SOKOLOVA F.Kh., ZOLOTAREV O.V., MAKSIMOVA L.A., SIBIRYAKOV I.V. Strategic priorities and forms of the applying ethnopolitics in the Arctic areas of the Russian Federation

Аннотация. В статье на основе комплексного анализа источников представлена эволюция стратегических приоритетов и практических форм реализации этнополитики в российских регионах на примере арктических субъектов Российской Федерации в постсоветский период. Доказано, что этнополитика каждого арктического субъекта РФ имеет свои отличительные особенности, обусловленные комплексом причин объективного и субъективного характера. Более отчетливо дифференциация региональных национальных практик проявлялась в 1990-х гг., когда в регионе, как и в стране в целом, наблюдались процессы суверенизации и политизации этничности. С урегулированием федеративных отношений, разграничением полномочий между центром и субъектами РФ на рубеже XX-XXI вв. арк-

Abstract. The article is dealing with the process of evolution of strategic priorities and practical forms of the realization of the ethnic policy in Russia on the example of the Arctic regions in the post-Soviet period. It is proved that the ethnopolitics of each Arctic region of the Russian Federation has its distinctive features, due to the complex of the reasons of its climatic, socio-economic, political and cultural nature. The differentiation of regional, national practices was more clearly manifested in the 1990s when in the Arctic regions, as well as in the whole country, the processes of sovereignty and politicization of ethnicity were observed. With the normalization of relations between the Federal center and regions, the separation of powers between the center and the entities of the Russian Federation at the turn of XX-XXI centuries, the Arctic regions are start-

тические регионы начинают выстраивать свою этнополитику в соответствии со стратегическим видением центра. Однако этнополитика исследуемых субъектов первого десятилетия XXI вв. была больше направлена на демонстрацию этнокультурного многообразия в ущерб идеям консолидации российского общества, что создавало почву для этнокультурной мобилизации и этноэгоизма. С принятием Стратегии национальной политики РФ 2012 года, в которой концептуальные основы нациестроительства были смещены в пользу укрепления единства многонационального народа и государства на принципах общегражданской солидарности, политика арктических регионов начинает встраиваться в общероссийскую логику урегулирования межэтнических отношений. Вопросы этничности в современной федеральной повестке дня тесно увязаны с проблемами безопасности. Данные социологических исследований и мониторингов межнациональной напряженности свидетельствуют, что региональные власти арктических субъектов контролируют ситуацию в области межэтнических отношений. Арктические субъекты относятся к регионам с низкой и очень низкой межэтнической напряженностью. Вместе с тем в латентной фазе находятся противоречия между местным населением и мигрантами, старожилами и новопоселенцами, рядом русских субэтносов и коренными малочисленными народами за равенство прав и привилегий.

Ключевые слова: Арктика, медиадискурс, арктический медиадискурс, геополитическая проблематика, американские СМИ, информационная политика.

ing to build their ethnonational policy according to the strategic vision of the center. However, in the first decade of the XXI century, the ethnopolicies of the Arctic regions was more focused on the demonstration of ethnocultural diversity to the detriment of the ideas of consolidation of Russian society, which created the basis for ethnocultural mobilization and ethnic-egoism. The Strategy of the national policy of the Russian Federation 2012, contains conceptual foundations of nation-building and is biased in favor of the strengthening the unity of the multi-ethnic people and the state on the principles of civil solidarity. The policy of the Arctic regions begins to integrate into the all-Russian logic of the normalization of inter-ethnic relations. Ethnicity-related issues in the contemporary agenda are intimately connected with the security ones. The results of the sociological surveys and monitoring of the inter-ethnic tensions suggest that regional authorities can control the current situation. Arctic territories are considered as the regions with the low and meager rate of ethnic tensions. However, contradictions between local people and migrants, old-timers and new settlers, Russian ethnic groups and indigenous peoples for similar rights and privileges are in the latent stage.

Keywords: the Arctic, media discourse, Arctic media discourse, geopolitical problems, American mass media, informational policy.

ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ REVIEWS AND REPORTS

АВДОНИНА Н.С., ВОДЯНИКОВА О.И., ЖУКОВА А.А. Освещение проблем Арктического региона в современной международной журналистике: примеры и особенности

AVDONINA N.S., VODYANNIKOVA O.I., ZHUKOVA A.A. The problems of the Arctic region in modern international journalism: examples and features

Аннотация. Статья посвящена обзору проблем Арктического региона, представленных в современной международной журналистике на примере путевого очерка международного журналиста С. Пашкевича «Письма с края света. Путешествие в Русскую Америку» и телепрограммы «30 дней в Арктике с Вилле Хаапасало». Данные информационные источники выбраны как образцы международной журналистики, освещающей проблемы Арктического региона в разных форматах (печать и телевидение) и в долгосрочной

Abstract. The article is devoted to the review of problems of the Arctic region presented in modern international journalism on the example of the travel essay by the international journalist S. Pashkevich "Letters from the Edge of the World. Traveling to Russian America" and the TV program "30 days in the Arctic with Ville Haapasalo". These works are selected as examples of international journalists covering the problems of the Arctic region in different formats (print and tv) and the longterm perspective. As a result of the analysis, we can conclude

перспективе. В результате проведённого анализа можно отметить общую тематику журналистских произведений — образ жизни местных жителей. Выбор проблематики обусловлен жанровыми особенностями представленных текстов: если письма Пашкевича представляют собой скорее лирическое журналистское сочинение, целью которого является демонстрация жизни «русских» аляскинцев с акцентом на общей русско-американской истории, то телепрограмма Вилле Хаапасало сочетает в себе развлекательный и информационный компоненты, и в определённой степени развлекательная составляющая (рассказы об охоте, рыбалке, участие ведущего в этих занятиях) уравнивается акцентированием внимания зрителя на различных проблемах, с которыми сталкиваются жители Арктического региона России.

Ключевые слова: Арктика, печатная журналистика, телевизионная журналистика, Аляска, инфотейнмент, международная журналистика, коренные народы.

ДЖАНЕЗИН Э. Искусство объединяет: Третий международный фестиваль снежных скульптур в г. Тромсё

GIANESIN E. Arts unite: The Third International Snow Festival in Tromsø

Аннотация. Настоящая статья представляет собой краткий обзор Третьего международного фестиваля снежных скульптур в г. Тромсё, который прошёл 23–26 января 2019 г. Мероприятие показано с точки зрения международного сотрудничества на севере Европы в условиях интеграции мировой культуры и кросс-культурного диалога.

Ключевые слова: Фестиваль снежных скульптур в Тромсё, международное сотрудничество, культура, Норвегия

on the general topic of chosen journalism works – the way of life of residents. The choice of problems is determined by the genre features of the texts presented: if Pashkevich's letters are more of a lyrical journalism work whose purpose is to show the life of "Russian" Alaskans with an emphasis on general Russian-American history; Ville Haapasalo's TV program combines entertainment and information components, and to a certain extent entertaining component (stories about hunting, fishing, participation of the facilitator in these classes) is balanced by the presentation of various problems from which residents of the Arctic region of Russia.

Keywords: the Arctic, print journalism, television journalism, Alaska, infotainment, international journalism, indigenous people.

Abstract. The article is a brief overview of the Third International Snow Festival in Tromsø, January 23–26, 2019, from the perspective of international cooperation in northern Europe in the context of the world culture integration and cross-cultural dialogue.

Keywords: Tromsø International Snow festival, international cooperation, culture, Norway

Редакционный совет журнала «Арктика и Север»

Editorial board of the “Arctic and North” journal

1. Alfred Colpaert (Альфред Кулпарт), доктор географических наук, профессор физической географии и геоинформатики, отделение географии и истории, Университет Восточной Финляндии.
2. Arild Moe (Арилд Мое), кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт Фритьофа Нансена, Норвегия.
3. Jens Petter Nielsen (Йенс Петтер Нильсен), доктор исторических наук, профессор отделения истории и религиоведения, Университет Тромсё — Арктический университет Норвегии.
4. Jukka Nyysönen (Юкка Нюссонен), доктор философии, профессор отделения культурологии, Университет Тромсё — Арктический университет Норвегии.
5. Lassi Heininen (Ласси Хайнинен), доктор политических наук, профессор арктической политики, отделение социальных наук, Университет Лапландии, Финляндия.
6. Maria Lähteenmäki (Мария Лахтенмаки), доктор философских наук, профессор истории, отделение географии и истории, Университет Восточной Финляндии.
7. Natalia Loukacheva (Лукашева Наталья Вячеславовна), доктор юридических наук, заведующая кафедрой управления и прав коренных народов, отделение политических наук, Университет Британской Колумбии, Канада.
8. Andrey N. Petrov (Петров Андрей Николаевич), Ph.D. (география), адъюнкт-профессор (доцент) кафедры географии, директор Центра междисциплинарных исследований Арктики, отдалённых и холодных территорий, Университет Северной Айовы, США.
9. Øyvind Ravna (Ойвинд Равна), доктор юридических наук, профессор права юридического факультета, Университет Тромсё — Арктический университет Норвегии.
10. Paul Josephson (Пол Джозефсон), доктор политических наук, профессор, отделение истории, Колби Колледж, США.
11. Голохваст Кирилл Сергеевич, доктор биологических наук, проректор по научной работе, Дальневосточный федеральный университет.
12. Дрегало Александр Алексеевич, доктор философских наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова. Почётный работник высшего профессионального образования России.
13. Зайков Константин Сергеевич, кандидат исторических наук, доктор философии, проректор по международному сотрудничеству, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова.
14. Кефели Игорь Фёдорович, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой глобалистики и геополитики Балтийского государственного технического университета «Военмех» имени Д.Ф. Устинова. Главный редактор журнала «Геополитика и безопасность». Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.
15. Котляков Владимир Михайлович, доктор географических наук, профессор, директор Института географии РАН (Москва). Действительный член Российской Академии наук, член Европейской академии наук, иностранный член Французской и Грузинской академий наук. Учёная степень Doctor Honoris Causa Тбилисского государственного университета. Почётный член Американского, Мексиканского, Итальянского, Грузинского, Эстонского и Украинского географических обществ, Почётный президент Русского географического общества. Член Межправительственной группы экспертов по проблеме изменения климата, удостоенной (2007) Нобелевской премии мира. Лауреат 11 золотых ме-

далее и премий, в том числе Государственной премии РФ в области науки и техники (2001).

16. Кудряшова Елена Владимировна, доктор философских наук, профессор, ректор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова.
17. Лукин Юрий Федорович, доктор исторических наук, профессор. Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.
18. Маслобоев Владимир Алексеевич, доктор технических наук, профессор, директор Института проблем промышленной экологии Севера Кольского научного центра Российской академии наук (ИППЭС КНЦ РАН).
19. Сергиенко Людмила Александровна, доктор биологических наук, профессор кафедры ботаники и физиологии растений Института биологии, экологии и агротехнологий, Петрозаводский государственный университет.
20. Сергунин Александр Анатольевич, доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет.
21. Сизова Ирина Леонидовна, доктор социологических наук, профессор кафедры прикладной и отраслевой социологии, Санкт-Петербургский государственный университет.
22. Соколова Флера Харисовна, доктор исторических наук, профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова. Почётный работник высшего профессионального образования России.
23. Титова Вера Эдуардовна, доктор экономических наук, кандидат геолого-минералогических наук, профессор, директор Центра «Недропользование в арктических регионах: экономические и правовые аспекты», Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова.
24. Ульяновский Виктор Иванович, доктор социологических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова. Почётный работник высшего профессионального образования России.
25. Фаузер Виктор Вильгельмович, доктор экономических наук, профессор, заведующий отделом социально-экономических проблем, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН. Заслуженный деятель науки Российской Федерации
26. Федоров Павел Викторович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Президентской библиотеки имени Б.Н. Ельцина, руководитель лаборатории геокультурных исследований и разработок Автономной некоммерческой организации ВПО «Международный банковский институт».

Утверждён на заседании редакции журнала «Арктика и Север»

30 марта 2018 года

Веб-версия доступна по ссылке:

<http://www.arcticandnorth.ru/DOCS/redsovet.php>

Выходные данные Output data

АРКТИКА и СЕВЕР. 2018. № 34

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.34

Главный редактор — Кудряшова Елена Владимировна.

Ответственный секретарь — Шепелев Евгений Александрович. E-mail: e.shepelev@narfu.ru

Редактор — Грошева Татьяна Евгеньевна. E-mail: t.grosheva@narfu.ru

Художественный редактор (английская версия) — Котлова Екатерина Сергеевна.

E-mail: e.kotlova@narfu.ru

Размещение на сайте — Шепелев Евгений Александрович.

Свидетельство о регистрации — Эл № ФС77-42809 от 26 ноября 2010 года

Учредитель — ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова»

Адрес учредителя: Россия, 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17

Адрес для писем и иной корреспонденции: Россия, 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17, редакция журнала «Арктика и Север»

Электронный адрес редакции: e.shepelev@narfu.ru

Подписано «в печать» для размещения на сайте <http://www.arcticandnorth.ru/> — 29.03.2019

ARCTIC and NORTH, 2019, no. 34

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.34

Editor-in-chief — Kudryashova E.V.

Executive secretary — Shepelev E.A. E-mail: e.shepelev@narfu.ru

Editor — Grosheva T.E. E-mail: t.grosheva@narfu.ru

Art editor (English version) — Kotlova E.S. E-mail: e.kotlova@narfu.ru

Placement on the webpage by E.A. Shepelev.

Registration certificate El № FS77-42809 from November 26, 2010

Founder — Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov

Address of the founder: 17, Northern Dvina Embankment, Arkhangelsk, Russia, 163002

Address for letters and other correspondence: "Arctic and North" journal, 17, Northern Dvina Embankment, Arkhangelsk, Russia, 163002

E-mail address of the editorial office: e.shepelev@narfu.ru

Signed for placement on the webpage <http://www.arcticandnorth.ru/> on 29.03.2019